

КАМАЛ АБДУЛЛА

**"Все
мои
печали..."**

ПЬЕСЫ

2828/1 31.8.11.

К
11407

Камал Абдулла

«Все мои печали...»

п ь е с ы

Баку – Мугарджим – 2009 г. бауцап

Milli Elmələr Akademiyası

Mərkəzi Elmi

Kitابخана

Камал Абдулла. «Все мои печали...» (пьесы). – Баку: Мутарджим, 2009. – 404 стр.

В сборнике представлены девять пьес известного азербайджанского драматурга, поэта и прозаика Камала Абдуллы. Духовные поиски человека, вечное и бренное, человек в контексте времени – исторического и сакрального – вот небольшой перечень тех философских проблем, которые затрагиваются в этих пьесах, сценически воплощенных в театрах Азербайджана, Турции, Грузии, Эстонии.

ISBN: 9952 28 021 0

© К.Абдулла, 2009
© Мутарджим, 2009

СОКРОВЕННЫЙ ТЕАТР КАМАЛА АБДУЛЛЫ

И вот, когда ты изуверившись в силах своих и потеряв всякую надежду быть услышанным и понятым, готов возроптать на участь свою, столь отличную от участи благонамеренных собратьев твоих, когда ты всего в одном шаге от отчаяния и безверия, сплывает из глубин души твоей сокровенное и говорит языком, доселе тебе неведомым...

*Теодор фон Клейман
«Слова скрижалей»*

По большому счету, неважно, что имел в виду Вильям Шекспир, устами своего героя утверждая ставшую расхожей мысль о том, что, мол, мир – это вроде как бы театр, а люди – все без исключения! – они, в таком случае, актеры этого самого театра-мира, и у каждого, согласно воле Драматурга, предначертан, т.е. – заранее написан вход и выход на сцену. Неважно, полагаю, и распределение ролей, ибо ключевым понятием и главным требованием этого самого Театра является ИГРА. Важно, что с легкой руки того, кого весь цивилизационный мир признал за образец (читай: классика) самого лучшего «игрока в театр», слово-понятие «Театр» покрыло собой почти все сферы деятельности «Хомо сапиенс»а, открытые взору «смотрящего» (в данном случае – зрителя...). Вспомним: «анатомический театр», «театр военных действий», «сцена истории», на котором разыгрываются «мировые трагедии и драмы», «исторические роли» всяческих выдающихся деятелей, а все, что «не видно» - это «закулисье», это не для посвященных, это – тайна мира те-

атра (или: театра-мира). Важно и то, что, опять же благодаря тому же Шекспиру ИГРА обрела двойственный смысл и амбивалентный характер: это и нечто несерьёзное, легкомысленное «дурачанье» и таинственное, во многом непостижимое проявление неких сил, как то: «игра страстей», «игры разума», «игра стихий», «игра случая» и проч., проч., проч. Учитывая, что уже во времена Шекспира, совпадающими, кстати, с елизаветинской эпохой, были люди, для которых игра в театре была профессиональным занятием, следует отметить для себя и такой момент: для них – актеров, режиссеров, драматургов и прочих деятелей Театра – весь мир, с его играми, смыслами и страстями, на самом деле вмещался и до сих пор вмещается в «итальянскую» коробку сцены. И ещё: полнота, своеобразие, привлекательность их мира в постшекспировский период главным образом зависит от параметров мира, того, кто приносит им текст с указанием времени входа и выхода на сцену. От драматурга. От автора пьесы. От творца иллюзорного мира ИГРЫ. От главного ИГРОКА.

Так было, так есть и так будет до тех пор, пока человечество (потенциальный зритель...) не утратит боговдохновенную охоту к ИГРЕ и не менее таинственную потребность в лицезрении ИГРЫ других людей, точно знающих свой вход и выход. Однако...

«В меня вместятся оба мира...»

...одна из особенностей пьес Камала Абдуллы, обратите внимание, заключается в том, что большинство героев на сцену – пространство ИГРЫ! – не «входят» и, соответственно, не «выходят», даже если в качестве ремарки использованы именно эти глаголы. Герои пьес Камала Абдуллы чаще «появляются», «возникают», «виднеются»; они «исчезают», «тают в темноте», «становятся невидимыми». А ещё раньше их самих «слышатся их голоса» (на это обратите особое внимание!) за сценой. Сама же сцена в представлении Камала

Абдуллы это некое «полутемное», «сумрачное пространство», «это не дом, и не улица, а именно место, где взгляду не на чём задержаться» (зафиксируем и это замечание по поводу «взгляда»). А если все-таки описывается эта «обычная комната», в ней обязательно есть «нечто»; если это стандартная «кухня», то здесь наличествуют все атрибуты траурных поминок, что изначально предрекает возможность возникновения здесь событий и персонажей inferнального, потустороннего мира; порой это просто «местность», но автор сразу же подчёркивает, что «...по сути это обратная сторона реального, существующего мира», затемнённая сторона которого «в любую минуту может ожить и наполниться светом», превратившись в «ареал проживания»... кого? Да кого угодно, лишь бы это самое «пространство» не отторгнуло его (того, кто объявляется в нём...) как чужеродное, самодостаточное существо.

Один из ярчайших бунтарей седого Востока, поэт и философ Имадеддин Насими сетовал в свое время на злую шутку, которую сыграла с ним Судьба: по утверждению поэта в него вмещалось оба мира, в то время как он не вмещался в пространство подлунного (бренного, неверного, быстротечного, иллюзорного) мира. А в пространстве пьес Камала Абдуллы сосуществуют в некоем динамическом равновесии оба мира, в своем непредсказуемом движении оставляя место и для мира виртуального (который может или должен самосуществовать...), и для мира альтернативного (который создается вопреки нормативам ревнителей «железной логики») и для мира герметического (который можно различать на фоне мира постигаемого, но проникнуть в который невозможно), и для мира гносеологического (в котором, если приложить к нему гениальное определение Ландау, можно понять то, что невозможно представить). «Мирное сосуществование» и драматическое взаимопроникновение всех этих «миров» оказывается возможным в силу бесконфликтного

отношения к ним автора: все эти миры в равной степени дороги ему, в каждом из них он «свой» и потому может выступать также и в качестве медиатора, связника между ними. «Уловка» же драматурга Камала Абдулла заключается ещё и в том, что на стыке между «мирами» он организует своё собственное, абсолютно суверенное пространство, в котором чувствует себя если не комфортно, то, во всяком случае, в полной безопасности. Отсюда автор в условиях прозрачной конспирологии, т.е. одновременно и интригуя читателя-зрителя некоей тайной, и рассыпая по тексту пьес довольно вычужденные подсказки (ключи к коду...), контаминирует события, перемещая их из одного пространства в другое, внедряя одно событие в другое, перемещивает их, события, между собой, обосновывает одно событие другим, испытывая при этом нескрываемое удовольствие от «игры разума в классики» на «территории духа».

Зафиксируем этот момент «игры» и зададимся вопросом: на что и, главное, на кого рассчитывает Камал Абдулла, предлагая читателю-зрителю столь сложные на первый взгляд смысловые и композиционные построения? Ответ на этот невинно-провокационный вопрос в своё время дал всем людям планеты Земля летчик-писатель, аристократ по происхождению и по духу Антуан де Сент-Экзюпери. Помните? «Самое главное глазами не увидишь, зорко одно лишь сердце». А теперь вспомним о ремарке Камала Абдулла о пространстве, где взгляду не на чем задержаться. Полагаю, с этим вопросом мы разобрались если не полностью, то достаточно для того, чтобы попробовать прочесть пьесы Камала Абдулла не только глазами. Однако...

«Время разбрасывать камни и время собирать камни...»

...в одном из стихотворений (кстати, предпосланном в виде аутентичного эпиграфа к пьесе «Ангел») Камал Абдулла на мой взгляд достаточно ясно и внятно (с точки зрения ло-

гики смысла) дал указание на временной континуум своих пьес. Невидимый голос сообщает о невероятном (в контексте реалий физического мира) событии: «Зарю свою настиг сегодня поутру// Заря на горизонте задержалась».

Хоть и неблагоприятное это дело раскладывать поэтический смысл по логическим полочкам, всё же для вящей убедительности предпримем эту попытку. Итак, какую информацию о времени актуализации этого события даёт автор, он же участник знаменательной встречи? «Сегодня поутру» - вот ключевое обоснование хронотопа - времени-пространства пьес Камала Абдулла. В этой поэтической формуле опорным (понятийным) является слово «сегодня»: все события пьес, все невероятные, полуфантастические, мистические истории происходят во временном отрезке именно «сегодня», т.е. - дня, когда читатель «глазами сердца» читает пьесу, а зритель теми же глазами смотрит на сцену, где герои или в порыве чувств разбрасывают камни, или, просветлённые «страданиями любви» (Физули), терпеливо собирают камни взаимных обид, претензий... обвинений... невыполненных обязательств... а порой совершают оба деяния одновременно... (единовременно... своевременно... вневременно...).

Так получилось (не хочется придавать этому факту значения больше, чем он содержит в себе), что в сборник автором включено девять пьес. Это любимое число эзотериков - «сокральная девятка» - в умелых руках манипулятора смыслами способна создать вокруг (над... перед... около...) пьес Камала Абдулла такие изоцифрованные криптограммы, что настоящий сборник с полным на то основанием можно было бы отнести к модной в последнее время литературе «провидческой». Мы не станем делать этого, дорогой читатель, оставим это, (к слову, очень увлекательное) занятие для любителей всего оккультного; мы просто (и скромно) совершим констатацию очевидного: девять пьес Камала Абдулла - это всего лишь девять из множества других «печалей» современ-

ного азербайджанского интеллигента, чуткого к зовам (вызовам) всех форм Времени: исторического... вечного... социально-психологического... субъективно-психологического... относительного... астрономического и поэтического...

Перечтите ещё раз, а если уже прочли, то вспомните упомянутое выше стихотворение-эпиграф к пьесе «Ангел».

Встреча с Зарей на Горизонте, условной линией, разграничивающей Небесную Высь и Земную Твердь, обусловило относительность, релятивистский характер и природу времени-пространства «печалей» поэта-драматурга.

Не навязывая читателю собственную точку зрения, с уважением относясь ко всем возможным противоположным мнениям, рискну дать «расшифровку» заявленного аспекта драматической поэтики Камала Абдуллы:

- только на недостижимой в физическом мире линии горизонта Время спрессовано настолько, что объединяет в себе качество двух измерений, а, значит, только здесь можно смотреть сразу в две противоположенные стороны («ДУХ»);

- во Времени горизонта нет разделения на «реальное» и «ирреальное», на «правду» и «вымысел», на «экзистенциальное» и «сакральное» («Ангел»);

- здесь, на тонкой линии, разделяющей «свершённое» и «несвершившееся», есть Время понять (узнать) нерасчлененность «Знания» и «Не-Знания», «смысла» и «нонсенса», который «дарует смысл» (Ж.Делёз). А что делать с этим «знанием-незнанием», прошу прощение за невольный каламбур, не знает ни герой, ни сам автор («Раз, два – слышу едва...»);

- здесь, «сегодня поутру», стираются грани между «правдой» и «неправдой», ибо, если и есть какая-то одна «правда», то она в руки не даётся, эта самая «правда» мерцает в стихии всеохватной игры, являя взору одни лишь свои подобия («Ночи, полные дождя»);

- линия горизонта, она же линия телефонной сети: благодаря ей могут говорить между собой обитатели двух временных измерений («Ты – плохой мальчик!»);

- в поэтическом Времени Зари на Горизонте находим ответ на печально-пессимистический вопрос о том, кто нам сказал, что птица Симург бывает на самом деле... Ещё на заре цивилизации неведомый демиург-поэт (народ!) сочинил притчу о тридцати птицах (перс.: си – тридцать, мург – птица), вознамерившихся долететь до БОГА, а потом великий суфий шейх Аттар в своей поэме «Смысл полета» («Мантик-уль-Таййар») и Мовлана Джалаледдин Руми в «Поэме о сокровенном смысле» («Маснавира манави») подтвердили, что всё это происходило (и происходит!) «на самом деле». Чтобы удостовериться в этом, надо всего лишь долететь (доплыть) до своего горизонта, только и всего («Кто вам сказал, что птица Симург бывает на самом деле?»);

- по ней, словно канатоходцы на празднике весеннего равноденствия Новруз Байрам, настороженно, на ощупь, трепетно, словно бы с опаской, а на самом деле бережно, опасаясь нарушить это хрупкое и такое условное равновесие Времени, ходят те, кто не обрёл (не смог...не захотел...не суждено было...) духовной гармонии по обе стороны Бытия («Словно бы с опаской...»);

- линия горизонта – это место и время встречи людей различных исторических эпох, ибо все они, и те, кто любил нас, и те кого мы думаем, что любили, давно уже здесь и мы можем (наверное, должны...) воспринимать их безусловно и безотносительно к нашей так называемой «земной сущности». («Шах Исмаил, или Все, возлюбившие тебя, давно уж здесь!»);

- во Времени, предшествующем Истории, произрастает развесистый вяз: под ним сидит (или: делает вид, что сидит...) великий шаман и демиург Деде Горгуд и сообщает нам «верные вести из Вечности». Как мы их воспринимаем, как

поступаем и какие выводы делаем – это уже наша проблема («Шпион»).

Вот что может привидеться поэтическому взгляду, когда он находит время различать среди всполохов Зари видения на Горизонте. Однако...

«Возьмите Слово за основу...»

...мы говорим о пьесах Камала Абдуллы и посему неизбежно должны хотя бы коснуться его индивидуального драматургического метода. Сделать это мы обязаны ещё и потому, что Камал Абдулла известен и как серьёзный прозаик, и как оригинальный поэт и переводчик поэтов русского Серебряного Века. Вскользь упомянем и его изыскания в научной сфере филологии и вернёмся к заявленной теме.

Предельно формализуя проблему, можно пунктирно очертить параметры драматургического метода Камала Абдуллы и своеобразие его драматургической поэтики, которая, к слову, уже неоднократно находила своё сценическое воплощение, как в Азербайджане, так и за его пределами.

Итак, предметом драматургической поэтики Камала Абдуллы, непосредственно и органично связанным со всем его литературным творчеством, видится тайна. Утверждая это, мы экстраполируем, переносим на драматургию Камала Абдуллы весь комплекс, всю систему его мировидения и мироощущения, которую он неоднократно декларировал, в том числе и в своих научных и публицистических работах. Говоря о тайне, Камал Абдулла всегда подчеркивает три её ипостаси, чрезвычайно важные для него лично: первая ипостась – изначальная герметичность, нераскрываемость всего тайного; вторая – манящие зовы тайны, подвигающие (провоцирующие) на вечное стремление к ней; третья – эстетическая завершенность и художественная выразительность тайны, ибо, в противном случае, она, тайна, обретает черты табуированного, запретного «секрета», а это не может увлечь поэта по определению.

Его не удовлетворяют «картинки» быта и Бытия, отражающиеся в отполированном веками «зеркале сцены»: там все и про всё знают, там никто не нарушает предписанное время входа на сцену и каждый уходит со сцены, успев поставить все точки над «и». Пользуясь правом «своего человека», Камал Абдулла проходит за кулисы Театра и всматривается в событие, которое, как правило, герои не договаривают до конца, а из всех знаков претияния предпочитают многоточие. Там никто ничего не демонстрирует, там надо уметь слышать не вслушиваясь, и видеть не вглядываясь...

Точку зрения на предмет драматургической поэтики Камала Абдуллы обуславливают две позиции: первая – тайну рассматривает как бы с некоего деликатного расстояния интеллигент, человек культуры чеховского склада. В этической традиции азербайджанцев такой тип человека обозначается двумя лексемами: зийалы (фарс.: лучистый) и айдын (тюрк.: светлый, ясный, просветлённый). В этой тонкой семантической дифференциации, кстати, свойственной формослообразующим механизмам азербайджанского языка, заключены два в принципе однородных этических требования: азербайджанский интеллигент по определению обязан «рассеивать тьму» (Н. Хикмет) и быть «духом свыше вдохновлённым» («Китаби-Деде Горгуд»). Он не боится направить «луч познания» (идрак) в самые темные закоулки (закулисы) человеческой природы, но делает это не ради праздного любопытства или из суетного желания потешить других «шокирующими разоблачениями». Он в силу своей просветлённости чётко разграничивает «сокровенное» и «интимное»: первое для него – предмет чувственного постижения (фахм), второе – тема деликатного умолчания. Зийалы-айдына отличает сильная интенция к постижению «тайны», но он знает и предел, за который то, что «узнать не дано» (Физули). Он беспристрастен в постижении тайны, но предельно тактичен, по-джентельменски корректен в прикосновении к ней.

Наличие второй позиции позволяет однозначно относить тексты Камала Абдуллы именно к сценической литературе, а деятелям театра принимать их за плодотворную литературную основу будущего (потенциального) спектакля. Это - позиция и отношение «Хомо луденс»а, - человека играющего, выдумщика и мистификатора, по - детски безапелляционно меняющего по ходу дела правила игры, затеянной им же самим на территории, для игры, на первый взгляд, не очень-то и предназначенной. Соревнование (агональность) этих двух позиций в контексте каждой из пьес, представленных в настоящем сборнике, их взаимозаменяемость и конгенциальность, явление в азербайджанской драматургии, тяготеющей к монологичной дидактичности, уникально также и своей укорененностью в традиционную философски-эстетическую поэзию Востока. Как Дальнего, так и Ближнего...

Отношение Камала Абдуллы к Слову как нельзя точно выражено в стихотворении французского поэта Раймона Кэно. Вот оно:

-Возьмите Слово за основу,
И на огонь поставьте Слово.
Добавьте мудрости щепоть,
Наивности большой ломоть,
Немного слёз, немного перца,
Кусок трепещущего сердца,
И на конфорке мастерства
Прокипятите раз и два
И много-много раз всё это.
Теперь пишите. Но сперва
Родитесь все-таки Поэтом.

Я потому начал речь о третьем компоненте драматургической поэтики – средствах выразительности – со Слова, что в пьесах Камала Абдуллы, вопреки утверждению Гёте,

считающего, что «в любом произведении большом или малом – всё упирается в концепцию», всё – и композиция, и конфликт, и события, и характеры героев, и даже столь высокоценимая Гёте концепция – упирается в Слово, опирается на Слово, истекает из Слова и в Слово же свёртывается. Порой Слово властно ведет за собой мысль и чувство автора, порой он сам увлечённо «играет со Словом», иногда он выдумывает новое Слово, которое на поверку оказывается забытым старым, но всегда именно Слово берётся за основу создания сокровенного театра-мира, где люди – это Слова, обретшие плоть и кровь только для того, чтобы быть произнесёнными. «Скажи что-нибудь и я пойму тебя!» - просил Сократ своих современников, а уж он-то умел слушать! «Послушайте меня, вслушайтесь в Слово произнесённое и вы поймёте-почувствуете всё, даже то, что не высказано!» - просит Камал Абдулла своего читателя-зрителя, уверенный в способности последнего слушать и слышать «зовы новых губ» (В. Маяковский)

В сокровенном театре Камала Абдуллы Слово позиционируется деянию, действию, поступку как значимо приоритетное по праву первородства, ибо «сначала было Слово». В этом единодушны все авраамические религии; в Священном Коране даже указано само это Слово: Создатель произнес «КЮН» - «БУДЬ» и задуманное им обрело Бытие. Просвещенные знатоки Корана говорят, что в этой ниспосланной свыше Книге наиболее употребляемое Слово – «возможно». Творец ничего не обещает твари, говоря научным языком, он утверждает «принцип неопределённости» основным правилом взаимоотношения с ним – всё может быть, кроме того, чему не суждено быть. И вот, все без исключения герои пьес Камала Абдуллы, каждый в меру своего возраста, интеллектуального ценза, в зависимости от физического и психического здоровья, силы духа и воли пытаются разгадать эту «тайну наставника миров» (араб.: «сирри-рабб-уль-алеминин»),

стремятся отыскать и произнести Тайное Слово, которое поможет им вырваться за пределы «мира неопределённости». Все они люди грамотные, осведомлённые, все они люди восточные и хорошо помнят предостережение поэта и астронома Омара Хайама. Вот это:

Что там, за ветхой занавеской тьмы?

В гаданиях запутались умы...

Когда же рухнет эта занавеска,

Увидим все, как ошибались мы!

В предрассветном полумраке, «где взгляду не на чем задержаться», единственным ориентиром, да и вообще опорой, путеводной нитью служит Слово; доказательством (для слушателя и для себя) собственного существования служит способность говорить и здесь Максима Декарта переосмыслиется самим Словом: «я говорю, значит, я существую». Ясное дело, что процесс говорения здесь не ограничивается рамками нейролингвистики и не является феноменом психоллингвистики, хотя в некоторых случаях герои говорят совсем не то, что от них ожидают собеседники и, даже, совсем не то, что они собирались сказать.

Понятно, что в маргинальной ситуации пограничного существования Слово не способно стать равнозначным действием, но герои пьес Камала Абдуллы и не претендуют на это, а скорее, наоборот: где только возможно заменяют (подменяют действие) поступок Словом. В этом их трагичное преимущество перед «хомо фабер» - человеком действующим, но это и единственный способ существования, позволяющий им оставаться самим собой. Даже если ничего хорошего это им не сулит. Даже если они кажутся со стороны шизофрениками. Даже если в итоге наглядно видят свое неприглядное отражение в Зеркале Высокого Слова, Ниспосланного Слова!..

О, если бы в их лексиконе не было слов бытовых, слов лукавых, слов неискренних, слов недоговорённых, слов чужих и чуждых духу их! Быть бы им людьми света и гармонии.

Но все дело в том, как это ни печально, что все они, как впрочем, и мы с вами, дорогой читатель, живут «сегодня» и обременены теми же заботами, и опутаны теми же заблуждениями, и терзаемы теми же сомнениями, и самой главной тайной для них являются они сами.

Но все дело в том, и это вселяет надежду, что все они в отличие от многих из нас, пусть с опаской, пусть не до конца убеждённо, пусть терзая своих сокровенных Проводников-Сталкеров, но делают шаги к своему Горизонту, к своей Заре.

И каждый из них с полным на то правом, выстраданным и подтверждённым искренним, исповедальным Словом, могут повторить вслед за Поэтом:

«Печаль моя светла...»

Вагиф Ибрагимов,
режиссер,
заслуженный деятель искусств, профессор
Декабрь 2008.

Ж
11407

...вечером, когда уже было темно, он сидел на скамейке в парке и смотрел на звезды. Ему казалось, что он видит нечто новое, нечто такое, чего раньше не видел. Он чувствовал, что он находится на пороге великого открытия.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

АНГЕЛ

Один акт игры воображения

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

...он был уверен, что он нашел то, что искал. Он чувствовал, что он достиг цели. Он был счастлив и горд. Он знал, что он сделал великое дело. Он был готов поделиться своим открытием с миром.

Azərbaycan
Milli Elmlər Akademiyası
Mərkəzi Elmi
Kitابخана

Действующие лица:

Юноша
Женщина
Мужчина

Темно. На фоне то ли музыки, то ли шороха падающих листьев чей-то голос доверительно декламирует стихотворение.

—Зарю свою настиг сегодня поутру...

Заря на горизонте задержалась.

Я слов не находил, какая жалость!

Заря сама неспешно принялась делиться

Со мной своей печалью предрассветной...

Мы лицами касались,

коленями касались.

Никчемными казались на горизонте

Все мои печали.

Понемногу светает. Из темноты поначалу доносятся голоса Женщины и Юноши. Тени - обладатели этих голосов подходят к большому дереву, чья листва опала, множество веток высохло и само оно имеет безжизненный, обессиленный вид. И дерево и обладатели этих голосов, по мере того как светает, начинают медленно выходить из темноты к свету.

Женщина. Вот так. Иди, иди сюда. И успокойся, слышишь, спокойней. Вот так. Успокойся. А теперь внимательно слушай. Слышишь? Ты же мечтал об этом? Слышишь? Да? Слушай. Слышишь...

Тихо, словно издали доносится грустная, навевающая тоску грустная мелодия, которая берет за сердце, как бы утверждая тцету этого мира.

Юноша. Что это? В жизни я ничего подобного не слышал? Ради Бога, скажи, что это за мелодия? Таких звуков не бывает. Это чудо? Я не верю в чудеса. О Боже, они

словно разливаются по всему телу. Как масло, как мед... Разве существуют такие звуки? И какие они разноцветные... А ты все утверждала, что у звуков нет цвета. Смотри, смотри туда, красный, желтый... Есть и голубой. Белый... Здесь смешались все цвета радуги. И как они чисты, как... уважительно относятся друг к другу. Видишь?

Женщина. Значит, видишь?!

Юноша. О Боже, Боже... И голоса, оказывается, имеют свои цвета. Есть этот цвет, есть. Я не видел. Теперь вижу. Наконец-то.

Женщина. Значит, увидел. Наверное, они красивы. Как всё таки легко сделать тебя счастливым.

Юноша. Увидел, увидел. И верю, и не верю. Но вижу. Вижу. Ты велик, о Боже. Смотри. И ты смотри. Ты видишь их?

Женщина. Да кое-как. Вижу.

Юноша. Ага, значит, видишь. Уже стало светло. Вокруг все стало белым, как молоко. Все вокруг в белизне. Я счастлив. Ты видишь. Я смог... смог показать тебе это.

Уже все вокруг залито светом и в этой белизне появляются пляшущие разноцветные лучи. И звуки музыки ускоряются в ритм танца этих лучей. Только дерево по-прежнему старое, съездившееся и одинокое.

Ты поверила в это. Видишь, что бывает на свете?! А ты не верила. Наконец-то. Наконец-то, я счастлив.

Женщина. Ты знаешь, как это бывает, когда чувствуешь себя счастливым?

Юноша. Нет. Видимо, не знаю. А может, знаю?! Нет, наверное, не знаю. Боже, боже, что это за звуки, смотри же, смотри... По-моему, счастье это когда ты сможешь показать другому, что видишь сам, и заставить его верить в то, чему веришь только ты. А? Не это ли?

Женщина. И только?

Юноша. Разве этого мало? Разве все вокруг, весь мир изначально не держится на этом?! «И только...».

Музыка затихает. Танец лучей света продолжается. Женщина садится под деревом, поджав под себя ноги. И будто она странным образом сливается с деревом.

Чего же ты еще хочешь?

Женщина. Я? Я ничего не хочу. (пауза) Есть только одно, чего мне хочется. И ты это знаешь. И поэтому...

Юноша. Что? Оставь же все это. Погляди туда. Подними голову. Гляди. Посмотри, что происходит! Видишь?

Женщина (неохотно, обессилено). Ты же видишь...

Юноша (пылко). Да, я вижу. Это чудо, чудо. Я вижу... Посмотри на это... О Боже, Боже (осторожно глядя на Женщину). О чем это ты все время спрашивала?... Кажется, я что-то вспоминаю. Так и есть. Постепенно... вспоминаю.

Женщина, будто, оживает. Поднимается, хочет встать вровень с Юношей. Юноша прячет от нее лицо, отводит глаза.

Постой, погоди. Сейчас вспомню. Да. Вспомнил. Конечно, вспомнил (смотрит Женщине прямо в глаза). Увидел тот цвет, и вспомнил. Почему ты так смотришь? Ты же сама хотела, чтобы я вспомнил. Как же я мог забыть? Удивительно. Не понимаю, как это случилось.

Подходит к дереву, словно говоря с ним.

У меня железная память. Железная (оборачивается к Женщине)! А вот это забыл, даже странно. Наверное, потому что не имело значения. Пустое.

Женщина вновь опускается под деревом. Юноша же опять ищет цвета. словно говоря сам с собой.

Погляди, какой алый цвет. И как он ненасытен. Кажется, проглотит все остальные. Дай же и другим жить, дышать, ты мой дорогой... А сколько спеси, какой гонор ...

Женщина вдруг встает и хочет уйти. Юноша краем глаз замечает это.

Что ты делаешь? Куда? Почему ты так глядишь? Ладно, ладно, вспоминаю же. Видишь, стараюсь. Вспоминаю. Ну, что я такого сказал? Вроде бы вспоминаю.

Женщина. Знаешь что? Рано или поздно ты должен вспомнить. Ты не можешь не вспомнить. Говоришь, вспоминаешь, ну и слава Богу... *(прислоняется к дереву, но со стороны кажется, что они сплелись в объятии.)*

Снова слышатся далекие звуки печальной музыки.

Юноша. *(будто во сне, вспоминая то, что когда-то говорила ему Женщина)* «От этого зависит твоя жизнь... От этого зависит твоя жизнь. Вспоминай. Вспоминай». Это говорила ты. «Ты, как ребенок. У тебя душа детская. Я боюсь задеть ее. Душа у тебя особенная. Она принадлежит небесам». Разве не ты говорила это? Это ты говорила. Куда же теперь уходишь? Не уходи...

Женщина отстраняется от дерева, подходит к Юноше.

Женщина. Видишь, ты еще помнишь меня. Нет, нет конечно. Я никуда не ухожу. Я не отпущу тебя. Ты не останешься один. И я буду не одна. Дай, дай же мне руку *(нервно берет его за руку)*, дай. Не отвлекайся. Соберись с мыслями...

Некто в совершенно черном одеянии с белым посохом в руке, словно видение, проходит перед ними.

Юноша. Да разве можно забыть такое? Это... это же... Ты велик, Господи. *(Видение будто вздрагивает)* Велик ты, Господи. Не оставляй меня... *(Видение уходит, исчезает)...*

Женщина. Что с тобой? Не отвлекайся. Вспомни...
Женщина.

Юноша. Каким же был тот вечер?! Немного похожим на тот белый цвет. И немного на этот черный. А я был внутри красного. Знаешь, поначалу я затаился в красном.

Женщина. А потом? Потом???

Юноша. Потом?! Потом белый и черный слились. Двинулись на нас. Боже, Боже, до чего же они были безжалостны. Казалось, они поглотят нас. Растворят. И все исчезнет. Так просто. И все, все исчезнет. Но не вышло. Спроси: «Почему?» Потому что оттуда, все видел тот, единственный, Всемогущий. Видел. Не мог не видеть. Они шли так, знаешь, с чувством превосходства и пренебрежения! А он видел это и не позволил. Не позволил.

Женщина. Увидел. Не позволил. Прогнал его. Проклял его. Превратил в вечного странника. Только как же сильно он любил...

Юноша. Кто кого любил, не любил, не знаю. Только он увидел. Я знаю, что он увидел.

Женщина *(подходит к месту, где стояло черное видение, долго смотрит ему вслед)*. И сейчас он любит нас, как умеет. Со стороны кажется, будто он нас ненавидит. Но такова его любовь. Он умеет любить только так. *(подходит к Юноше)*.

Юноша. Что же, знаешь, я тоже почувствовал нечто подобное. А может... может, наверное, эти цвета перевернули бы весь мир... Знаешь, какой была та ночь? Царственной, ало-красной. Нет, погоди, а может, она не была

красной? Может, она была желтой? Вон, тот, тот цвет. Как он называется. Это был он. Конечно, он. Послушай, ты видишь его?... Говорю тебе, это был он, он.

Вновь начинается танец лучей под звуки грустной и далекой музыки. Внимание юноши вновь приковано к ним.

Слава тебе, Господи. Видимо, нашел. Какая нежная мелодия... Она стала прекрасной, кажется, стала еще прекрасней. Ты действительно прекрасна. В тебе прекрасно все. Никому не к лицу быть вот такой прекрасной. Ей-богу, я говорю правду, ты мне не веришь?

Женщина (*ей кажется, что все это Юноша говорит ей*). Верю. Почему мне не верить? Ты ведь всегда говорил мне правду, только правду. И сейчас скажешь. Ничего постепенно не станешь скрывать. Ведь не станешь?!

Музыка стихает. Разноцветные лучи исчезают, и Юноша словно пробуждается.

Юноша (*Женщине*). Так. Ты права. Я никогда не обманывал. Я говорю правду. У той ночи не было никакой мелодии. Не сравнивай с этой. Эта совсем иная. У этой есть мелодия. Слышала?

Женщина. Слышала, слышала. А ты помнишь почему та ночь была такой безмолвной?

Юноша. Я не слышал ни звука. Почему? Не знаю. Эта ночь не в счет. Ночь или утро – все совсем иное. В ту ночь я не слышал никаких звуков.

Женщина. А сейчас... слышишь?

Юноша. Слава Богу. Слава Богу. Вспоминаю. Сначала было безмолвие. Я хорошо помню безмолвие. Когда распускаются беззвучно цветы...

Женщина. Странно. Ты говоришь о безмолвии?! Странно. Безмолвие, при котором распускаются цветы... А потом? Что было потом?

Юноша. Пришел он...

Женщина. Пришел он. Ага, пришел он. Наконец, через столько времени он пришел. А что было потом? Расскажи мне. Потом... Потом... Он пришел... Он пришел... Божья кара!

Юноша (*испуганно*). Да, он пришел. Очень внимательно посмотрел на меня. И протянул мне белый луч, который держал в руке. Я начал говорить с ним. В его руке был продолговатый красивый белый луч. Белизна его слепила глаза. Оказывается и у белого имеются оттенки. Вот платье на тебе тоже белое. А тот был иссиня белым...

Женщина. Успокойся. Успокойся. Иди, присядь здесь (*подводит Юношу к дереву, усаживает его*). Значит, говоришь, он протянул тебе белый луч? Ну и? Что он сказал тебе? Каким было его первое слово?

Юноша. Сказал, что... (*Старается вспомнить*) Вспомнил. Видишь те лучи?

Вновь начинается борьба красного и зеленого. Но на этот раз музыки не слышно.

Видишь? Он хочет проникнуть в зеленый. А зеленый не пускает. И не пустит. Смотри, смотри. Разве не видишь?

Женщина. Я же сказала... Вижу. Что он сказал тебе???

Юноша. Не знаю. Забыл. Вылетело из памяти. Пропало. (*Шепчет, будто не хочет, чтобы его услышало дерево*) Знаешь, у меня очень слабая память. Не помню, того, что ел вчера. Странно? Странно! Будто забыл. Да, забыл. (*пауза, после*) Если бы и помнил, то не сказал. Тебе не сказал бы. Это знаем только он и я. Как я могу сказать это?! Причем, тебе?!

Женщина (*рассерженно ходит вокруг дерева*). Ну что ты опять упрямисься? Ведь мы договорились. Ты должен был рассказать, все, как было?! Говори. Рассказывай. (*Становится перед Юношей*). Знаешь, что?! Если ты расскажешь, мы шаг за шагом сможем вернуться назад. Пойми. В этом твое спасение. В этом. (*Снова кружит вокруг дерева*) Я же хочу спасти тебя. Хочу... спасти... Ты ведь умрешь, погибнешь, исчезнешь. Ну почему ты вот так упрямисься?! Вспомни. Прекрати упрямиться. Помоги. Я хочу спасти тебя. Поверь! Понимаешь? Спаси (*вновь останавливается прямо перед Юношей*). Будь человеком. Вспомни. Вспомни. Ты же возродишься. Спасешься. И ты. И я...

Юноша медленно встает. Смотрит в сторону пляшущих лучей, ничего не видит. Слобно чувствуя вину, не смеет смотреть на Женщину.

Если ты не вспомнишь, не расскажешь мне все, что было, все, о чем ты думал, что знал, все свои фантазии, небылицы, если не расскажешь мне всю правду и неправду, поверь, поверь, я ничего не смогу сделать. Если мы шаг за шагом не вернемся назад, мы всю жизнь протопчемся здесь.

Женщина подходит к Юноше. Они обнимаются так, будто кто-то пытается разлучить их. Черное видение задумчиво подходит, смотрит на них, потом вновь исчезает.

Открой мне свое сердце. Вручи мне свое сердце. Открой шаг за шагом. Поведай обо всем, что есть, и чего нет у тебя. Если будешь молчать, ты тоже растворись среди тех цветов. И тебя съест, поглотит, (*они размыкают объятия*)... тот красный. Я... хочу спасти тебя.

Юноша. Поглотит меня?! А голос мой?

Женщина. (*устало*) Ничего не останется.

Юноша. Нет, так не бывает. А почему же тогда я слышу их голоса?

Женщина (*отходит к дереву, садится под ним*). Знаешь, что?! Ладно. Ты заставил меня. Я не собиралась говорить тебе этого. Слушай же. Если хочешь знать. Знай. Только ты слышишь их голоса. Только ты! Больше никто!

Дерево вдруг раскачивается, будто желая ожить. Юноша в потрясении и страхе.

Только ты... Никто, кроме тебя, не слышит голоса цветов. Потому что их нет. У голоса не бывает цвета. И у цвета не бывает голоса. Пойми же, наконец, это. Пойми это. Пойми.

Дерево, внезапно ожившее, так же вдруг замирает. Тишина. Юноша словно начинает прислушиваться к несуществующим голосам. Эти голоса сжимают его, не отпускают, преображают, убаюкивают его. Юноша так отчетливо слышит их...

Юноша. Ты... ты не слышишь?

Женщина. Я хочу слышать твой голос. Ты понимаешь меня? Твой. Только твой голос. Расскажи мне, что сказали тебе в ту ночь после безмолвия? Я устала, теперь ты измучил меня. О Боже, как же я устала.

Юноша, обессилено опускается на землю. Женщина подходит к Юноше. Садится рядом, демонстрируя нежность.

Я устала исправлять то, что он разрушает. Снова приводить все в прежний, первоначальный вид. Устала. Теперь он приходит все реже. Но когда приходит, врывается, как молния (*сверкает молния, оба они вздрагивают*). Врывается как

молния. Вымещает всю свою злобу, гнев до последней капли. Изливает всю свою желчь. Трудно потом бывает... Но что он может поделать — так он умеет любить.

Юноша (словно очнувшись). О ком ты говоришь?

Женщина. О том, кто приходит к тебе и доводит тебя и меня до этого состояния...

Юноша. Доводит меня до этого состояния? Что же он мне сделал?

Женщина. А что он только не сделал? Ты же не хочешь... Не можешь сказать, для чего он пришел. Ведь он не к каждому приходит. Ищет, ищет, долгое время следит за кем-то, без его ведома, изучает его до мельчайших подробностей, и, избрав, знает, кого избрал.

Пока Женщина произносит эти слова, снова появляется черное видение, внимательно глядит на Юношу, а потом снова незаметно исчезает. Юноша, словно почувствовав что-то, начинает дрожать.

Юноша. Кто он?

Женщина. Не спеши. Узнаешь, сам еще узнаешь, кто он. Беспутный бродяга... Имей же совесть, прошу тебя, постарайся вспомнить. Итак, он пришел. И в руке его был белый луч света, да, белый? Он протянул тебе белый луч и... И...

Под тяжелые аккорды музыки Юноша словно оживает, и, оживая, снова уходит в некий иной мир.

Юноша. Ты, действительно, не слышишь? Не могу этому поверить. А мне казалось, что ты слышишь. Ладно, ладно. Он протянул мне луч белого света и внимательно глянул на меня... Словно я напомнил ему кого-то... Ему было жаль меня... Он начал внимательно всматривался в меня.

Музыка постепенно затихает. Все вокруг, кроме Юноши, как прежде озарилось светом, теперь погружается в темноту. Лишь над Юношей дрожит слабый красный луч. Когда же воцаряется полный мрак, в глубине сцены возникает ярко-белый посох. Этот посох медленно подходит и останавливается перед Юношей, и пока говорит Мужчина, посох принимает различные положения. После того, как музыка полностью затихает, из темноты сначала слышны неразборчивые голоса. По мере того, как они затихают...

Мужчина. Да, кажется, можно начинать (Юноше). Ты видишь меня? Скажи, ты видишь меня? Подумай, прежде чем ответить.

Юноша. Кто вы?

Мужчина. Ага. Видишь.

Юноша. Кто вы???

Мужчина. Ты отвечаешь вопросом на вопрос? Говорят, это признак ума. Ты считаешь себя умным или это так на самом деле?

Юноша. Откуда мне знать?! Вы спрашиваете такие вещи, что... Да и что это за допрос? Кто вы?

Мужчина. Предположим, я отвечу, и ты узнаешь...

Свет падает на мужчину и, задрожав, гаснет. Это похоже на вспышку молнии. Кажется, где-то вдалеке начинает идти дождь.

И что, изменится твоя жизнь после этого?! Иногда меня... (обрывает себя. Передразнивая Юношу). «Кто вы?» Ведь если я не захочу, ты все равно не узнаешь меня. И как же быть тогда? Вот если сам угадаешь — тогда другое дело. Только сначала хорошенько подумай.

Юноша. Что это значит? Вы играете со мной? Что вам от меня надо?

Мужчина. Ты ведь поэт, не так ли? Видишь, я знаю тебя. Кажется, ты что-то писал?! Ну и?.. Получается? Эх ты, кто же сейчас пишет стихи?

Юноша медленно подходит к месту, где росло Дерево. Куда же делось оно – ушло под землю, улетело в небеса?

Не спеши, я все постепенно объясню тебе. Объясню. Со мной или без меня, ты обо всем узнаешь (*вновь сверкает молния и на миг освещает Мужчину*) Теперь и ты стал частью этого вечного спора. Поймешь. Ты все поймешь. Ты уже начал понимать. Ладно, что ты там ищешь? Почему не ответил на мой вопрос? Скажи, кто сейчас пишет стихи?

Юноша (*оборачивается к посоху*). Это вы хорошо сказали: «Кто сейчас пишет стихи?!» Наверное, такие же глупцы, как я. Это дерево... Отчего оно такое белое? Даже врачебные халаты не бывают такими белыми.

Мужчина. Ты, кажется, пытаешься понять тайну цветов, сын мой?

Юноша. Как вы разговариваете? Почему вы назвали меня «сыном»?

Мужчина. А разве это что-то изменило? Разве «сын» плохое слово?

Юноша. Наверное, нет. Но все-таки. У меня есть имя.

Мужчина. И у меня есть имя. Разве у меня нет имени? (*сверкает молния и на мгновение вновь освещает Мужчину*). Иногда меня... (*передумав*) У него есть имя. У всего есть свое имя. Однако давай отложим имена. Кто кого как называл? Для нас это не имеет значения.

Юноша. Нет, имеет. Есть некто, дающий всему имена. Кто говорит нам это, учит нас этому. Если бы это не имело смысла, то все запуталось. Это и ребенку ясно. Есть в этом смысл, есть.

Мужчина. Ладно, ладно. Оставайся при своем мнении. Нет, погоди, послушай. Зови, все, что вокруг, своим именем. Ведь их названия тебе известны. Ведь кто-то научил тебя. Ты говорил, что тебя научили их названиям. Зови. Посмотрим, отзовутся ли они?! Ну же, зови.

Юноша. Как это?! Вы ведь знаете, что они не слышат меня?! Разве камни, стены слышат человеческие голоса?!

Мужчина (*горестно*). Сынок, сынок... Знаешь что?! Я сейчас скажу тебе одну вещь. Только не вздрагивай. И камни, и стены, и горы, и вода... Прежде всего они – цвета. Они вошли в цвета. Спрятались в них. А цвета слышат. Этому тебя не научили?! И когда им захочется, все они, если захотят, могут и ответить. Ты должен был знать это, поэт. Этому тебя должны были научить. Он должен был научить (*вновь сверкает молния и, кажется, Мужчина пугается обрушившегося на него потока света*). Как же труден этот язык...

Юноша. Погоди, погоди, остановись. Как это – цвета слышат?! То есть вы хотите сказать...

Мужчина. Я хочу сказать, что все, что ты называешь, слышит тебя. Просто они... не отвечают тебе. Не отвечают, и все.

Юноша (*с издевкой*). Боятся?

Мужчина (*бросает странный взгляд на Юношу*). А может, ленятся, не знаю?! Может, считают, что ты недостойн ответа. А может... Кто-то запретил им отвечать тебе. Или...

Юноша. Что? Что еще?

Мужчина. Ничего.

Юноша. Раз уж начали, так договаривайте. Что же вы так?!

Мужчина (смеется). Хочешь, чтобы я договорил до конца?! Что мне тебе сказать?! Может, думаю, ты плохо зовешь их, а?! Миллионы лет звали их, звали, столько проклятий обрушили на них?! (Неожиданно с искусственной серьезностью.) Но до сих пор не получили ответа. И в ближайшем будущем не ожидается. (Смеется). Ха-ха-ха. Не обращай внимания, я смеюсь, когда особенно зол.

Юноша. Не спешите издеваться. Да, действительно, миллионы лет любой, кто обретал речь, называл их горами, камнями, реками, однако... слова имеют различия. Хоть они и одинаковы. Есть различие. Есть.

Мужчина. А как же?! Я на сто процентов согласен с тобой. Ведь даже ты отличаешься от других остальных зовущих. Хоть небольшая, но разница есть. А может, и большая. Ты сам не чувствуешь?!

Юноша. Нет, а можно узнать, в чем эта разница?!

Мужчина. Почему нельзя? Можно. Знаешь что, сынок?! Этому есть только одно объяснение. Я не приходил к тем, кто миллионы лет складывал, подбирал слова и давал названия горам, камням (вновь мгновенная вспышка молнии, свет падает на мужчину и тут же гаснет). Я им не являлся.

Юноша (в страхе). Но кто же ты?!

Мужчина (устало). Ты до сих пор не узнал меня... Ну, тогда слушай. Иногда меня...

Звук дождя прекращается. Все вокруг вдруг озаряется светом. Снова, как и прежде видно то же дерево и Женщина, сидящая под ним.

Юноша. Забыл. Потом он снова сказал еще что-то, но я забыл. И я что-то ответил ему... Все забыл.

Женщина (встает, внимательно оглядывается по сторонам, потом подходит к Юноше). Не волнуйся. Всему свое время. Ты вспомнишь. Гляди, гляди туда (показывает

Юноше на что-то вдалеке) Посмотри, что вытворяет этот красный луч?! Слышишь?

Юноша. Нет, ничего не слышу. Куда, куда мне смотреть? Что там?!

Звучит грустная мелодия. Вновь разноцветные лучи на этот раз устало, появляются перед Юношей.

Да, слышу. Боже, Боже, почему он так делает?! Ах ты, божий луч. Как же он прекрасен. И какой у него красивый звук. Но он кажется усталым. Ты слышишь? Ты же не слышишь...

Женщина (не видит лучей, которые показывает ей Юноша, не слышит мелодии, которую слышит он). Что он сказал потом? Постепенно вспоминай. Вспоминай. Как он выглядел? Как... он чувствовал себя? Наверное, был усталым. Он был усталым? Или опять... беспутный бродяга... И на лице груз тысячелетий. Он крадет души, крадет души. Обычный жалкий похититель душ. Что ты умолк? Что с тобой?

Юноша потрясенно смотрит на Женщину. Стихает и музыка. Исчезают разноцветные лучи.

Но я не отдам тебя ему. Я вызволю тебя отсюда. Верну тебе то, что ты потерял. Я вызволю тебя от звуков красок. Ты больше не будешь слышать их.

Звуки и лучи и без того исчезли.

Мы видим цветные лучи, но звучание их не слышим. Лучи не способны давать ответ. Что, еще, что сказал этот проклятый Богом?!

Юноша ищет невидимые лучи, неслышимые звуки, оглядывается по сторонам, но не находит.

Юноша (*расстроено оборачивается к Женщине*). Ради Бога, не скупись на эти голоса. Пожалуйста, не скупись. Не слышишь их и не надо, только не отнимай их. Знаешь, как они прекрасны?! Не отнимай их. Во имя Господа, не отнимай. (*По-детски пытается обмануть Женщину*). Я знаю, ты... добрая...

Женщина. Тогда расскажи по порядку, что они говорили тебе в ту ночь, что обещали, куда хотели увести тебя... Расскажи мне все. Шаг за шагом в прошлое. Шаг за шагом рассказывай мне.

Юноша. Хорошо, хорошо, но только не торопи меня. Сейчас, сейчас...

Женщина. Рассказывай, в этом наше спасение, рассказывай...

Вновь все погружается во тьму. Лишь над Юношей дрожит красный луч и вновь перед Юношей появляется, вертясь во все стороны, ярко-белый посох.

Юноша. Как это вы не являлись им?! Ничего не могу понять.

Мужчина. Ладно, покончим с этими играми в загадки. Я явился сюда, чтобы, как вы говорите, заключить с тобой соглашение. То есть подписать договор. Несомненно, если ты будешь готов, если мы сможем прийти к соглашению. Условия не так уж трудны.

Юноша. Кто вы? Я не хочу говорить с вами, пока не получу ответа на этот вопрос. Вы понапрасну теряете время. Понапрасну! Вы знаете, мне такие вещи не нравятся.

Мужчина. Ладно, ладно, успокойся, не нервничай. Побереги свои нервы, они тебе еще понадобятся, когда будешь писать свои стишки. Я... только возьми себя в руки (*издалека слышится печальная мелодия, постепенно она звучит все громче и резче*). Ты и сам не знаешь, как тебе повезло, бе-

долага, считай, что тебе на плечо села жар-птица. Я... как вы сказали бы... существо, которое с тех пор, как был сотворен мир, бродит из года в год, из века в век и помогает всем, кто нуждается в помощи. Знаешь что?! Ты все твердишь: кто ты, кто ты?... (*грустно*) Иногда... меня называют и ангелом.

Сверкает молния, все заливается светом, но на этот раз свет не гаснет, и мы видим Мужчину, одетого во все черное, его ярко-белый посох, теперь прижавшийся к нему, как верный пес и... вдруг оживающее, молодеющее, покрывающееся листьями на наших глазах прекрасное, ветвистое дерево. Музыка продолжает торжественно звучать. Но Юноша, кажется, равнодушен ко всему этому.

Юноша. «Помогаю всем, кто нуждается»?! Ты? Ангел?! То есть... Ты... Ага... Понял. Я понял тебя. Только теперь понял. Больше не нужно никаких слов, никаких слов. Конечно. Неужели ты действительно существовал?! Боже...

Мужчина (*взволнован*). погоди, что ты делаешь? Конечно, я существовал. Хорошо, что ты понял это.

Юноша. И ты... избрал меня?! Явился мне?! Ко мне из всего этого огромного мира?! Почему, почему я? Почему ты избрал меня? Твое последнее явление...

Мужчина. Не перелистывай историю, сынок. Она тебе ничего не скажет. Послушай, самый главный урок - это мгновение, то, что ты сейчас чувствуешь, ешь, пьешь, наслаждаешься. Не копошись в истории. Не копайся ни в прошлой истории, ни в той, что наступит в будущем. Не верь обещаниям. История, которой учили тебя, не история, а сказка. Сказка о прошлом и будущем. История - это нынешний миг. Вот истинная история. И ноша ее тяжела. И то,

что она может дать тебе. Что тебе до того, что было и не было в последний раз в каком-то далеком времени? Последний раз - это всегда последний раз. И сейчас, если посмотреть со стороны...

Юноша (словно в первый раз видит позеленевшее, ставшее прекрасным Дерево). Чего же ты хочешь от меня? Я не стану подписывать с тобой никаких договоров. Вот еще что. Почему именно я? Почему меня?

Мужчина. Знаешь что?! На этот вопрос есть ответ, который прозвучит для тебя может быть немного странно. Он странен, потому что другие поэты ничего не хотели. И вправду, удивительно! Поэтому я и не явился тем, к кому не явился. А ты хотел. С одной стороны, ты был поэтом, как и они, а с другой стороны - ты желал. И две эти вещи в тебе, как ни в ком другом, прекрасно бросились друг другу в объятия. И обе в самом прекрасном, самом совершенном своем воплощении. Те же, как ни странно, ничего не желали. Посмотреть со стороны - они были такими же творцами, но никто из них не жаждал так, как ты. А если и желали, то очень малое, ничтожно малое... иногда, квартиру, деньги...

Юноша. Но ведь и я... ничего особенного не желал. О каком таком моем желании ты говоришь?

Мужчина. Ну что же, давай будем ворошить старые сундуки. Будто там, множество замечательных вещей. Перечислить, чего желало твое сердце или описать твою огромную, и вселенскую печаль?! Трудно желать чего-то так, как жаждал ты.

Юноша (хочет укрыться от взглядов Мужчины, однако тянущийся к нему посох словно ограничивает каждое его движение). Каждый человек чего-то хочет. Мечтает, фантазирует, тоскует. Я... поэт. Я... имею право. Говоришь, остальные ничего не желали. Не верю. Каждый чего-то хочет.

Мужчина (прикасается посохом к ветвям Дерева). Выбрось это из головы. Забудь. Ты желал. Ну и что? Это же не грех. Вот я и явился, чтобы исполнить все твои желания. Подарить тебе этот мир. Ты имеешь на это право. Ты достоин этого. Пойми это.

Юноша. Как, каким образом? Неужели, все мои желания?

Мужчина оставляет Дерево в покое и внимательно смотрит на Юношу.

Мужчина. Все твои желания. До единого. В одно мгновение.

Юноша (осторожно хочет прикоснуться к посоху). В одно мгновение...

Мужчина (отводя от него посох). Не останется ни одного неисполненного желания. Все исполнится. Стоит только тебе пожелать.

Юноша. Все мои мечты...

Мужчина. Все твои мечты. Все, что приходило тебе в голову, кого и чего ты не смог достичь в этом мире, кого и чего желал, все, все, слышишь, в одно мгновение станет твоим. Ни одно твое желание, ни одна прихоть не останется неисполненной. Ты так прекрасно желал всего этого. Хочешь, попробуем? (приводит посох в состояние готовности - поднимает его.)

Юноша. Не знаю. Не знаю. Для этого нужно время. Трудно. Ничего не приходит в голову. Все это, наверное, сон. То есть, ты, говорю, приснился мне. Раньше я видел цветные сны...

Мужчина. Нет, нет, не надо, пока оставь это. Не забывай себе голову снами. Послушай меня, сынок, я хозяин своего слова. Ты еще в этом убедишься. Ты еще поверишь мне. А сейчас... знаешь что?! Сейчас обратимся к тебе.

Юноша (*удивленно*). Ко мне?

Мужчина. А как же? Взамен всего этого и ты должен будешь мне, бедняге, оказать небольшую услугу. Это просто, как глоток воды.

Юноша. Что за услуга? Как глоток воды?

Мужчина. Пустое. Боюсь, только, что поначалу она тебе покажется несколько сложной. Хотя по сути, ничего трудного. Суший пустяк!

Юноша. Ты же... говорил, что ты – ангел. В чем ты можешь нуждаться?! Что тебе то надо? Чего ты хочешь? Только что ты обещал одаривать меня всем.

Мужчина (*не обращая внимания на его последние слова*). Я тоже нуждаюсь... в тебе, сынок, нуждаюсь.

Юноша. Что за нужда?

Мужчина. Я нуждаюсь в твоей убежденности, твоей... любви.

Юноша. Не понял. Повтори.

Мужчина. Что же тут непонятного? Ты должен убедить меня, что поверил мне. Полюбил... меня.

Юноша. Поверил... полюбил... Зачем тебе это?

Мужчина. Эх, сынок, спрашиваешь, зачем мне это. С сотворения мира каждый живет, существует, что-то доказывая кому-то (*расхаживает*). И я должен доказывать. Должен доказывать, что есть любящие меня, верящие мне... Ты... помоги мне.

Юноша. Как? Что я могу сделать? Что я должен сделать?

Мужчина (*становясь лицом к лицу с Юношей*). Простую вещь. Очень простую. Ты должен отказаться от того, что любишь больше всего.

Прекрасное, зеленое дерево словно испускает стон. Дрожит даже его ствол. Юноша подходит к дереву. Казалось, он хочет прильнуть к нему, успокоить его.

Юноша. От чего? От самого любимого? Я не знаю, что это. Ты знаешь?

Мужчина (*грустно*). Знаю.

Юноша (*оборачивается к Мужчине*). Что ты несешь? Что ты знаешь? Что?

Мужчина. Надо... Знаешь что?! Ты должен... отказаться от... писанины...

Юноша. Как, как?

Мужчина (*решительно*). С этой минуты ты не должен писать ни строчки. Ни строчки... Предложения можно.

Юноша. Что? Ну спасибо! Взамен за все, что ты сделаешь, я должен буду... отдать тебе душу? Ты в этом нуждался?

Мужчина. У тебя же будет все! А ты можешь сказать, зачем тебе после этого нужна будет душа?!

Юноша. Действительно, зачем мне душа, после того, как все мои желания исполнятся? Ты сказал все: деньги, богатство, положение, статус...

Мужчина (*нетерпеливо*). Все. Так ты согласен?

Юноша. Все равно однажды, когда все мои желания исполнятся, разве я вспомню, как ты сказал... о писанине?! (*подходит к Дереву*) Такие вот дела... (*Мужчине*) Интересно, ты в любом случае смог бы добиться этого. Моя душа все равно принадлежит тебе. Зачем ставить условия?

Мужчина. Это самое главное. Ты сам сначала должен согласиться. Добровольно. Подумав, взвесив...

Юноша (*оборачивается к Дереву*). Вот оно как. А если я не соглашусь?

Мужчина. И не надо. Через мгновение я исчезну. Через еще одно мгновение, ты забудешь обо всем. Ты же не хочешь этого.

Юноша торопливо поворачивается к Мужчине. Мгновенно забывает о Дереве, его задушевности, близости.

Юноша. Постой. Так ты говоришь, что те поэты ничего не желали? Совсем ничего.

Мужчина. Ну, нельзя сказать, что совсем ничего. Но среди них не было такого жаждущего, как ты. Ты – номер один!

Юноша. Да... Мое самое большое желание... У меня была мечта. Память школьных лет. Девушка... то есть я, ну ты, понимаешь, любил ее. Все, нет, большинство моих стихов посвящено ей. Сейчас я вручу тебе стихи, а взамен попрошу ее.

Мужчина. Проси.

Юноша. Значит, и эти стихи на что-то сгодились.

Мужчина. Значит, сгодились.

Юноша. Я... беден. Всегда хотел, чтобы...

Мужчина. Знаю.

Юноша. Будет?

Мужчина. Будет.

Юноша. Дом, дача, машины, прислуга... Без нужды в куске хлеба?

Мужчина. Все, все будет.

Юноша. Я хочу стать известным на весь мир. Это первое.

Мужчина. Своим богатством – да!

Юноша. Дай, дай мне все это. Дай. На, на, забирай вот это, это, это, и это забирай, и это, я только что закончил его, посмотри, какое хорошее, какой слог, язык...

Мужчина. Ваш язык... несколько труден...

Юноша. Бери, чтобы ничего не осталось. Знаешь?! Я вдруг, кажется, понял. Ведь ничто, даже самое дорогое, все, что исходило из крови, тела, души...

Мужчина. Да...

Юноша. Я не любил. Я не любил по настоящему. Ты знал это?

Мужчина. Это твое дело. Что ты терзаешь себя? Ты забудешь эти мелочи. «Любил – не любил. Любил – не любил». Знаешь что?! Скоро, когда исполнятся все твои мечты, эти слова утратят свое значение. И тебе станет спокойно. А то любил – не любил?! Вот тебе проблема! Покой нужен тебе, покой!

С плеч Юноши словно падает ноша. Он ощущает особое облегчение.

Юноша. Вот этого я и хотел. Этого. Покоя. Наконец, обрел. Все мои желания имеют одно название – покой. Да, покой. Я заслужил его.

Мужчина. А знаешь что?! Не говори так. Не советую. Я передумал, ты пойми, если все желания обретут одно название, слово покой на вашем языке незаметно изменит свою суть, а потом и само определение.

Юноша. Что изменит? Как? Как он будет именоваться? Меняет суть... *(смотрит на дерево и вдруг словно все понимая)*. То есть... Боже.

Мужчина. Да, да, она самая. Не желай этого. Зачем тебе покой?

Юноша. Конечно, конечно. Не хочу. Я не хочу его. Ты неправильно понял меня. Я не хочу его. Чего же я хочу? Господи, чего же я хочу? Не знаю, не знаю, чего хочу. Да и чего я могу хотеть от тебя? Чего?

Мужчина. Зачем ты спешишь, сынок? Не мучай себя. Не спеши. Скажи сначала, согласен ли ты на мое условие?

Юноша *(торопливо, не глядя в сторону дерева, отводя глаза от Дерева)*. Согласен. Как будто ты, являясь ко мне, не знал, что я соглашусь.

Мужчина. А ты знаешь, не знал. Хоть и грустно это, не знал.

Дерево, словно на глазах стареет, съезживается, ветви его опадают. Под леденящую душу музыку все вокруг погружается во тьму. Когда же свет загорается снова, видны Женщина и Юноша, сидящие под тем же несчастным Деревом.

Юноша. Забываю. А скоро совсем забуду. Она движется сюда. Видишь? Как называется этот луч, что движется сюда? Ты видишь? Как называется её цвет?

Под маршеобразную музыку, начинается танец лучей света.

Ты видишь? Не видишь, не видишь, не видишь...

Музыка прекращается, лучи тоже исчезают. Женщина устало поднимается. Подходит к Юноше.

Женщина. Успокойся. Ничего не случилось. Успокойся. Постепенно ты вытаскиваешь занозу из сердца. Шаг за шагом, видишь, ты опять возвращаешься к себе. Все будет нормально, все наладится.

Юноша. *(вспоминая)* Потом он с отвращением посмотрел на меня. Нет, это было даже не отвращение. Да, он посмотрел на меня с презрением. Но что я сделал? *(смотрит на Дерево)* Почему он так посмотрел на меня?.. Разве любой не согласился бы на это?

Женщина. Любой, любой. Ты ни в чем не виноват. Знаешь что?! Не надо бороться с самим собой. Это хуже всего. Это неизбежное поражение. Или ты потерпишь поражение или...

Юноша. Если... если придет такой миг и я пожелаю себе смерти, то я хотел бы, чтобы это случилось, когда ты будешь рядом. Ты, только ты, одна ты.

Женщина. Ты боишься?

Юноша. Я... тоскую. Сердце разрывается, разрывается, никак не разорвется.

Женщина. Может на сегодня хватит?..

Юноша. Не знаю. Но, кажется, я снова вижу его. Слышу его. Он словно о чем-то спрашивает у меня...

Снова под печальную мелодию темнеет и, мы видим Мужчину и Юношу под зеленым, похорошевшим Деревом.

Мужчина. Так каково твое первое желание, сынок?

Юноша. Хочу, хочу, ну ты же сам знаешь. Я всего хочу. Все, что я недавно перечислил. Ну, так что?

Мужчина. Трудновато, небось?.. Ничего. Как-нибудь справимся.

Юноша *(насмешливо)*. Ну, посмотрим, получится у тебя что-нибудь или нет?!

Мужчина. Договорились. Только надобно уточнить один маааленький вопросик.

Юноша. Какой еще вопросик?

Мужчина. Знаешь что?! Ты должен ответить. Исполнение всех твоих желаний должно произойти только для тебя, только в твоём мире или об этих переменах должны знать все? Я должен знать это.

Юноша. Да что ты говоришь. Зачем мне нужно, чтобы об этом знали остальные?! Только я. Только для меня. И не надо, чтобы об этом знали остальные. И это уже мое условие.

Мужчина. Как пожелаешь. Я мог бы сделать так, чтобы все метаморфозы, которые произойдут с тобой, как и раньше, воспринимались бы другими, как вполне естественная вещь.

Юноша. Нет, нет, нет, нет. Не надо никого вмешивать сюда. Только я. Только для меня.

Мужчина. Достойный выбор (*оборачивается к Дереву*). Какой слог! Все же язык трудный.

Юноша. Начинай, начинай. Не тяни. Раз явился, то начинай. Не томи.

Мужчина. Говоришь «начинай», так начнем. Только с чего начать?.. С чего?..

Неожиданно музыка обрывает Мужчину. Вокруг темнеет, а когда появляется свет, мы видим Женщину, снова сидящую, поджав ноги, под съезжившимся и постаревшим деревом, и Юношу, который оглядывается в поисках кого-то.

Женщина (*тихо, медленно*). Погляди как он смог проникнуть тебе в мозг, в душу. Как же смог он сбить тебя с толку?! Он мастер таких дел. Не мучай себя. В чем ты виноват? Ни в чем ты не виноват.

Музыка звучит совсем издалека, и разноцветные лучи уже не различимы, как прежде. Юноша словно только теперь вспоминает о них.

Юноша. Где они? Они, кажется, уже исчезли. Их голоса затихли. И цвета будто перемешались. Ты можешь различить их? Скажи мне, ради Бога, скажи, ты точно знаешь, что здесь нет моей вины? Почему он избрал меня? Почему меня?

Женщина. Нет. Ты ни в чем не виноват. Ты спасешься. Знаешь что?! Если ты станешь помогать мне, расскажешь мне все, слово за словом облегчишь сердце, если мы сможем дойти с начала до конца его явления, мы сможем полностью... стереть его явление из твоей головы, сердца — то ты спасешься. Больше он ничего не говорил?

Юноша. Нет. Больше он ничего не сказал. (*Дереву*) У меня железная память. Если б он сказал еще что-то, я бы

запомнил. Не веришь? Я сказал бы тебе. (*Оборачивается к Женщине, внимательно смотрит на неё*) Кто же у меня еще кроме тебя? Как красиво твое платье. Сплошная белизна. Как прекрасен твой голос...

Женщина. Об этом потом. Потом.

Мужчина, как видение, встает между ними. Женщина не видит его, медленно идет к дереву и садится на свое обычное место.

Мужчина. Чуть было не забыл. Я хочу попросить тебя... еще об одной вещи. Это уже не условие, а просьба. По сути, если хочешь знать, этой просьбой я тебя оберегаю.

Юноша. Что это за просьба? Можешь говорить.

Мужчина. Знаешь что?! Настанет, сынок, время и к тебе явится некто, похожее на это древо жизни. И ласково, не как я, а ласковым голосом, начнет спрашивать тебя о некоторых вещах, касающихся меня. Будет говорить, будто хочет спасти, освободить тебя. Станет интересоваться, что я тебе говорил. Я исполнил свое обещание. Разве ты сейчас не слышишь, как звучат эти разноцветные лучи?

Вновь звучит музыка, и вновь Юноша весь в лучах света.

Все, все изначально было цветом, сынок. Ты слышишь? Видишь, они уже начинают отвечать тебе. Они тоже слышат тебя. Отныне ты свободен. У тебя нет груза души, пригибающей тебя к земле. Пари, если хочешь. Ты свободен. Только никому ничего об этом не рассказывай, особенно тем, кто облачен в белое и не слышит звучания лучей. Так будет лучше для тебя. Ничего. Никому.

Мужчина внезапно исчезает. Юношу это не удивляет.

Юноша (*Женщине*). Ты слышишь их?

Женщина. Нет. Их невозможно слышать. И ты не услышишь их.

Юноша (*про себя*). Невозможно?! Я забыл. Забыл самое главное. Как же я забыл.

Женщина. И ты не будешь слышать. Не терзай себя. Ты спасешься. Будешь свободен. Свободен.

Юноша (*словно что-то вспоминая*). Да. И он говорил то же самое «Будешь, свободен» (*вдруг приходит к какому-то решению*). Пойдем. Мне тошно на душе.

Женщина (*подходит к Юноше*). Не терзай себя. Хочешь, пойдем. Все будет хорошо. Не мучайся. Он больше ничего не говорил тебе?.. Мол, кто-то придет, станет спрашивать о нем?!

Юноша (*решительно*). Нет, больше он ничего не говорил. Пойдем. Знаешь что?! Эти звуки уже стали надоедать мне. Пойдем, довольно...

Женщина. Все мои печали...

Уходят. В темноте ярко-белый посох начинает вращаться вокруг Дерева, вращается и, когда вместе с музыкой вновь начинается танец красочных лучей, и когда мы, опять увидев Дерево – красивым, зеленым помолодевшим, глубоко и с облегчением вздыхаем, наступаает...

Конец

Баку, 1994

ДУХ

*Настолько же фантастическая
насколько и реалистическая игра
в двух действиях*

Действующие лица:

Дух
Отшельник
Пугливая Женщина
Подозрительное Существо
Беспокойный Человек
Малодушный
Одинокий

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Полутемная комната. В панике, испуганно, отталкивая друг друга, входят Беспокойный Человек, Подозрительное Существо, Пугливая Женщина, Одинокий и Малодушный. В дальней комнате, откуда они вышли, что-то произошло.

Беспокойный Человек (*еще из другой комнаты*). Умер!

Подозрительное Существо. Как умер? Кто?

Беспокойный Человек (*входит, пошатываясь*). Точно умер. Умер, умер, умер...

Пугливая Женщина. То есть... Как это?.. Умер... Зачем?

Одинокий. Это точно? Диагноз точен, я спрашиваю?

Беспокойный Человек. Умер. Сердце остановилось, пульса нет, глаза открыты...

Пугливая Женщина (*в ужасе*). Глаза открыты...

Малодушный. Умер. Ну и влипши. Что же нам теперь делать?.. И этот никак не придет... Хоть бы кто что-то посоветовал. Господи, господи, ну почему так случилось?! (*Пугливой Женщине*) Скорее бы он пришел... Ты как думаешь? Говорю, надо, наверное, что-то делать. Что же делать?

Пугливая Женщина. Может, врача вызвать? Есть здесь телефон? И вообще, что это за место? Куда нас собрали?

Малодушный. Врача??? Он... умер. При чем тут врач?! Ведь он (*кивает в сторону соседней комнаты*) собрал нас сюда, откуда нам знать, что это за место?! Скажешь...

Подозрительное Существо. Ты кого имеешь в виду? Это вы обо мне сплетничаете?

Пугливая Женщина. При чем тут ты? При чем тут ты? Разве возможно такое? *(Малодушному)* Он совсем тронулся... *(Подозрительному Существо)* Зачем нам сплетничать о тебе?! Мало других что ли?

Малодушный. А ты, как всегда, подозрителен.

Пугливая Женщина. Он прав. Так оно и есть. Что случилось? В самом деле, почему он умер? Муж убьет меня. Убьет.

Беспокойный Человек. Умер, умер, умер...

Подозрительное Существо. Мне почему-то показалось, что... ну что ты все ворчишь, ворчишь... Ну и труслив же ты... Хох... *(будто пугая Малодушного)*. Ха-ха... *(его смех обрывается)*.

Одинокий. Так нельзя. В другой комнате лежит... все-таки мертвец. Ведь нехорошо. Мусульмане вы, или...

Подозрительное Существо. Прости, ради Бога, забыл. Кажется, ... сплетничают обо мне. Да упокоит Аллах его душу, да воздаст нам Аллах. Да будет это горе последним... Что с тобой?

Одинокий. Эх... не стал ты человеком.

Малодушный. А его все нет. Только бы он пришел.

Пугливая Женщина. Честное слово, муж убьет меня. Ой... как здесь холодно.

Беспокойный Человек. Представляете, я проверяю его пульс, а у него глаза закатываются, пульса нет, все это не просто так... Секундное дело. Верно говорят...

Подозрительное Существо. Что? Что говорят?

Беспокойный Человек. Верно говорят, что смерть – это миг. Что же теперь нам делать? Надо же что-то делать. А???

Малодушный. Вот и я о том же. Наверное, первым делом надо позвонить к нему домой. *(Все переглядываются и потом взгляды всех устремляются на Пугливую Женщину.)*

Пугливая Женщина. Что вы уставились на меня? Почему я? Разве я знаю его жену, домочадцев? Даже если и знаю... Почему я, разве вы не мужчины? Я боюсь. Если муж узнает... он убьет меня. И еще... мне зябко.

Беспокойный Человек. А этот... Опять он опаздывает. Как всегда.

Подозрительное Существо. Да ему все равно. А ты...

Малодушный. Да нет, наверное, с ним что-то случилось. Иначе давно бы пришел.

Беспокойный Человек. Да... Ну что ты говоришь? Разве он всю жизнь не опаздывал? На уроки, на встречи?... Сорок лет назад. Быстро же вы забыли?

Одинокий. О, Господи, сорок лет! Разве этого мало – сорок лет? Конечно, забыли, кто каков был...

Пугливая Женщина *(Медленно подходит к двери в соседнюю комнату, будто прислушивается)*. Тишина. Ничего не слышу. Говорите потише.

Подозрительное Существо. *(Подходит к ней сзади)*. Хох...

Пугливая Женщина. Ой-ой, держите, держите меня...

Малодушный. Что случилось *(поддерживает ее под руку)*, иди сюда, садись.

Пугливая Женщина. И ты мужчина? Честное слово, как был ребенком, так и остался. Бессовестный.

Беспокойный Человек. Дай руку, проверю твой пульс, один два, три, не нервничай. Смотри на меня, в глаза, у тебя сердцебиение...

Пугливая Женщина. Ой... честное слово, мне плохо.

Подозрительное Существо. Ладно, ладно, нечего из мухи делать слона. Уж и пошутить нельзя. (*Смотрит на Одинокого*) Ясно. Да упокоит Аллах его душу. Ясно.

В с е. Да упокоит Аллах его душу.

Пугливая Женщина (*жалостливо*). Что мы теперь будем делать?

Беспокойный Человек. Подождите, пусть он придет. Вместе посоветуемся. Что это такое? Одного нет, другой умер...

Одинокий. В сорок лет впервые решили собраться. Вспомнить былые дни, школу, друзей детства, учителей. Как я скучал по тем годам!

Пугливая Женщина. Ладно. Ладно. Ради Бога, не ной. Не пришел он – и не надо. Вы же мужчины, подумайте, что в таких случаях можно сделать?

Малодушный. Как это, что можно сделать. Ты что, не знаешь... У него есть, семья, домочадцы, значит, надо сообщить. Только... подождем до завтра.

Пугливая Женщина. Пусть он только придет. К тому же... Ну, прямо не может без опозданий. Так и не научился пунктуальности. Он точно знает, может, еще не поздно. Ты прав, надо сообщить семье. А может, уже поздно.

Подозрительное Существо. Прекрасно сказала. Просто замечательно. Вот только... есть одно «но». Ты уж прости меня... но уж коли речь зашла о нем, человек, который всю жизнь всюду опаздывал, приходил когда хотел, уходил когда хотел...

Беспокойный Человек. Не здороваясь, не прощаясь. Честное слово, верно ты говоришь...

Подозрительное Существо. И мы знаем, не перебивай меня, знаем, что он одной ногой в могиле, что он с детства страдает сердцем... (*в сторону*). Болеет всю жизнь один, умирает другой. (*Беспокойному Человеку*) Давай, давай, говори, что хотел, не таи в сердце.

Беспокойный Человек. Спасибо. Разве подобный человек избавится от своей привычки? Ни за что. (*Женщине*) А ты сказала прекрасно.

Подозрительное Существо. Он прав, ты замечательно сказала. Ради Бога прости меня, мне немного не по себе. Не шутка ведь – такое случилось. (*Указывает на соседнюю комнату*)

Одинокий. Вы правы. Такой человек не изменит своим привычкам. К тому, может, он вообще не придет...

Малодушный. Нет, он должен прийти. Придет. Я предлагаю подождать. Только он может дать нам правильный совет. Ни с того, ни с сего – и такое дело. Что нам делать? Может, сообщить в милицию? Или позвонить ему домой? А может, в «скорую»? Вы все предлагаете разное.

Одинокий. Честное слово, ты прав. В кои веки, говорю, встретились. А тут такое. Предлагаешь, позвонить к нему домой? Если сообщим его домашним, они все равно дождутся утра. Все равно ведь, не смогут приехать.

Беспокойный Человек. В кои веки? Раз в сорок лет. И вот тебе пожалуйста...

Подозрительное Существо. Молодец. Действительно, сорок лет назад мы все пришли в первый класс. Сорок лет. Вы помните? Я не против, давайте подождем. Все равно ночью ничего не сделать.

Одинокий. Боже милосердный... Сорок лет...

Пугливая Женщина. Сорок лет – срок немалый. (*Открывает сумочку, смотрится в зеркало.*) Он что – болел, что так сразу умер? Какая страшная смерть. Без по-

следнего слова, без завещания. Бедная его жена, бедные дети... Может, они даже и не ведают, что он оставил. Он был очень скрытен.

Подозрительное Существо. Ты думаешь, он не составил завещания? Если оставил, хорошо. А если нет...

Одинокий. И с последним словом, действительно вышло ужасно. Жаль, он ничего не успел сказать.

Подозрительное Существо. А ведь он что-то хотел сказать. Все тужился, тужился, но не смог издать ни слова. И умер.

Беспокойный Человек. Да, верно, он, кажется, что-то хотел сказать. Прямо ел нас глазами. Ты прав. Бедняга. Так и не сказал.

Пугливая Женщина. Это плохо. Бедняга. Может, можно хоть что-то сделать?! *(Разглядывает портрет на стене.)* А кто это?

Малодушный. А что можно сделать? Кто это такой?

Беспокойный Человек. Что вы там нашли?

Подозрительное Существо. Думаешь, он оживет? Скажешь: «Может, можно хоть что-то сделать?»

Одинокий. Ты уж совсем загнул. Ты, что, не человек, не понимаешь?

Подозрительное Существо. Не видишь, что она несет? Последнего слова, мол, не сказал. Может, говорит, можно что-нибудь сделать? То есть, хочет оживить его, чтобы он сказал последнее слово. Ну...

Одинокий. Сорок лет мы не виделись. А вы все спорите...

Подозрительное Существо. Ничего не случится, если еще сорок не увидим друг-друга. Честное слово. И этот несчастный, может, не умер бы.

Пугливая Женщина. Прошу не извращать мои слова. Я имела в виду совсем другое, когда говорила, что, может, можно что-то предпринять.

Беспокойный Человек. Что?

Одинокий. Что ты имела в виду?

Малодушный. Не торопите ее, дайте договорить.

Пугливая Женщина. Не знаю. Но, наверное, что-то можно было сделать, чтобы этот несчастный, полюдски мог сказать последнее слово. Может, еще и сейчас... не знаю?

Подозрительное Существо. «Не знаю, не знаю». А кто знает?

Малодушный. Если б он пришел, то что-нибудь обязательно придумал.

Пугливая Женщина. Послушайте. Может... нам вызвать дух этого бедняги?

Подозрительное Существо. Молодец. Прямо тепленьким... вызовем его дух. Зачем? Для чего? Ведь могут спросить – для чего?

Одинокий. Духов нельзя беспокоить. Это не угодно Богу. Это.. ну не принято.

Малодушный. Постой. Говоришь, вызвать его дух? Как это пришло тебе в голову? Странно.

Пугливая Женщина. Погодите. Хоть выслушайте меня. Понимаете? Дух его еще, наверное, не успел далеко улететь. Вызовем. Я слышала. У меня по соседству – одна женщина, она даже с работы ушла. Занимается только тем, что вызывает чьи-то духи – и даже умерших. Вызовем. Послушайте. Хоть узнаем, что он хотел сказать напоследок. Иначе как-то не так получается. Будто ... Ну да. Что его жена скажет? Пусть дух явится и сообщит его последнюю волю.

Подозрительное Существо. А что, если ты вызовешь дух, он прямо сразу и придет?

Беспокойный Человек. Не знаю, не знаю. (Одинокому) А ты что скажешь?

Малодушный. А что? Она права. Давайте сделаем это – вызовем дух.

Подозрительное Существо. Давайте. Вызовем. Тут только одно «но». Как вызвать? Ты умеешь? Ты когда-нибудь вызывал духов? А ты? Может ты?

Беспокойный Человек. Я... нет, я, кажется, не знаю.

Одинокий. Лежит в той комнате, бедняга, одинешенек, без близких... Как же так внезапно скончался... Я тоже за то, чтобы вызвать. Только и я не умею.

Малодушный. Послушайте меня. А вот он это умеет. Он сам мне рассказывал, что как-то вызвал дух какого-то умершего писателя или поэта. Он умеет. Сейчас он придет. Который уже час, если обещал, то явится.

Пугливая Женщина. Да, наверное. А моя соседка, однажды даже она вызвала дух Гитлера. Представляете?!

Подозрительное Существо. А ты почему знаешь?

Беспокойный Человек. В самом деле, сестричка, откуда ты это знаешь? Значит, вы все это время...

Пугливая Женщина. Эх, дорогие мои однокашники. Мир, в котором мы живем, тесен и узок, как улочка, где стояла наша школа.

Одинокий. То есть он ... ну, допустим, его дух придет и что-то скажет нам. Что дальше?

Пугливая Женщина. Скажет. Скажет. Главное, что эта гора спадет с наших плеч. Вот увидите. Нам

станет легче. Муж убьет меня. Господи, ну где же он застрял?!

Малодушный. Мы и так здесь на всю ночь. Столько прождали, дождемся уж до конца. Куда мы теперь можем уйти? Все-таки муж, наверное, поймет тебя.

Пугливая Женщина. Муж убьет меня.

Беспокойный Человек. Я уже начинаю беспокоиться. Куда же он делся? И на улицах сейчас не безопасно. Везде сплошное беспокойство...

Подозрительное Существо. А нам поверят, что он ничего не успел сказать? Просто посмотрел, посмотрел - и умер?!

Малодушный. Ладно вам, давайте говорить о чем-нибудь другом. Вот увидите, все будет хорошо. Как знать, может, дух его скажет что-то такое, что для его жены окажется истинным кладом?!

Пугливая Женщина. Думаешь, получится?! Я тоже верю. Соседка утверждает, что они являются. Есть, есть связь между нашим миром и загробным. Я верю.

Подозрительное Существо. Счастливый ты человек. Раз веришь в такое.

Беспокойный Человек. Ладно, сколько нам теперь ждать? Ты как думаешь?

Одинокий. Сорок лет не виделись, и надо же такому случиться.

Молчат. Тишина.

Пугливая Женщина. Нет, он что-то не идет. Так сильно не опаздывают. Я уйду. Как-нибудь доберусь домой, а то муж убьет меня. Нет. Нет! Уйду, не уйду, все равно убьет. Лучше останусь. Вам не холодно?

Подозрительное Существо. Сейчас он придет и разогреет... нас. Нас...

Пугливая Женщина. Это что, намек? Нахал. Чего еще ждать от тебя?

Подозрительное Существо. Это ты мне? А разве в школе вы не были влюблены друг в друга? Вы же были влюбленными...

Пугливая Женщина. Ох, ... какой же ты... насколько ты...

Подозрительное Существо. Какой что?

Одинокий. Ну что ты за человек...

Подозрительное Существо. А ты помолчи.

Беспокойный Человек. Довольно. Прекратите. Говорю, довольно, хватит. И без вас тошно.

Малодушный. Так нельзя, ты уже переходишь к оскорблениям.

Подозрительное Существо. Ты это ей скажи, ей. Это она оскорбляет.

Малодушный. И тебе не стыдно? Она ведь Женщина. Постыдись. Не ожидал от тебя.

Подозрительное Существо. Это ты меня стыдишь? Это ты сейчас перед нами выставляешься? Разве ты не знаешь, как я тебя вижу насквозь. Сейчас все выложу, и поглядим, кому стыдно станет. Не ожидал он.

Пугливая Женщина. Невоспитанный. Да, невоспитанный.

Беспокойный Человек. Тише, тише, дайте послушать, кажется, пришел, кто-то прошел по коридору.

Одинокий. Честное слово, это не дело – беспокоить умерших. Причем, человека, который только что скончался. Говоришь, идет? Вдруг он сразу пройдет в ту комнату?

Подозрительное Существо. Пришел. Явился барин. Ну и что с того, что войдет в ту комнату, он же не

женщина, как некоторые, чтобы в обморок падать. Что же, теперь, ну, скончался, да упокоит Аллах его душу.

Все. Да упокоит Аллах его душу. Да будет земля ему пухом. Амин. Амин.

Беспокойный Человек. Ну, где же он? Нет никого. Видно, послышалось. Никого нет.

Вдруг под жуткие звуки музыки свет ярко вспыхивает и гаснет. Через мгновение все тот же полумрак. Все стоят на прежних местах. Отшельник словно давно уже здесь.

Отшельник. Простите, господа, вы, кажется, кого-то ждали?

Все приходят в движение. Кажется, действительно, с их плеч спадает гора. Будто это не те самые люди, которые только что спорили, ругались, ссорились. Спокойная, мелодичная музыка бальзамом разливается по их сердцам.

Беспокойный Человек. Ну, наконец-то. Мы уже потеряли терпение.

Подозрительное Существо. Молодец, а то все, кроме меня, уже собрались уходить. Только я один дождался бы тебя. Веришь? Ха-ха... (умолкает)

Малодушный. Я знал, что ты придешь. Я ждал и был терпелив.

Отшельник. Господь любит терпеливых.

Одинокий. Сорок лет. Сорок лет мы с тобой не виделись. Дай посмотреть на тебя. Изменился, не изменился? Ну, как ты? Удивительная штука жизнь, верно?

Отшельник. Удивительная. Конечно, удивительная. А опоздал я потому...

Пугливая Женщина. Говорят, что ваша светлость всегда и всюду опаздывает. Без причин. Просто так. Характер, мол, такой. А все другие приговорены ждать тебя. Приходя, не здороваешься, уходя, не прощаешься... (*с тоской, только ему*) Как же давно я тебя не видела. Не отворачивайся. У тебя прибавилось морщин, ты уже поседел. (*Словно очнувшись, резко, обращаясь ко всем.*) Ты ни капельки не изменился. Такой же, как прежде. Ты хоть знаешь, что здесь произошло?

Отшельник. Должна быть причина, чтобы измениться. А таковой нет. А ты как? Ты прежняя? Может, и ты ничуть не изменилась? (*Тихо Пугливой Женщине.*) Они знают?

Пугливая Женщина. (*Только отшельнику.*) Мне уже все равно. Муж все равно убьет меня.

Одинокий (*Отшельнику.*) Ты должен знать. Знаешь, что здесь произошло?

Беспокойный Человек Да, да. Скажи, пусть знает. Скорей, время идет, надо посоветоваться. Скажи ему.

Отшельник. Нет нужды. Я видел. Я видел его. В той комнате. Я заходил туда. Страшное происшествие. Как это случилось? Просто вдруг?

Беспокойный Человек Поверь мне. Ей-богу, вдруг закатил глаза, что-то пробормотал, я щупаю его пульс, пульса нет, сердце остановилось...

Подозрительное Существо о... Умер...

Отшельник. Он хоть что-то сказал перед смертью?

Все. Нет, не сказал, в том-то и дело, что ничего не сказал.

Отшельник. Даже последней молитвы не прочитал?

Беспокойный Человек. Последней молитвы?

Пугливая Женщина. Какая там молитва, даже слова не произнес. Я так перепугалась, так перепугалась.... Это-то пустяк. Нам подумалось, может, бедняга хотел что-то передать жене, детям? На прощание... Но не смог. Как-никак семья, откуда знать, что у него было... деньги, драгоценности... Ты понимаешь?

Малодушный. Послушай. Они говорят, может, он хотел сказать что-то о деньгах, наследстве. Покойный, кажется, был очень богат.

Все. Да упокоит Аллах его душу.

Отшельник. Да... Может, он оставил завешание? **Подозрительное Существо.** А если не написал?

Отшельник. Может, и не написал... Хорошо, что же нам следует делать? Вы звонили к нему домой? Сообщили близким?

Пугливая Женщина. Нет, мы еще ничего не делали. Только ждали тебя. Говорят, ты умеешь вызывать духов.

Отшельник. Вы хотите вызвать его дух? Для чего?

Одинокий. Я говорил им. У мусульман...

Отшельник. В самом деле, почему бы и нет? Я согласен. (*Одинокому.*) Ты как? А ты? Никто не возражает? Отличная мысль. (*Пугливой Женщине.*) Это могло прийти в голову только тебе.

Пугливая Женщина (*только Отшельнику.*) Как ты догадался? Ты и раньше лучше всех понимал меня.

Отшельник. Хорошо, хорошо... (*Одинокому.*) А помнишь?

Одинокий. Как хорошо, что ты пришел... Если ты говоришь, что у мусульман это допускается, что ж я тоже согласен. Конечно, помню.

Отшельник. Ну и хорошо. Значит, все согласны. Ну что ж, я тоже согласен. Хотите вызвать его дух, вызовем. Только что это с вами, нет, так нельзя, так совсем нельзя, я вижу одни только хмурые, сердитые лица. Вы, кажется, ничего не понимаете. На встречу с духами в таком состоянии не приходят. *(Подозрительному Существо.)* А ну-ка. Поскорей, скинь эту злобу, давай. Выброси ее... Очистись.

Подозрительное Существо. погоди минутку. *(Малодушному.)* Подойди сюда. *(Отводит его в сторону.)* Ты думаешь, я ничего не знаю о твоих делишках? Ты насмерть сбил человека и свалил вину на другого. Тот несчастный уже сколько лет сидит и еще будет сидеть долго. А ты жив-здоров... на свободе... а еще меня стыдишь. Каково быть убийцей: по ночам спишь спокойно? Ты же родного брата засадил в тюрьму, нег...

Малодушный. Ты, ты выдумал все это. Ты... я никого не убивал. Никого. Ты... подлец. Это был несчастный случай...

Подозрительное Существо. Вот так-то. Если в чужом глазу видишь соринку, то умей и у себя разглядеть бревно.

Малодушный *(шепчет).* По какому праву... Да кто ты такой... Я ни в чем не виноват, не виноват. *(Кричит.)* Я ни в чем не виноват. Это был несчастный случай.

Отшельник. Постой. Помолчи. Не время. Молчи. *(Подозрительному Существо.)* Так-то ты освобождаешься от злобы, ненависти?... Ладно. Проходи. Садись здесь.

Подозрительное Существо. Да. Я готов. *(Проходит, садится.)* Если в чужом глазу ты видишь бревно, пожалуйста. Но пошире открой глаза, чтобы и в собственном глазу увидеть соринку.

Отшельник. Проходите, господа. *(Одинокому.)* Ты. Ты проходи сюда.

Одинокий. Сейчас. Одну секунду. *(Подходит, встает перед Подозрительным Существом, вдруг осмелев.)* По какому праву... ты чернишь людей? Ты, ты сам... бросаешься под чужие машины, сотни раз уже лежал в больницах и безжалостно доишь, как коров, ни в чем не повинных людей, которым некуда деваться. Это твоя профессия. Бог накажет тебя – однажды какая-нибудь из машин действительно сделает из тебя отбивную. Молчишь, ну, скажи, скажи, что я вру. Молчишь, вот и молчи.

По мере монолога Одинокого Трусливая Женщина суеверно дергает себя за мочку уха, бормоча «чур меня, чур меня». Подозрительное Существо стоит, застыв, как изваяние.

Отшельник. Ну, прямо боевик с кучей всяких неожиданностей. Ты закончил? Выговорился, давай проходи сюда. Нет, не туда, на эту сторону. Больше никто не хочет высказаться?

Беспокойный Человек. Я хочу сказать.

Отшельник. Может, не надо? Отложим на потом?

Пугливая Женщина. Ну, что за игры? Я ухажу. Муж точно убьет меня.

Беспокойный Человек. Нет, сейчас. Я все-таки скажу. Госпожа, вы должны знать, что женщина, работающая в детском саду, старшая над детьми, допустим, может уносить домой часть мяса, предназначенного детям...

Пугливая Женщина. Ой, что за глупые разговоры...

Отшельник. Послушайте...

Беспокойный Человек. Да, да... Может, тащить домой масло, может досыта наедаться фруктов, даже детей своих может кормить за счет детского сада. Все мы люди, все понимаем. Но нельзя на деньги, вырученные от

мяса и масла, украденного у детей, покупать себе бриллиантовые серьги. Нельзя.

Отшельник. Послушайте. Ты закончил?

Пугливая Женщина (*зажимая уши руками*). Ой, ну подонок. Все! Я ухожу. Я не могу здесь оставаться. Ухожу. Ухожу. (*Отшельнику*.) Почему ты не ответишь ему? Все вы... Нет, я не уйду. Назло останусь (*Выбирает себе место и садится*.) Ничего, я назло никуда не уйду. Хоть ты лопни. Вы только поглядите на него. Поддонки! Чур меня. Чур меня.

Беспокойный Человек. Ну что ты сердишься, радость моя?! Я же не мог идти на встречу с духами, не высказавшись. А теперь, да, я готов. Можно я здесь присяду? (*Садится*.)

Отшельник (*Малодушному*). Что ты стоишь там. Проходи, садись вот здесь. Рядом со мной.

Малодушный. Ты же знаешь, брат сам взял все на себя. Сказал, что у него нет семьи, он холост. А на мне семья, мама...

Отшельник. Знаю. Иди сюда. Не обращай внимания. Забудь, забудь это.

Малодушный. Ну не могу я забыть, не получается у меня. Что мне делать - не знаю. Не знаю и все.

Отшельник. Конечно, конечно, проходи, присаживайся. И успокойся. Спокойней. Хорошо, итак, дорогие господа, братья, друзья, беки и единственная ханум. Все расселись, вам удобно? Тогда с Богом. Кажется, можно начинать. Я в последний раз спрашиваю. Никто не против? Потому что на это дело надо решиться, набравшись смелости, все сидящие должны находиться здесь по доброй воле. Хорошо. Отлично. Все согласны. Есть еще один момент, который вы, мои дорогие, должны знать. Быть может, дух скажет такое, что вам не понравится. Поэтому, я прошу вас

сохранять полнейшую тишину. Кроме меня, без моего разрешения никто не должен проронить ни звука. Кажется, все сказал. Ничего не забыл? Да... я должен сказать вам еще одно. Меня этому учили люди, которые были лучшими мастерами этого дела, но и они не могли дать стопроцентной гарантии. Иногда дух не является. Сколько ни зовешь, он не приходит. Или же... Одним словом, это не стопроцентное дело. Все очень сложно. Поглядим. Вам ясно? Кажется, все поняли. А теперь... Освободитесь от всех нош. Пусть в мыслях ваших не останется ничего, что томило бы ваши сердца. И мозг, и сердце должны быть чисты. У этого дела есть свой порядок, дисциплина, свои границы. Нельзя делать это как придется.

Одинокий. То есть, начали? Давайте, наконец начнем. Мне холодно.

Пугливая Женщина. И мне зябко.

Подозрительное Существо. Мы теряем время. Начнем. Да, начнем.

Беспокойный Человек. Может, думаю, подождем до его годовщины. Ведь как же можно, еще теплого? Я очень тревожусь. Тебе трудно понять такое.

Подозрительное Существо. Мне? Тебе тревожно совсем из-за другого.

Беспокойный Человек. Из-за чего еще «другого»? Что ты болтаешь? Ты на себя погляди. Ты... да он же сказал... кто ты есть на самом деле.

Подозрительное Существо. А я знаю, кто ты! Знаю твой псевдоним стукача. Сказать? Ну, что? Всем сказать или только тебе? Беспокойный Человек!

Беспокойный Человек. Замолчи. Дурак. Тебе, кажется, надоело носить голову на плечах. Ничего, я поговорю с тобой в другом месте. Ничего.

Подозрительное Существо (*Отшельнику*). Вот, теперь, действительно можно начинать. Мы закончили.

Отшельник. Да. Сегодня многое нераскрытое прежде вылезло наружу. Хватит вам. У вас не должно быть никаких забот, никаких тревог. Ничего ни в уме, ни на душе. Ты должен быть свободным и вольным. Как птица. Свободным и вольным, как птица. Слово небеса — твой дом родной. Небеса заполняют твои глаза, проникают в душу, мозг, заполняют все твое существо. Ты птица, свободная, вольная, отважная птица. Лети. Пари. Но я предупреждаю. Это подготовительный этап. Вы должны расслабиться. Не сидите такими напряженными.

Пугливая Женщина. Боже, как зябко... Почему так холодно?

Малодушный. Садись поближе, не стесняйся, иди, иди поближе.

Пугливая Женщина. Мои руки не могут согреться.

Подозрительное Существо. Может, нам следовало дожидаться его сороковин?

Беспокойный Человек. Чего мы хотим? Сейчас это самый главный вопрос. Может, думаю нам надо сначала точно определить, что хотим мы узнать у этого духа... который явится. Чтобы потом не было никаких споров, разногласий?!

Малодушный. Верно. Цель должна быть определенной.

Одинокий (*Отшельнику*). Ты же сам все знаешь. Сам и спрашивай. Что же до нас... жаль...

Отшельник. Я тоже согласен с такой постановкой вопроса. Правильно, мы должны ясно представить свою

цель. Чего мы хотим? Какой вопрос собираемся задать... ему?

Подозрительное Существо. Ладно, если мы беремся за это дело, значит, думаю, все мы хотим узнать у него одно и то же.

Одинокий. Он прав.

Отшельник. Молодец. Вот так.

Одинокий. Да, брат, ты прав. Мы хотим, мы хотим, прежде всего услышать, узнать последнюю волю покойного. Вот и все.

Подозрительное Существо (*Малодушному*). Как ты думаешь, дорогой?

Малодушный. Ей-богу, я как вы. Он прав, давайте вызовем, может, покойный в последнюю минуту хотел что-то сказать, но не смог?!

Пугливая Женщина. Да, а потом позвоним его жене. Сейчас все равно ночь, зачем бедняжке страдать до утра. Нам-то все равно сидеть здесь всю ночь. А её трудные дни еще впереди. Тяжелое это дело похороны, поминки. Пусть хотя бы эту ночь проведет спокойно. Зови, зови его. Вопрос ясен. Где твое богатство, что ты, уходя, оставил жене, детям? Скажи, чтобы и мы знали. В конце-концов десять лет провели в одном классе. Давай, колись.

Беспокойный Человек. Ты совершенно права.

Пугливая Женщина. Ах, неужели?

Беспокойный Человек. Ты прекрасно говоришь, хи-хи-хи... Может, он и нам, как старым друзьям, хотел что-то оставить? Не зря же он собрал нас здесь в эту ночь. А может он чувствовал, что умрет в этот день? Бедняга покойный...такова у него судьба. Ни слова не смог сказать.

Пугливая Женщина. Да, это, что судьбой предназначено, то и будет.

Отшельник. Так, так... прекрасно... Значит, задача прояснилась до конца.

Все. Прояснилась. Прояснилась. Кажется, можно начинать, время идет. Начнем.

Отшельник. Значит, задачу мы определили. Вопрос лаконичен: «Объяви нам свою последнюю волю». Какие последние слова ты хотел передать своей семье, твоя последняя воля?! Так?! Мы это спрашиваем, верно?

Все. Ты уже утомил нас Да. Да. Начнем. Ну, что он тянет? Чего он добивается? Начнем.

Отшельник (*решительно*). Ладно, начнем. Начнем. (*Хватается рукой за сердце.*)

Пугливая Женщина. Муж убьет меня. Убьет... Что с тобой?

Отшельник. Ничего...

Малодушный. Садись поближе. (*Обнимает Пугливую Женщину.*) Не бойся, не бойся. Знаешь, какая в нем сила?

Подозрительное Существо. Неужели, что-нибудь получится?

Малодушный. Получится.

Отшельник. Сердце подсказывает. Давайте сделаем так, ты, и ты, положите ладони на стол, вот так, теперь возьмитесь за руки. Держите друг друга за руки. Нет, не так. Вот так. Правая рука с левой соседа, левая с правой. Вот так. Спасибо. Руки. Руки на столе. Я должен видеть ваши руки. Вот так. Молодец. Теперь тишина. Успокойтесь. Крепко сожмите руки друг друга. Свеча. Где свеча? Она была здесь. Вот! (*находит свечу и ставит на стол*)

Все садятся за стол и, держась за руки, замирают.

Сжимайте, и про себя... (*Одинокий поднимает руку будто школьник, прося разрешения что-то спросить.*) Нет, потом, потом. Успокойтесь, не шумите, про себя, только про себя,

призывайте сюда вашего друга детства, которого знали сорок лет. Призывайте его. Пусть каждый про себя зовет его. Пусть каждый вспомнит самое дорогое, что связано с ним. Он явится при свете этих воспоминаний. (зажигает свечу) Вот так... Он явится. Явись... явись... явись... о Боже. (*Хватается за сердце.*)

Пугливая Женщина. Что случилось?

Подозрительное Существо (*шепчет*). Что с ним? Что случилось? Никто не является...

Беспокойный Человек. Тишшшше...

Подозрительное Существо. Я... почему я?..

Малодушный (*шепчет*). Что с тобой?

Отшельник. Ничего... ничего... Не рассеивайте ваше внимание. Явись... явись... Ты должен явиться. Являясь, одари нас частицей светлой тьмы ...

Пугливая Женщина. О, Господи...

Отшельник. Одари нас частицей... Даже если не желаешь... Явись... Явись... Явившись, опали нас пламенем холода, из которого ты явишься. Раскрой нам смысл, заключенный в дрожащих и игривых языках этого пламени. Явись... Явись... Явись, даже если не желаешь... явись, явись... боже...

Пугливая Женщина. (*дрожит*). Господи, господи, я боюсь.

Малодушный. И я. Не бойся. Вспоминай. Вспоминай. Погляди, что он нам хочет напомнить?

Пугливая Женщина. Что? Что мне вспомнить?!

Малодушный. Значит, забыла. «Что»! Не помнишь? Сорок лет назад... Фиалки...

Пугливая Женщина. Что? Что?

Малодушный. Да фиалки же. Фиалки.

Пугливая Женщина. Фиалки?

Малодушный. Ну да, фиалки.

Беспокойный Человек. Что вы заладили, фиалки, фиалки? Тише. Это мгновение полно тайны. Соблюдайте тишину.

Пугливая Женщина. Фиалка? Влюбилась?.. Ты в кого влюбилась, фиалка?

Малодушный. Кого из нас выбираешь, фиалка...

Пугливая Женщина. Кто тебе достанется?

Отшельник (потирая рукой сердце). Тише. Успокойтесь. Кажется, я слышу какие-то звуки. Говорите про себя, пожалуйста, только про себя. Явись... явись... явись...

Свет загорается, потом гаснет. На фоне печальной мелодии, словно каждый на отдельном луче света звучат повторяющиеся голоса. Может, эти голоса идут из сердец этих людей? «Фиалка влюбилась. Ты в кого влюбилась, фиалка? Кого из нас ты выбрала? Кто тебе достанется?..» Эти простые слова детской игры повторяются многократно, и находящиеся в комнате, озаренные светом этих простых и чистых слов, сами того не сознавая, или, скажем точнее, сами не подозревая того, преображаются. Лишь Отшельника не коснулись эти изменения.

Отшельник. Явись... явись... Твой ли приход заставил затрепетать пламя свечи? Пойдите. Тихо. Тихо. Пойдите... (Все замирают, мелодия прекращается, заканчивается игра света.) Ты... ты здесь?.. Ты явился? Ты действительно смог явиться? Ты... здесь??? Дай мне знак. Дай знак.

Словно издали слышится крик и как будто совсем рядом какой-то шепот. Конечно, это чуть позже превратится в голос Духа. Отшельник, словно, собирая всю свою силу.

Ты здесь?

Все погружается в глубокую тишину.

Дух. Я здесь.

Пугливая Женщина. О, Боже.

Это ее восклицание передается всем и люди начинают двигаться словно в замедленной съемке. По мере того, как гаснет свет, это движение еще больше замедляется и вместе с темнотой все начинают по одному исчезать...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Те же люди. На столе свеча. Кажется, что все закрутилось немного назад и недавно застывшие люди вроде бы ощущают потребность повторить некоторые слова, сказанные ранее.

Отшельник. Смотрите, смотрите. Пламя свечи задрожало. Он явился. Он не отказал нам. Явился. Ты здесь? Дай мне знак. Дай знак. Ты здесь?

Белый, мягкий свет, струящийся из соседней комнаты, снова на наших глазах медленно и устало словно превращается в печальный голос.

Дух. Я здесь.

Пугливая Женщина. О, Боже!..

Малодушный (с улыбкой). Фиалка, фиалка...

Беспокойный Человек. Довольно. Что ты за-
ладил «фиалка, фиалка»? Замолчи.

Подозрительное Существо. Он что, дейст-
вительно здесь? Нам не снится? Ты тоже слышал?

Беспокойный Человек. Помолчите. Побой-
тесь Бога. Дайте послушать, что он скажет.

Пугливая Женщина. Мне холодно.

Одинокий. Что теперь? Что мы должны делать?

Отшельник. Молчите. Не шумите, умолкните.
Все! Тихо. Про себя. Говорите только про себя. Тихо. Ти-
хо... Тихо... *(Духу.)* Ты ответил на наш призыв. Ты здесь.
Смотрите на свечу, на свечу. Видите. Она дрожит. Он здесь.
Он хочет говорить, хочет что-то сказать. Тише, он что-то
говорит, что-то говорит, я, кажется, слышу его. Он говорит:
«Мои... слова... каждый... из вас... услышит... в своем...
сердце...».

Все *(замерев, как в замедленном кадре).* Как это? Каж-
дый в своем сердце? Как это будет? Что он говорит? Я ухо-
жу. Муж убьет меня. Это сон, мы спим, не верьте. Свеча,
свеча, смотрите, пламя задрожало. Ну и что здесь происхо-
дит? Мне холодно.

Отшельник. Пламя задрожало. Каждый его вспо-
лох напоминает отдельное слово. Он говорит с нами из-
нутри пламени.

Пугливая Женщина. Боже мой! Слышишь?
Ты не боишься?

Малодушный. Даже не знаю, что сказать?! Ко-
нечно, нет. Ведь, интересно. Такое даже во сне не приснит-
ся. Одно дело слышать от кого-то, другое ...

Пугливая Женщина. Интересно, скажет ли он
нам конкретно что-нибудь. Как ты думаешь?

Беспокойный Человек. Она права. Спроси,
хочет ли он сказать нам что-то?

Пугливая Женщина. Кому расскажешь, не
поверит. Ей богу, не поверят... Интересно, поверят ли нам?

Отшельник. Спросить? Вы хотите, чтобы я спро-
сил у него? Спрашиваю *(Отстраняясь от всех.)* Ты... еще
здесь? С нами? Дай знак, здесь ли ты?

Пламя свечи превращается чуть ли не в сияние.

Да, я понял, ты здесь. Ты здесь. Говори с нами слова-
ми. Скажи, скажи, что ты хочешь? Мы хотим слышать тебя,
только тебя, одного тебя, лишь тебя. Ты чувствуешь нас?
Ты здесь?

Дух *(шепчет).* Я - здесь.

Пугливая Женщина. Боже мой...

Отшельник. Тихо. Помолчите. Мы услышали те-
бя. Ты явился. Ты говоришь с нами.

Дух. Я говорю с вами. Каждый из вас слышит меня
своим сердцем.

Малодушный. О, господи...

Пугливая Женщина. Ей-богу, нам никто не
поверит.

Беспокойный Человек. Кто же не поверит
истине? Вот сколько свидетелей. Поверят. Мы слышали.
Наверное, слышали все. Спроси, спроси опять.

Подозрительное Существо. Вы уверены,
что это не сон?

Отшельник. Спрашивай, спрашивай...

Беспокойный Человек. Спрашивай скорее,
вдруг уйдет. Спроси, где он хранит свое богатство. Это...
его дом? Купчая есть?

Пугливая Женщина. Он прав. Спроси, что он
хотел сказать перед смертью?

Одинокий. Про добро, золото, богатство спроси.

Подозрительное Существо. Да повремени ты. Отодвинься. «Богатство, добро...»

Беспокойный Человек. Он прав. А для чего тогда мы здесь собрались? Для чего мы... он вызвал его? (Повелительно.) Спроси. Иначе...

Пугливая Женщина. Ну же...

Отшельник. Иначе? Ну, ладно. Сейчас. Сейчас. Ладно. Спрашиваю. Сейчас. (Духу.) Ты... Ты... (Решившись.) Почему ты так внезапно ушел?

Все. Эх... Ох... Боже мой. Нууу...

Дух. Я притомился. Вам это будет неинтересно.

Отшельник. Нет, расскажи, открой нам все. Ты пригласил нас сюда. Через столько лет собрал здесь всех нас. Это не твой дом. Почему ты пригласил нас сюда?! Почему ты умер здесь? Чьи это портреты?

Дух. Ты хочешь знать это? Ну что ж. Я тебе отвечу. Ровно десять лет я не выходил из дома. Десять лет я тосковал по белому свету. Ничто меня не связывает с жизнью. Ничто. Врачи говорили, что мне нельзя менять обстановку. Я обречен был жить только дома. Ты помнишь рыбок в аквариуме? Что это за жилище? Это мой отчий дом. Десять лет его двери не открывались. Это фото моего отца, матери, это мой дядя, а это, это мы, сфотографировались в конце четвертого класса. Никто из вас, посмотрев, не вспомнил. Неделю назад мой двенадцатилетний сын поделился со мной секретом. «Папа, сказал он, у меня есть друг, мы с ним дали друг другу клятву вечной дружбы». Это вам ничего не напоминает?

Отшельник. Клятву? Вспомнил, постой, постой, сколько нам было лет?

Дух. «Мы поклялись, что до последнего дня будем вместе, - сказал мне сын, - и наша дружба, наше братство никогда не нарушится».

Отшельник. Да, так и было «...наша дружба, наше братство никогда не нарушится...». Четвертый класс. Перед летними каникулами.

Дух. Я вспомнил вас. Подумал, а найдется ли нам что сказать друг другу, если мы встретимся? Я почти десять лет сижу дома, отрешенный от всего - мне опостылела, надоела эта жизнь. Я разыскал вас. Хотел посмотреть, что вы делаете, как живете? А вы...

Все. А мы...

Дух. А вы... Сколько я ни просил, ни один из вас не сказал, кем он работает, чем занимается сегодня. Все твердили только одно: помнишь, помнишь, помнишь... У нас есть только прошлое, а настоящего у нас нет. И мне вдруг стало тоскливо. Я ничего не потерял за эти десять лет, укрывшись от всех. Прошлое и без того было со мной. Не знаю, что произошло, но сердце вдруг чуть не разорвалось в груди, перед глазами появилась белая пелена. Ваши расширившиеся от страха глаза... Этот страх не был рожден любовью. Он был рожден вопросом: «Что мы ответим, если он умрет?» Было очень интересно... умереть, оставив вас в этом страхе. Мне не следовало выходить из дома. Вот самый простой и ясный ответ.

Отшельник. Теперь... что нам делать? Это и все твоё последнее слово?

Дух. Последнее слово... Кому нужно последнее слово? Там мне было тоскливо. Пусть это и будет последним словом.

Одинокий. Кому же не тоскливо?

Трусливая Женщина. Холодно, мне холодно.

Подозрительное Существо. Это он принес с собой холод. Не зря ведь говорят «холодная могила». И мне стало холодно.

Беспокойный Человек. Почему он сказал это? Ничего не понимаю. Если знаешь, что нельзя выходить из дома, если врачи не разрешают, так не выходи. Это же... это называется... Прямое самоубийство!..

Отшельник (Духу). Ты сейчас пришел к нам не сразу. По-моему, сначала ты вообще не хотел приходить. Будто где-то припозднился...

Дух. Я... заблудился.

Отшельник. Ты заблудился? Ты... вы можете заблудиться?

Дух. Я... заблудился и ушел на сорок лет назад. Голоса... меня сбили с толку голоса. Ваши голоса, были голосами сорокалетней давности.

Малодушный. На сорок лет назад?

Пугливая Женщина. Подумать только... о Боже!.. Муж...

Одинокий. Это мы, мы во всем виноваты. Мы.

Беспокойный Человек. Да, он прав. Спроси, а что он увидел там, сорок лет тому назад?

Пугливая Женщина. Да, да. Пусть спросит. Пусть спросит.

Отшельник. Сами спрашивайте. Я не хочу.

Все. Ты. Спроси ты. Он говорит с тобой. Он тебе отвечает. Только тебе. Ты знаешь, как с ним разговаривать. Спроси, что он увидел там? Что?

Отшельник. Ладно. Ладно. (Духу.) Ты еще здесь? (Пламя свечи заплясало, все испуганно замолкли.) Ответь, ответь нам. Ты... ты можешь сказать, ты можешь сказать... (Вдруг решившись.) Каким я был сорок лет назад? Я... забыл.

Подозрительное Существо (как во сне). Странно, и я забыл.

Отшельник (Духу). Видел ли ты меня там, сорок лет назад? Узнал ли меня? Скажи, ты узнал меня? Каким я тебе показался? Был ли я счастлив?

Дух. Я узнал тебя.

Отшельник. Сорок лет назад... а я не помню.

Дух. Там, в сорокалетней давности, я увидел класс. Наш класс. В классе было много ребят. Ты тоже был там. Ты показался мне очень спокойным. Кажется, ты был немного грустным. Ты не мог оторвать от меня глаз. Ты тоже видел меня. Смотрел, смотрел и вдруг осел на пол. Не упал, а осел на корточки. Все сбежались к тебе. На руках отнесли домой. Кроме тебя, больше никто меня не увидел.

Отшельник (радостно). Верно, он верное говорит. Помните, нам было по двенадцать лет, и однажды я от испуга упал в обморок. Это был мой первый обморок. Решили, что мне привиделось что-то, пройдет. Несколько дней я не мог прийти в себя, ничего не ел, весь пожелтел... Врачи приходили один за другим. А я не поправлялся. Бабушка убивалась, меня отвезли в пир¹. Верно. Так это тебя увидел я? Я тогда ничего не понимал. Значит, это был ты. Еще, еще что ты видел? Расскажи. Что было еще? Расскажи.

Все словно приходят в движение, будто слепые начинают блуждать по комнате, словно кого-то ища.

Одинокий. А ты можешь сказать, каким был я?

Беспокойный Человек. А меня ты узнал?

Подозрительное Существо. А меня? Что я делал?

Пугливая Женщина. Меня ты видел? Я была красивой девочкой?

¹ Святыня; почитаемое верующими святое место.

Малодушный. Я... я... я тоже забыл. Расскажи мне, что я забыл?

Дух. Я узнал тебя сразу. Ты был большим шалуном. Ты меня ни во что не ставил. Отнимал у меня мой завтрак. Отнимал силой. Каждый день.

Малодушный (*вдруг застывает на месте*). Нет. Нет. Нет.

Дух. Я не хотел отдавать. Ты отнимал насильно.

Малодушный (*как во сне*). А сейчас, я с утра до ночи надрываюсь как скотина ради куска хлеба. То, что легко приходит, также легко уходит. Хлеб насущный теперь на коне, а я, как говорится, пеший. Все ушло на суды, следствия, растаяло, исчезло...

Беспокойный Человек (*и он словно застыл на месте*). А меня? Меня видел? Я же сидел рядом с тобой. Был твоим закадычным другом. Каким тогда был я?

Дух. И тебя я видел. Когда он отнимал мой завтрак, ты отворачивался, быстро доедал свой завтрак и еле сдерживал смех. Смеялся исподтишка. Чему ты смеялся? Тому, что я оставался голодным? Ты никак не мог сдержать смех.

Беспокойный Человек. Нет. Нет. Все было не так. Нет. Не так... Мой...

Одинокий. А я? Каким был я? Я. Что я делал? Ты узнал меня, того, что был сорок лет назад?

Отшельник (*вдруг, будто приходя в себя*). Погодите. Погодите, что все мы заладили: «Каким я был? Что я делал?»... Погодите. Успокойтесь. Что за вопросы вы задаете? Разве для этого позвали мы его сюда? С ума сошли? Придите в себя. Прекратите. Давайте прекратим. Что там было или не было сорок лет назад – былшем поросло. Давайте спросим – каково там, по ту сторону? Главный вопрос – как там?... Заладили: сорок лет назад, сорок лет назад...

Что вы забыли в той сорокалетней дали, да, если хотите, даже в позавчерашнем дне...

Пугливая Женщина. Спасибо, большое спасибо, ты-то уж, конечно, ничего не потерял. Сам спросил о себе, все узнал, успокоился... а нам значит нельзя? Я тоже хочу знать. И я забыла... Почему это нельзя?... Почему? Почему... (*Всхлипывает.*) Не хочу. Раз так, то ничего мне не надо.

Одинокий. Постой, постой, ну, что это такое, возьми, вытри слезы (*протягивает ей платок*), не плачь, слышишь, ты испугнешь его. Может (*Отшельнику*), каждый сам задаст свой вопрос? Ведь каждый отвечает за себя, разве так не лучше? Пусть каждый спрашивает что хочет.

Отшельник. Пусть так и будет. Так даже лучше. Пусть каждый спрашивает сам.

Одинокий. Да, так лучше. И тебе не мучаться. Можно?

Отшельник. Спрашивай. Наверное, он уже ответит каждому. Он еще не ушел, спрашивай...

Одинокий. Спасибо. (*Поднимает лицо вверх, смотрит по сторонам.*) Я тоже, с вашего позволения, хотел бы спросить... Ты (*Духу*), не можешь ли сказать... Ты видел его?

Дух. Он уставился глазами на классную черную доску. Взгляд его был устремлен в мрачную пустоту. Молчал.

Одинокий. Он всегда молчал, словно был обижен на всех. Эх ты... А почему он молчал?

Дух. Я не знаю.

Малодушный (*вдруг взрывается*). «Не знаю?!». Ты что, издеваешься над нами? Как это, «не знаю». Никаких «не знаю». Ступай, ступай опять в прошлое. Из всех нас только ты способен сделать это. Пойди, выясни, загляни в душу каждому из нас. И расскажи нам, слышишь, напомним

нам – какими мы были. Кем мы были? Мы все забыли, забыли. Словно черная пустота между нами.

Отшельник. Действительно между нами черная пустота. Чего бы я только ни дал, чтобы пролететь с тобой над этой пустотой.

Беспокойный Человек. Что он болтает?

Подозрительное Существо. О какой пустоте они говорят?

Одинокий. Он прав, совершенно прав – мы все забыли.

Беспокойный Человек (*вдруг очнувшись*). В чем он прав? В чем? Забыли? Что? Ну и что же, что забыли? Какое мне дело до того, кто упал, у кого был обморок, что там еще было – не было, кто у кого бутерброды крал... кто молчал, а кто болтал... Какое это имеет значение?

Подозрительное Существо. Нет, все же ты не прав. Пусть он расскажет. И мне это интересно.

Одинокий (*Беспокойному Человеку*). Ты... ты... по какому праву...

Беспокойный Человек. А ты помолчи. Не мешай. Что тебя там интересует? Черная пустота... Подумаешь. Зачем мне знать, каким я был, что мне нравилось? Что я ненавидел? Чего я любил? Что я хотел обрести, что отдать...

Малодушный. Что хотел продать...

Беспокойный Человек. Ты это о ком? Ты кого имеешь в виду?

Малодушный. Что значит кого, я не о ком, а о чем. Я не о предательстве, я о том, что ты вечно что-то продавал, забыл что-ли – значки, жвачки?..

Подозрительное Существо. И я забыл. Забыл. Пусть он напомнит мне. Все, что я забыл. Все. Или... Мы тебя отсюда не выпустим...

Пугливая Женщина. Интересно, как ты это сделаешь?

Беспокойный Человек. Все забытое, все забытое... Ты хоть понимаешь, о чем говоришь? Если забыл, значит, так и надо.

Пугливая Женщина. Верно, муж убьет меня. Но... прошу тебя, напомни и мне. Я тоже забыла. Хочу вспомнить, но не могу. Забыла, кого любила, кто меня любил... Любила, любила – это я помню. Только вот кого? Этого нельзя было забыть. Ни за что. Я прошу тебя, пожалуйста, это моя последняя просьба. Помнишь, когда... Не забывай.

Отшельник (*подходит к Пугливой Женщине, внимательно смотрит на нее*). Конечно, нельзя было забывать. Конечно, не следовало забывать. (*Смотрит по сторонам и не понятно, говорит ли он это Духу или Пугливой Женщине, или еще кому-то из присутствующих.*) Скажи, ты помнишь, как однажды мы с тобой возвращались домой. Повернув за затемненный всегда угол, мы ступили в наш кособокий тупичок. В той темноте, при мерцающем в глубине тупика свете лампочки, ветер завывал так сильно, что, казалось, он куда-то спешит, несся куда-то и по ошибке сердясь, ругаясь, завернул в наш тупичок. И лампа была смешной, будто краснела от смущения. Но это все ладно. А мы с тобой долго говорили в том тупичке, дрожа, переминаясь с ноги на ногу. Было снежно, мороз, стужа... О чем мы говорили. Кажется, клялись в чем-то. В чем клялись? Забыл. Ты помнишь тот кособокий тупик? Скажи, о чем мы говорили?.. Не томи меня, о боже... (*Хватается за сердце.*) Скажи...

Беспокойный Человек. Все правильно, в тот день на меня напал какой-то глупый смех. Весь день только и смеялся. И до сих пор, стоит мне сильно разнервничаться,

как нападает этот глупый смех. Над чем я смеялся, чему радовался? Был ли я счастлив или, может, несчастлив? Забыл.

Малодушный. Да что это с вами, с ума посходили что-ли? Вас всех так понесло... Погодите. (*Отшельнику.*) Ты же сказал, чтобы мы спросили – как там? Там! Разве не ты сказал, что это главный вопрос? Ты! (*Духу.*) Скажи, скажи мне, пожалуйста... я хочу спросить тебя, место, откуда ты пришел, там (*вдруг словно переменившись*), постой, постой, утром того дня, который тебе привиделся, я в первый раз пришел в школу с соседской девочкой. Всю дорогу я просил ее, умолял, наконец, она сжалилась, дала мне свой портфель, и я нес его до самой школы. А перед школой нам повстречался ты. Нести девчачий портфель считалось постыдным, я бросил портфель и убежал. Спрятался и стал следить за вами. Подняв портфель, ты отдаешь его девочке. Что-то говоришь ей. Она тебя слушает, кажется, улыбается. А потом мы с тобой вдвоем куда-то идем. С первого урока сбежали. А после второго урока нас с тобой в школьном дворе застукал директор школы обмазанных грязью, в разорванных рубашках. Нас разняли. Помнишь? Что ты говорил той девочке? Почему она так улыбалась тебе? Где она сейчас? Она была нашей соседкой, потом они переехали и след их простыл. Почему я так поступил? Поругался, подрался с тобой? Своим другом... Почему? Зачем? Какие это были прекрасные дни.. Ушли, улетучились...

Одинокий (*Духу*). А ты не можешь опять перенестись на сорок лет назад? Тебе не трудно будет пролететь над этой черной пустотой или что там еще? Какой была она?

Пугливая Женщина. Кого и что мы любили?

Беспокойный Человек. Кого и что мы ненавидели?

Малодушный. Кого боялись?

Отшельник. Почему хотелось жить и жить...

Подозрительное Существо. Почему хотели умереть?

Отшельник. Скажи, сможешь ли ты вернуть нам все это? Пожалуйста.

Одинокий. Ты сможешь преодолеть ту пустоту и донести до нас все это? Это нам нужно. Очень нужно. Что будет завтра, каково Там – это позже. Нам важнее мы, те, которые по ту сторону черной пустоты. Ты сделаешь это?

Дух. Я... постараюсь.

Исчезновение сияния света под звуки убывающей неповторимо прекрасной музыки говорит о том, что Дух тихо, будто бабочка отправился в далекое путешествие. Луч света перетекает в соседнюю комнату, музыка стихает и наступает томительное ожидание...

Пугливая Женщина. Мне зябко. И утро никак не наступит, чтобы мы разошлись по домам. Муж убьет меня.

Подозрительное Существо. Зря только теряем время. Сказал что-то и ушел. Не вернется он.

Одинокий. Странно. Зачем ему врать? Тебя что-ли испугался?

Беспокойный Человек. Сорок лет назад, сорок лет назад... Зачем это? Надо было спросить о будущем.

Подозрительное Существо. Зря только время теряем. Зря.

Пугливая Женщина (*неуверенно*). Вы думаете, он не вернется? А я... я почему-то опять дрожу. Увидите, раз я стала снова мерзнуть, значит, он вернется. (*Проходит мимо Отшельника, не замечая его. Малодушному.*) Ишь ты, фиалка. Как это ты вспомнил?

Малодушный. Мы держались за руки совсем, как в детстве, помнишь? Крепко-крепко. Чуть пальцы не обломали. Будто кто-то хотел протиснуться между нами, а мы его не пускали. Ну как, вспомнила?

Пугливая Женщина (*позевывая*). Вспомнила, вспомнила. Фиалка...

Малодушный. ... в кого ты влюбилась?.. Да...

Подозрительное Существо. (*с издевкой*) Молодец.

Беспокойный Человек. Ну и влипли мы. Фиалка, фиалка...

Отшельник. Ладно, ладно, успокойся, что тут такого? Это же просто детская считалка, не сердись.

Пугливая Женщина И не нужно подначивать. Не нужно.

Одинокий. Может, еще раз вызовем его? Я уже начал беспокоиться. Неужели так трудно вернуться обратно?!

Отшельник. Обратно? Почему обратно? Откуда знать, может, он улетел на сорок лет вперед?.. А?

Пугливая Женщина. Ну да, как годы до нашей эры идут назад, так и наше прошлое, оказывается еще впереди... Что он болтает?

Беспокойный Человек. Нет. Не нравится мне все это.

Все. Пора, он уже должен был вернуться. Надо вызвать его. (*Все оборачиваются к Отшельнику.*)

Отшельник. Я? Почему я?

Одинокий. Он является на твой зов.

Подозрительное Существо. Когда это он сразу соглашался. Всегда мы должны были умолять его...

Отшельник. Господа, не забывайте, что отныне и вам удалось установить с ним связь. Вызывайте, смелее, уже время, вызывайте и он придет.

Беспокойный Человек. Ты вызовешь его или нет??? (*Вдруг словно вспомнив что-то, как во сне.*) Постой, постой, в тот день, да, в тот самый день я впервые в жизни захотел умереть, я был ребенком, ну сколько мне было-то, но мне хотелось умереть. Отец опять на глазах всего двора избил маму. Она упала у крана во дворе и схватилась за голову. А отец все не мог успокоиться. Он бил ее ногами, раз, другой, третий. По ребрам, по пояснице, по ногам, в живот, понимаешь, пинал, пинал... (*Доносятся голоса.*)

Голоса. Не бей ты ее, довольно, оставь бедняжку. Отойди, ты же убьешь ее, не бей. Остановись. Держите, держите его за руки. Отойдите, убирайтесь. Оставьте меня. Убью. Убью. Отойди. Умрет ведь...

Беспокойный Человек (*как во сне*). Соседи еле оторвали отца от нее и увели. А ночью я спрятался под одеялом и... ни к селу, ни к городу начал смеяться. Когда я уснул с улыбкой на губах, уж и не помню. А наутро в школе меня снова разобрал этот беспричинный смех и я не мог успокоиться. А он подумал, что я смеюсь над ним. Что смешного если у другого отнимают что-то? Я смеялся, думая о смерти, о том, как я совершу это. Наконец, заметил, что все как-то странно смотрят на меня, наверное, решили, что я помешался. Я вспоминаю. Я смеюсь. Смеюсь без остановки. Меня не было, когда скончался отец, я не успел на его похороны. Мороз, снег. Вылетел из Москвы с задержкой на три дня. Мать до самых сороковин тайком ходила на кладбище, а как она, говорят, убивалась на похоронах. (*Вдруг очнулся.*) Что случилось? Что?

Подозрительное Существо. Да ничего. Вот видишь, ты вспомнил. А я ничего не могу вспомнить. Давайте снова возьмемся за руки. Вызови его. Пусть явится.

Малодушный. Правильно. Вызовем. Пусть явится.

Беспокойный Человек. И сейчас, в самые трудные дни - у меня очень тяжелая работа, не работа, а мучение - временами на меня нападает все тот же беспричинный смех. Мне надо ругаться, драться, а я смеюсь, и все вокруг стоят как вкопанные. Все теряются. Не знают, бедняги, смеяться им или плакать.

Одинокий (*Отшельнику*). Видишь. Лучше, если начнешь ты. У тебя получится.

Беспокойный Человек. Мама потом всегда говорила, пусть хоть слепой, хоть калека, но лишь бы я ощущала его дыхание. Это она об отце говорила. (*Подозрительному Существу*.) Что? Что ты сказал?

Подозрительное Существо. Я ничего не говорил.

Беспокойный Человек. Почему стало так холодно? Я тоже начал замерзать. (*Съежившись, садится в углу*.)

Малодушный (*задремавшей Пугливой Женщине*). Фиалка. Проснись. Проснись же. Глядя на тебя, меня тоже в сон клонит.

Пугливая Женщина. Я... Как... боже мой... (*Зевает*.) даже не заметила, как задремала.

Подозрительное Существо. Сам он добровольно, как говорится, не придет. Это уже и дураку ясно. Вызовем. Мне кажется, если специально, то получится. Пусть придет и расскажет. Он обещал. (*Отшельнику*.) Ну что тебе стоит, вызови ты его, вызови его, ну пожалуйста... вызови.

Отшельник. На этот раз вызывай ты. Проверь. Посмотрим, что получится. У тебя получится.

Подозрительное Существо. Я? Как же мне вызвать его? Как говорится дома не готовили, соседи не принесли.

Малодушный (*как во сне*). Постой. Постой. Ведь я любил соседскую девочку. Да что там любил, умирал, слышал по ней. Как-то раз она почему-то сказала мне, что я оказывается пользуюсь большим уважением среди ребят. Вот так! Они любят тебя. Она сказала, что это доказывает, что я хороший парень. (*Ему слышится голос*.) «Будь всегда хорошим парнем. Умным. Только я старше тебя. Ты намного младше меня. У нас с тобой ничего не получится».

Подозрительное Существо. Тсс... что это с ним.

Малодушный. Господи, как я плакал по ночам. Как плакал. Натянув одеяло на голову, тихо, чтобы никто не слышал, сжав губы сотни, миллионы раз шептал ее имя... (*Воздевает руки кверху, застывает*.)

Одинокий (*опять засыпающей Пугливой Женщине*). Проснись. Фиалка. Не спи. Это интересно.

Малодушный. Соседская девочка сказала, что... (*Ему слышится голос девочки*.) «У тебя очень хороший друг, он поднял мой портфель и сказал...» (*Голос затихает*.)

Подозрительное Существо. Слушайте, разве мы не договорились начинать все заново?! Так начинайте. Возьмитесь за руки. Ну что вы? Как быстро у вас пропало желание? Мы что все обязаны выслушивать это?

Отшельник. Я не возражаю. Только раз уж он начал, пусть выговорится.

Подозрительное Существо. «Пусть выговорится». Мы что здесь устроили вечер воспоминаний? Видишь, что с ним творится?! (*Указывает на Беспокойного Человека, застывшего в углу*.) «Пусть выговорится». Разве так выговариваются? (*Указывает на Малодушного, стоящего с поднятыми вверх руками*.) А этот? Хорош. Хочешь, чтобы и с нами случилось подобное?

Малодушный (*опускает руки*). Она сказала... (*Снова тот же девичий голос.*) «У тебя хороший друг. И он очень ценит тебя. Он сказал мне, чтобы я не обижалась на тебя за то, что ты бросил мой портфель. Он по тебе, то есть ты по мне, с ума сходишь. С ума сходит. Ведь ты младше меня. Потом он сказал, дай я понесу твой, то есть мой портфель. Лишь бы ты, то есть я, была приветлива с тобой. Ну почему ты такой маленький».

Пугливая Женщина (*Малодушному*). Ну ты и фрукт. Ты меня слушай, меня. Я опять замерзла. Будто снова наш школьный садик. Мороз... холод...

Малодушный. Я же обругал друга своего, ударил: что тебе за дело к девушке, которую я люблю. Что ты там нашептывал ей, а она смеялась?! Что? Что? Господи. (*Приходит в себя.*) Потом они переехали и бесследно исчезли. Нет, конечно, нет. Много лет спустя на улице я случайно увидел ее. Она меня не узнала. А я все смотрел, смотрел на нее, понравилась она мне. Я ее тоже не узнал. Только сейчас я вспомнил о той встрече. Вспомнил, что не узнал ее.

Одинокий. С этими двумя все в порядке.

Подозрительное Существо. Слушай, видимо, он проникает в каждого из нас, и ему, только ему рассказывает то, что узнает о каждом из нас?! Вот мерзав... Тьфу!..

Одинокий. Как??? Нет. Нет, говорю тебе. Что ты болтаешь? Никто не залезет мне в душу. Я не хочу этого. Слышишь, не хочу. Знаешь что?! (*Неожиданно успокаивается, смягчается, словно во сне.*) О господи, как я был счастлив в тот день. Никогда больше я не ощущал такого душевного покоя, легкости, свободы. Никогда. В один день я получил три «пятерки». Правда, одна из них была по пению, ну и что, все равно это была «пятерка», крупно вписанная в мой дневник. Другая «пятерка» была по... истории, а третья,

кажется, по географии. Папа за каждую «пятерку» давал мне пять рублей. Если же я получал «двойку» или «тройку», то я каждый раз из тех «пятерочных» денег возвращал ему два или три рубля. «Четверка» была нейтральной – ни он мне, ни я ему ничего не давал. Это было интересно. Игра в оценки и деньги. У меня в кармане всегда водились деньги. Когда вокруг каждый был счастлив, если у него в кармане было по десять – двадцать копеек, я поглаживал в кармане пальцем бумажные рубли... и с жалостью смотрел на вас. Как же я был счастлив в тот день. Вечером у меня должно было быть пятнадцать рублей. Правда, когда ты упал в обморок и тебя на руках унесли домой, мне стало слегка грустно, но это быстро прошло. Я вспомнил, что сегодня вечером будет играть любимая футбольная команда. Что матч покажут по телевизору. Во всем дворе в то время телевизор был только у нас. Я подумал, что соседи опять с подобострастными улыбками сядут рядом с отцом, мы все вместе будем пить чай с вареньем и смотреть футбол. Лишь бы «Нефтчи» выиграл, лишь бы выиграл. Много ли нужно было для счастья. Все будет хорошо. И когда я думал об этом, вдруг мое сердце охватило странное чувство покоя, легкости, свободы. Я позабыл обо всем. И про твой обморок, и про ваши подначки, все... все забыл. Лишь бы команда победила. А вдруг действительно она возьмет и выиграет? Много ли было надо, чтобы сделать меня счастливым...

Подозрительное Существо. И этот уже готов... Видишь?

Отшельник. Ты был прав. Наверное, на сей раз он предпочел вернуться таким образом.

Пугливая Женщина. Что он болтает? Вы что-нибудь понимаете?

Одинокий *(не слышит их, пребывая в своем мире)*. А потом в тот вечер «Нефтчи» действительно победил. Соседи долго шумно говорили, а потом довольные спустились во двор, разошлись. А я сложил одну на другую данные мне отцом пятирублевки, спрятал их вместе с другими деньгами. Некоторые из купюр были помяты. Я упросил маму, я же был у них единственным и мне никогда не отказывали. Взял у мамы утюг и стал аккуратно разглаживать деньги. Отец с матерью пили чай, смотрели на меня и, посмеиваясь, что-то говорили друг другу. *(Ему слышатся женский и мужской голоса.)* «Смотри, как он радуется. Ах, плутишка, пусть в его руках всегда будут деньги, пусть он всю жизнь радуется, не думает наш мальчик, как ему жить, даст Бог, так и будет. Он сейчас ни в чем не нуждается, все у него есть, и даст Бог, будет все. Лишь бы был здоров, пусть перейдут все его болезни и беды к другим, аминь!» *(Голоса затихают.)* Господи, как я был счастлив. *(Вдруг его словно душит чья-то невидимая рука.)* Довольно, хватит, отстань, отстань, ради бога, хватит. Довольно мне... *(Падает на пол.)*

Подозрительное Существо *(испуганно)*. А теперь чья очередь, моя?

Пугливая Женщина *(наклоняется над Одиноким)*. Ну, ну... У тебя что-то болит? Почему ты молчишь? Поднимайся. Эй, счастливый человек, эй, что с тобой? Вставай, простудишься, поднимайся. Ну же...

Одинокий *(притоднимаясь)*. Куда ушли те дни? Куда я ушел? Где я теперь? Что это за люди были там, смотрели на меня с улыбкой? Вы видели, в руках они держали стаканы с чаем? Одинокий, как сова. *(Пугливой Женщине.)* Что ты говорила? Кто это счастливый человек? Я, что-ли?

Пугливая Женщина *(обнимает прижавшегося к ней Одинокого)*. Не мучайся. Не мучай себя. Все будет хорошо. Тот день повторится опять. Вот увидишь. Не мучайся.

Твои счастливые дни еще впереди. Верь мне. Верь мне, довольно, слышишь, довольно говорю, ай-яй-яй, вы только посмотрите на него, довольно, ради бога...

Подозрительное Существо. Я ухожу. Поймают, пусть ловят. Лучше в отсидке, чем здесь. Черная пустота. Вот еще. Я ухожу.

Отшельник. Не будь ребенком. Куда ты собрался? Рано или поздно и ты, как все...

Подозрительное Существо. Нет. Ухожу. Я хочу уйти, дайте мне уйти, отстаньте от меня. Клянусь Богом, я ни у кого ничего насильно не отнимал. Все отдавали добровольно. Пусть он провалится со своими деньгами, богатством и своим последним словом. Я до сих пор ничего без согласия... ну не было. Не было! Будто я силой отнимал у него завтраки. Не было такого. Не помню. *(Словно что-то вспоминает.)* Может... знаешь, иногда жадность нападала. Он всегда приносил в школу вкусные котлеты. А я – хлеб с тмином. Ну и что? Разве мы иногда не менялись нашими завтраками? Разве вы все не глядели порой жадно на мой хлеб с тмином? Разве, когда кто-то ел мороженое или пирожное, не говорили: «Оставь и мне». Кто грыз сам купленные им семечки? *(Словно спорит с кем-то.)* Да, вспоминаю, вспоминаю, будь спокоен, все скажу, были трехкопечные монеты, красные, как медь, я натер одну из них с задней стороны, где герб, она заблестела, стала беленькой, похожей на двадцать копеек. На нашей улице в подвале рядом с домом жила старушка, торговавшая семечками. Вот я и всучил ей эти фальшивые двадцать копеек. Купил семечек. Она еще дала мне десять копеек сдачи. Она почти ничего не видела.

Пугливая Женщина *(Одинокому)*. Видишь, что он творил?! На нем, наверное, живого места не осталось. Сколько можно под чужие машины, боже, боже. *(Суеверно)*

дергает себя за мочки ушей. При этом одна из ее серег падает. Ищут с Одиноким серьгу. Одинокий находит ее.)

Одинокий. Возьми, я нашел. Слушай, какой здесь большой камень. Мочку не оттягивает от нее?

Пугливая Женщина. Что ты хочешь сказать. Нет нет.

Подозрительное Существо. Та старая торговка иногда делилась со мной горестями. Оказывается, кроме меня, и другие натирали монетку и подсовывали ей. *(Слышится голос старухи.)* «...Я старая женщина, сынок, глаза совсем слабые, а эти негодяи, обманывают меня, чтоб им пусто было. Но ты хороший мальчик, не ровня им. Учись хорошо, не связывайся с плохими мальчишками. Ни с кем не связывайся. Ни в чьи дела не вмешивайся, даже если у тебя не будет денег, приходи, я отсыплю тебе семечек, ты хороший мальчик...» *(Голос затихает.)* Я слушал ее, слушал, как воспитанные мальчишки, опустив голову. А потом сгорая от стыда протягивал ей подчищенную трехкопеечную монету. Она никогда не рассматривала монеты, которые давал я. Всегда до краев наполняла семечками большой стакан и высыпала мне в карман. Вот так.

Отшельник. Да, такие дела. Кто еще остался? Ты закончил? А ты? *(Пугливой Женщине.)* Ты одна и осталась.

Малодушный. Фиалка...

Подозрительное Существо. А теперь, эх... а теперь вот так. Не получилась. *(Пугливой Женщине.)* Знаешь, не бойся. Не бойся, тебе полегчает.

Пугливая Женщина. Это ты мне? Вам до меня нет дела. Я... я ничего не боюсь. Господи боже, лучше бы вы все забыли про меня.

Малодушный. Фиалка... Что с тобой? Успокойся. Ты опять дрожишь. Ну и что? И я замерзаю.

Подозрительное Существо. Холодно.

Пугливая Женщина. Меня он не тронет, я знаю. Я... Женщина. Мне холодно.

Подозрительное Существо. Нам бы такое везение.

Беспокойный Человек *(Отшельнику.)* Это ты во всем виноват. Если б ты позвал его, как в первый раз... Может, не было бы так... холодно. Мерзко.

Все прижимаются друг к другу и стараются руками разогреть друг друга.

Малодушный. Может, попросим его, чтобы он явился, как в прошлый раз, не разрывая нам сердца, не проникая в наши души?! Давайте на этот раз действительно спросим его о будущем. Безобиднее будет. Как вы думаете?.. Будущее... Узнаем... что ждет нас... скажем лет через сорок?

Подозрительное Существо. Сорок лет. Ну и аппетиты у тебя.

Беспокойный Человек. И сорока дней было бы не худо.

Одинокий. Не скажет.

Малодушный. Почему? Откуда ты знаешь?

Одинокий. Мне кажется, о будущем они ничего не знают. О прошлом – да, ведают. А насчет будущего...

Малодушный. Да, непростое дело!.. Но... давайте вызовем и спросим.

Беспокойный Человек. Вызовем, вызовем... Как? Он же не хочет вызывать.

Подозрительное Существо. Мы здесь все подохнем...

Отшельник. Ваше дело, вам решать. Мне уже это совсем не интересно. *(Хватается за сердце.)*

Все. Вызовем. Пусть явится в последний раз. Как? Как вызывать? Явится ли? Не явится? А может быть?.. Про будущее, про будущее.

Малодушный. Я знаю. Я знаю, как вызвать его.

Пугливая Женщина. Как?

Малодушный. Мы должны взяться за руки.

Пугливая Женщина. За руки? Как прежде?

Подозрительное Существо. Все сначала?

Малодушный. Нет, не так. На этот раз все будет немного иначе. Поверьте мне. По-другому. Иначе он не явится. *(Отшельнику.)* Я не прав? В первый раз он заблудился. Вернулся в сорок лет назад. Но не может же он каждый раз ошибаться. Поверьте мне. Вы согласны? Скажите, согласны?

Пугливая Женщина. Я согласна. Насчет будущего – я согласна. Ты прав. Скоро утро. И муж убьет меня. Делайте, что хотите, только поскорее, делайте. *(Одинокому.)* А ты как, согласен?

Одинокий. Я не знаю. Мне все равно. Если о будущем

– да! Согласен.

Малодушный *(Остальным)*. А вы?

Подозрительное Существо. Почему ты сразу обращаешься ко мне? Я как все. Решайте сами.

Беспокойный Человек. Я сейчас... *(Хочет ускользнуть.)*

Малодушный. Нет, нельзя. Ты никуда не уйдешь. Мы вместе начали и вместе должны закончить.

Беспокойный Человек. Что он говорит?

Подозрительное Существо. Как это, никуда не уйдем?! Если только захочу, ещё, как уйду.

Малодушный. Нет, ребята, я не в том смысле. Вы поймите. Кто хотел вернуться, попасть в прошлое? Мы.

Все. Он выполнил нашу просьбу. А теперь? Бросить все это? Мы хотели узнать его последнюю волю. Быстро же вы забыли...

Беспокойный Человек. Мы не забыли, это вы забыли. Была возможность, следовало спросить.

Подозрительное Существо. Теперь что, опять все сначала?!

Отшельник. Ничего, пусть начинает. Может, в этот раз вы добьетесь желаемого.

Пугливая Женщина. Хорошо. Что мы должны сделать?

Малодушный. Мы все сделаем вместе. Все вместе.

Беспокойный Человек. Скорей, не мучай нас.

Малодушный. Возьмитесь за руки. Нет, не садись. На этот раз стоя. Вот так. Успокойтесь. Держитесь крепче, сожмите пальцы. Вот так. Ты чуть отступи назад. Тише. Спокойней. Пусть говорят только ваши сердца. Сейчас, сейчас он должен явиться. Явится, где бы он ни был. Явится, будь он даже в том сорокалетнем прошлом. Где, где эти слова, где эти вопросы, где это имя, где, где?..

Все стоят в ряд, держась за руки. Вдруг нависает глубокая тишина, как будто даже звенит в ушах. И в этой тишине слышатся очень ясные наводящие дрожь детские голоса. Откуда они доносятся. Кто знает?

1-й Голос. Фиалка, фиалка!

2-й Голос. Влюбилась...ли ты?

1-й Голос. Кто из нас достанется тебе?

3-й Голос. Еще раз, еще раз, сначала.

1-й Голос. Фиалка.

2-й Голос. Влюбилась...

1-й Голос. Кто из нас достанется тебе?

3-й Голос. Еще раз.

1-й Голос. Фиалка.

2-й Голос. Влюбилась...

1-й Голос. Кто из нас достанется тебе?

3-й Голос. И сам он прекрасен, и имя прекрасно...

Малодушный. Тсс... Тихо... явился. Ты здесь?

Дух (являясь подобно лучу света). Я здесь.

Пугливая Женщина. О Боже... опять здесь повеяло мертвечиной.

Подозрительное Существо. И как темно.

Беспокойный Человек (начинает смеяться). Я же говорил... опять... этот смех.

Отшельник. Господи, отпусти нам наши грехи.

Малодушный (Духу). Ты снова не хочешь говорить с нами?

Подозрительное Существо. Ну, отвечай же!

Дух. Я говорил с вами. Сказал вам все, что знал и видел. Каждому в его сердце. Только он услышал меня. Чего же вы теперь хотите?

Малодушный. Еще кое о чем расспросить тебя.

Дух. Спрашивайте.

Отшельник. Спрашивай.

Малодушный. Ты... ты...

Дух. Ну, я...

Малодушный. Ты... (Выпаливает.) можешь снова вернуться на сорок лет назад? Скажи, сможешь вернуться? Сможешь вернуться?

В с е (ахнут). Ну все. Ты смотри а... Ну что же творится. Не назад, не назад.

Отшельник. Да, в сорок лет назад. И меня, меня можешь унести с собой? Вдвоем, без никого. Только дво-

ем. Унесемся. Вернемся, взглянем еще раз на тот маленький двор. Пройдем по той улице, войдем в садик возле школы, пройдемся по классам. Ты сможешь пронести меня над черной бездной? Сможешь вернуть меня на сорок лет назад? А можно не возвращаться, остаться там? Ты счастлив? Счастлив. И свет свечи застыл. Молчишь. Почему ты молчишь? Значит, не сможешь. Или... не хочешь... Тогда больше не являйся сюда. Не возвращайся. И чтобы мы не слышали твоего голоса. Не входи в наши души. И отстань от меня. Я сам, сам справлюсь. Без тебя. Ты не нужен. (Хватается за сердце.) Отстань от меня. Мне нечего сказать тебе, нечего вспомнить. Разве я жил для того, чтобы что-то обрести или утратить? Я и без того там. В сорокалетнем прошлом. Разве ты не видел, что я не хотел приходить сюда?! Видел или не видел?! Ты бы да не увидел?! Верни, верни меня. Ты говоришь обо всем, что было, что будет. Дай же мне лишь одно что не возможно. Дай мне сорокалетнее прошлое. Дай... боже... пусть снова... будет (Хватается за сердце, медленно опускается на землю.)

Пугливая Женщина. Мне холодно.

Малодушный. Валидол. У кого есть валидол? (Подбегает к Отшельнику, поднимает ему голову.) Что с тобой? Помогите. Валидол!..

Подозрительное Существо. Опять он смотрит на меня. Нет у меня валидола. Да притворяется... наверное...

Беспокойный Человек. Здесь все погрузилось в совсем темноту. И сердце сжимается. Кто же вынесет такое? И свеча погасла. Хоть небольшой свет, но был. А сейчас?!..

Пугливая Женщина. Зажгите же свет. Он уже ушел. Все кончилось. Кончилось все.

Одинокий. И откройте окна. Пусть комната проветрится.

Малодушный. Помогите. Он кажется...

Пугливая Женщина. Нет, не надо открывать окно. Холодно ведь. Окончательно замерзнем, околеем. Ну что ни у кого не нашлось таблетки валидола?

Беспокойный Человек. Что это с ним?

Подозрительное Существо. Он, наверное, пугает нас. Недавно он так пластично извивался. Играет.

Пугливая Женщина. А я подумала...

Одинокий. Но ведь он схватился за сердце. Бедняга.

Пугливая Женщина. Как он красиво упал... Ладно, здесь темно, ничего не видно? Куда же он подевался?

Малодушный. (наклоняется над Отшельником). Помогите, люди вы, или ... Боже, он умер...

Подозрительное Существо. Умер?

Беспокойный Человек. В самом деле умер? Не может быть.

Одинокий. Он же все время держался за сердце.

Пугливая Женщина. Зажгите свет. Темно, везде темно. Господи, муж убьет меня... Я с детства страшусь темноты...

Малодушный. Умер. Умер.

Одинокий. Знаете, я совсем измучился. Вы, все вы, да, да, все вы утомили меня.

Пугливая Женщина. Который сейчас час? Он... исчез. Но куда?

Малодушный. Куда?

Пугливая Женщина. Ну что вы говорите? Как это «куда»? По своим делам. Мы же его прекрасно знаем.

Беспокойный Человек. Вы не можете никуда уйти. Как это случилось, что оба, в один день, ... сговорились что ли? Нельзя. Нельзя так.

Подозрительное Существо. Если б он умер, то лежал бы здесь. Куда же он делся?

Пугливая Женщина. И действительно его нет. Когда хочет – приходит, когда хочет – исчезает. Ни «здоровствуй», ни «до свидания»... И всегда такой. Ни капли не переменялся...

Одинокий. Вы что-нибудь понимаете?

Пугливая Женщина. Постой. погоди. Что это за голоса? Слышите?

Слышатся те же детские голоса, сливаясь с тихой мелодией.

1-й Голос. Фиалка, фиалка.

2-й Голос. Влюбилась ли ты?

1-й Голос. Кто из нас достанется тебе?

3-й Голос. И сам он прекрасен, и имя прекрасно!..

Пугливая Женщина. Слышите? Я слышу. Откуда доносятся эти голоса?

Малодушный. Не знаю. Но и я услышал. Слышали?

Пугливая Женщина. Да. Какие-то детские голоса. И я их слышала. Я даже увидела их. Они были белыми-пребелыми, прилетели на кончике луча света, показались нам. А вы, видели ли вы их? Куда же он опять пропал? Раз его нет, значит, затеял с нами игру. Он всегда исчезает, когда нужен. Ну, где ты, не томи душу, выходи. Уже светает, пора уходить. Куда ты спрятался, исчез? Ты здесь? Ты здесь?

Тишина.

Голос Отшельника. Я здесь.

1-й Голос. Фиалка.

2-й Голос. Влюбилась ли ты?

3-й Голос. Кто из нас достанется тебе?

И безмолвие. Сначала мрак начинает таять. Все вокруг постепенно светлеет. Все замерли. И во мраке на глазах у всех когда они начинают постепенно исчезать.

Конец

Баку, 1996

РАЗ, ДВА – СЛЫШУ ЕДВА ...

*драма в пяти картинах из жизни двоих,
тицетно пытающихся понять
и обрести друг-друга*

Действующие лица:

Мужчина
Женщина
Голос Мальчика
Голос Девочки

КАРТИНА I
«Раз, два - слышу едва»

Еле освещенная комната. Пока два трепещущих лучика света скользят по углам и замирают, выхватив из темноты лица Мужчины и Женщины, со двора доносится радостный, перебивающий друг друга гомон детей. Эти голоса как память о далеких годах, сохраненная в душе Мужчины и Женщины ничто иное, как кажущаяся нам бессмысленной, но не являющаяся таковой детская считалочка. И они как будто слышат эту считалочку:

Детские голоса:

Раз, два – слышу едва,

Три, четыре – лучший в мире.

Пять, шесть – негде сесть.

Семь, восемь – милости просим.

Девять, десять – ясный месяц.

Голоса сливаются в единый гул, затем из этого гула пробиваются голоса Девочки и Мальчика.

Голос Девочки. Я не играюсь с тобой.

Голос Мальчика. Давай поиграемся...

Голос Девочки. Потому что ты дернул меня за косичку.

Голос Мальчика. Не дергал я.

Голос Девочки. Ты дернул меня за косичку. Я скажу Саре Ибрагимовне. Скажу.

Голос Мальчика. Тогда и я скажу. И я тогда скажу...

Голос Девочки. Не скажешь. Не скажешь.

Голос Мальчика. Если ты не скажешь - я тоже не скажу.

Голос Девочки. Не скажешь. Не скажешь.

Мужчина. *(будто сквозь сон)*. Конечно не скажу. Как я мог сказать, если и сам не понял как случилось, что твои волосы коснулись моего лица...

Женщина *(будто сквозь сон)*. Когда твоя щека коснулась моих волос...

Мужчина. Я провел рукой по твоим волосам...

Женщина. Мои волосы заструились в твоей ладони...

Мужчина. Я коснулся губами твоих волос и мне почудилось, что я стал Мужчиной.

Женщина. Мои волосы были во власти твоих губ. И мне показалось, что и я - Женщина.

Мужчина. В тот день во всем мире были только ты и я.

Женщина. Были мы. Все мироздание от начала до конца было нашим! А теперь...

Голос Девочки. Раз, два...

Голос Мальчика. Слышу едва...

Звучит дальняя, изнуряюще тягучая мелодия, и в ритм ей вновь трепетно подрагивают лучики света, ранее соединившиеся на лице Мужчины и Женщины. Внезапно этот своеобразный танец кончается, и вся комната озаряется ярким светом.

Мужчина. Нам только кажется, что мы живем. Разве это жизнь? Что-то подсказывает: иди, что-то - останься. Не люблю пускаться в путь... Не люблю возвращаться... Не люблю дорогу. Действительно, преодолевать расстояния всегда очень тяжело. Куда ни шло, когда стремительно бежишь. Впереди всегда дорога. Одно дело, пройти этот путь до конца, как нормальную дорогу. Другое - сделать в сторону несколько шагов и считать, что прошел весь путь.

Женщина. Давай шагнем в сторону. Или же будем топтаться на месте. Пусть думают, что и мы в движении.

Мужчина. Разве мы проходим свой путь ради других? Запомни: нет путников - нет и дороги. Ведет ли вперед, или тянет назад.

Женщина. Что стоит обмануть дорогу?! Ты всегда такой. Вечно бросаешься в огонь. Так и не сумел прожить жизнь тихого, ласкового человека... Даже не знаю, как поверила, увлеклась тобой.

Мужчина. Никогда не жалею о том, что сделано. А то не сможешь жить.

Женщина. Я и так не смогла.

Мужчина. А что с тобой приключилось?

Женщина. Да так. Что еще могло случиться, кроме того, что случилось? Ты - по одну сторону занавеси, я - по другую.

Мужчина. Все это пустое. Главное, мы снова слышим друг друга.

Женщина. Слышать - слышим. Только... Я тобой очень, очень недовольна.

Мужчина. Отчего?

Женщина. Ты думаешь, что если остался по другую сторону занавеси, значит тебе повезло?

Мужчина. Что ответить? Мне это и в голову не приходило.

Женщина. Ты так думаешь, так считаешь. Меня не обмануть. Спровадил меня сюда. А сам... Радуетесь, что тебе повезло.

Мужчина. Тогда... ну тогда скажу и я. Женщина (*опасливо*). Что? Что ты скажешь?

Тишина

Нет. Ты не скажешь. Ты не можешь сказать. Знаешь что?! Кончай эти свои штучки. Давай помиримся.

Мужчина. А разве мы ссорились?..

Женщина. А что у ссоры особые приметы? Когда я перешла на эту сторону, разве это не означало, что мы поссорились? Что ты умолк???

Мужчина. Нет, я думаю.

Женщина. Ладно, идешь ты со мной или остаешься? Ведь отправиться в путь всегда было твоей заветной мечтой.

Мужчина. Идти или остаться - сейчас вроде без разницы. Я уже стал ненавидеть эту дорогу. Не знаю. Не знаю. Людей, которые все знают... тоже побаиваюсь.

Женщина. У страха тысячи ликов. Старается усыпить человека, вроде его и нет. Вроде бы страх - и не страх вовсе. Стараешься показать себя так, будто не боишься, а уважаешь. А на самом деле боишься.

Мужчина. Допустим.

Женщина. Не молчишь, дерешь глотку, кричишь. А на деле боишься.

Мужчина. Ну зачем ты так?

Женщина. Смело, может даже с вызовом проходишь мимо кого-то. А по сути боишься.

Мужчина. Наверное. Боюсь.

Женщина. Или же молчишь, не осмеливаясь пикнуть. Но боишься.

Мужчина. Да, боюсь.

Женщина. Сомнения гложут твое сердце. И ты вновь боишься.

Мужчина. Ты... Я и сейчас боюсь.

Женщина. Терять и находить! Сближаться и отдаляться! Любить и проклинать! Умирать и жить!

Мужчина. Боюсь. Боюсь. Боюсь.

Женщина. Сейчас говоришь со мной - но ты и меня боишься.

Мужчина. Ты ненавидишь меня.

Женщина. Вот видишь, и это тоже не ты. Это провалился страх, сидящий в тебе. Сам бы ты никогда так не сказал.

Мужчина. Поразительное дело! Ты вспоминаешь меня, как только я вспомню о тебе. Точна до часа, минуты.

Женщина. И правда, странно. Ты никак не хочешь понять, что меня нет. Я в твоём сознании, нервах, страстях. Пойми это. И оставь меня. Оставь меня. Хочешь уйти - уходи, а если не уходишь... Хотя бы тут оставь меня в покое. Мне нужен покой. И мне, и тебе. Вместо того, чтобы жить в страхе, давай пойдем. Идем, все будет хорошо. Не бойся. Идем. Ну же идем.

КАРТИНА II

«Три, четыре - лучший в мире»

Комната погружена в мрак. Все тот же детский гомон: Раз, два-слышу едва. Три, четыре - лучший в мире! Эти голоса сначала сливаются в общий гул, затем постепенно начинают прорываться два голоса - Девочки и Мальчика.

Два луча света ищут тех, кому принадлежат эти голоса. Не могут найти.

Голос Девочки. А у меня - жвачка.

Голос Мальчика. Дай и мне тоже.

Голос Девочки. Не дам.

Голос Мальчика. Дай! Не дашь, ударю.

Голос Девочки. Сара Ибрагимовна! Сара Ибрагимовна! Он меня ударил.

Голос Мальчика. Я же еще не ударил. Ах ты...

Голос Девочки. Нет, ударил, ударил. Он хотел отнять у меня жвачку. Я не отдала ему, и он меня ударил.

Полосы света падают на Мужчину и Женщину.

Мужчина (*шутливо*). Ты хотела оклеветать меня, зачем?

Женщина. За что боролся, на то и напоролся.

Мужчина. Теперь ясно.

Женщина. Нас могло быть трое, четверо. Ты не захотел.

Мужчина. Лишние разговоры ни к чему. Похолодало. Дай-ка, я закрою эту дверь. (*Встает*).

Голос Девочки. Три, четыре...

Голос Мальчика. Лучший в мире!

Мужчина будто слышит эти голоса, вновь садится на место.

Женщина. Ну что, пришел к какому-то решению?

Мужчина (*со страхом*). К чему я должен прийти?

Женщина. Ты идешь со мной?

Мужчина. Комната как будто согрелась, ты не чувствуешь?

Женщина. Ты самый нерешительный человек из всех, кого я знала. Как ты можешь вот так жить?

Мужчина. Как же можно вот так вдруг взять и сделать это? Надо же, хотя бы, внутренне подготовиться.

Женщина. По эту сторону занавеса так красиво, что тебе и не снилось.

Мужчина. И здесь неплохо.

Женщина. Сейчас ты скажешь: Что нового?

Мужчина. Что еще нового?

Женщина. Мне помнится, ты всегда мечтал о перемене мест. Сколько раз мы готовились переехать в дальние-предальние города. Ох, как ты восторженно говорил об этом. И надо же, когда наступала возможность переезда, ты будто лишался сил, желаний. Ты боялся переезда. Тебе бы только мечтать. В этом тебе нет равных. Говорить и говорить впустую.

Мужчина. Ну и кому это вредило?

Женщина. Вот здесь ты не прав. Вот здесь, извини меня, ты берешь грех на душу. "Кому это вредило?.." Конечно, вредило. Мне. Потому, что всякий раз верила тебе. Верила, что именно мы предпринимаем самый верный шаг. Я себя готовила к этому. Ты думаешь было легко? Долго двигаться в одном направлении, а затем резко повернуть вспять. А ты?.. Теперь мне кажется, что всякий раз, когда ты строил новый план, заранее знал, что ничего из этого

не выйдет. Весь процесс подготовки был для тебя лишь игрой, все перемены, путешествия, планируемые отъезды и возвращения... А для меня, независимо от меня самой, все это превращалось в мою жизнь. Я жила этим. Твоя игра была моей жизнью. В игре, в которую ты обратил свою жизнь, ты скрывал ложь. И этого никто, кроме меня не узнал.

Мужчина. Ну, а теперь кто зовет меня в дорогу?

Женщина. Теперь я говорю: идем. Могу же хоть раз и я сказать. Имею право.

Мужчина. Мне трудно возразить. Я... не знаю. Ей-богу, и сам не могу понять, почему я должен остаться, что меня удерживает, только наступает час отъезда, как ты сама сейчас сказала, как только заходит речь об отъезде, я как будто выдыхаюсь, лишаюсь воли, не имея силы сделать даже шаг. От меня не зависит.

Женщина. Сколько лет мы знаем друг друга?

Мужчина. Не помню. С детского сада. А почему ты спрашиваешь?

Женщина. Всякий раз ты снова обманываешь меня. Ведешь себя так, будто хочешь пуститься в дорогу.

Мужчина. Не знаю, ей-богу...

Женщина. И водишь меня за нос. Какое твое последнее слово?

Мужчина. Не переживай. Все образуется. Рано или поздно все уладится. Чего ты так спешишь?!

Женщина. Ты... ты так холоден, так далек. С головы до ног ты - сама неопределенность. И всегда был таким. Я никогда ничего не ждала от тебя. Я знала, ты и сейчас именно это скажешь. Не хочешь идти - не надо. И когда я была с тобой, разве ты был со мною рядом?! Я и тогда была одна. Да, да, дорогой ты мой. Одинока я была. Всю жизнь ты мне мстил за что-то. Только вот за что? Отчего, тебе это было нужно?

*Тайный и явный путь жизни
двух братьев старост*
Мужчина. Опять ты со своими фантазиями. Разве я сказал, что не иду? Я этого не говорил. Я только прошу: не торопи меня. Согласись, для меня оказалось неожиданным твое... вот это... явление. Откуда я мог знать, что ты сделаешь из-за меня такой путь. И правда, зачем я тебе нужен? Неужели ты и там не можешь оставаться без меня? Странно.

Женщина. Я не стану отвечать на этот вопрос.

Мужчина. А разве ты знаешь ответ?

Женщина. Я вновь промолчу.

Мужчина. Я вновь промолчу. Тогда и я буду молчать.

Женщина. Ты что смеешься надо мной? Ну как же ты можешь довести человека до белого каления.

Мужчина. погоди, ты что и цвета различаешь? Белое каление, черный день...

Женщина. Все. Я ушла. Ты ни капельку не изменился. Каким был, таким и остался. Да и с чего ты должен был меняться. Это я - дура. До сих пор думала, что и ты... что и ты хоть немножечко, хоть вот столечко, ну, не знаю, может и ты соскучился.

Мужчина. Я и соскучился. Очень соскучился. После твоей смерти мне многое стало понятно. Поверь мне. Вновь прожить, пережить с тобой те дни - моя самая страстная мечта.

Женщина. И моя...

Мужчина. Но нет у меня сил.

Женщина. Сомнения всегда были твоим коньком. Наверное, ты прав. Не переубудить мне тебя.

Мужчина. Нет, не торопись. Не стоит спешить. Я еще не сказал последнего слова. Дай возможность поразмыслить, все это свалилось на меня как снег на голову. Разве ты не видишь, в какой я растерянности?

Женщина. Идем, давай пойдем со мной. Не пожалеешь. Что ты потерял там? Будь умницей.

Мужчина. Ах...не об этом ли я мечтал всю жизнь?

Женщина. И опять ты не даешь ответа?

Мужчина. Да. Не переживай. Я дам ответ.

Лучи света вновь оживают в трепетном танце. Мужчина и Женщина исчезают. Словно потерявшиеся прежде и теперь обретшие друг - друга эти лучи бросаются навстречу и, совместившись, гаснут. От близости занавеси чуть не рябит в глазах.

КАРТИНА III

«Пять, шесть - негде сесть...»

В темноте слышны все те же детские голоса:

Раз, два - слышу едва,

Три, четыре - лучший в мире.

Пять, шесть - негде сесть.

Семь, восемь - милости просим.

Девять, десять - ясный месяц.

Детский гомон угасает. И в темноте раздаются голоса Мальчика и Девочки.

Голос Девочки. Я видела. Я видела.

Голос Мальчика. Ты говоришь неправду. Ты не видела. Ты обманываешь.

Голос Девочки. Я видела. Ты дотронулся рукой до воды. Вода грязная. Сара Ибрагимовна, Сара Ибрагимовна!

Голос Мальчика. Я тебе конфетку дам.

Голос Девочки. Где? Дай, посмотрю. Дай-ка.

Голос Мальчика. Ты никому не скажешь?

Голос Девочки. Дай посмотреть, что за конфета.

Голос Мальчика. Ты сначала дай слово, потом.

Голос Девочки. Даю слово. Слово даю. А теперь дай конфетку.

Голос Мальчика. Конфеты нет.

Голос Девочки. Ооо... Ты меня обманул. Ты меня обманул.

Голос Мальчика. Никому ни слово, ладно?

Лучи света скользят по сцене, выхватывая из темноты Мужчину и Женщину.

Женщина (словно во сне). Сколько раз ты меня обманывал? Не счесть.

Мужчина (будто во сне). Это не так. Другие считали, что я обманываю их. И думали, что я обманываю их ради тебя.

Женщина. Скажи честно, раз пять или шесть, наверное, было?

Мужчина. Смотри, только никому ни слова. Мы унесем эту тайну с собой. Ты, я и наша тайна.

Голос Девочки. Пять, шесть...

Голос Мальчика. Негде сесть...

Дрожащие полосы света застывают на лицах Мужчины и Женщины.

Мужчина. Мне вот одно интересно. Ты - это реальность, или нет. Правда ли, что ты мое воображение?

Женщина. Знаешь ли ты, что все о чем дано думать - это реальность.

Мужчина. Даже рай и ад?

Женщина. Даже рай, и ад.

Мужчина. И летающие тарелки?

Женщина. И они тоже.

Мужчина. Ангелы, черти. Иисусы, Моисеи, давние, будущие легенды?

Женщина. Я же сказала: все.

Мужчина. А Он? И Он есть? Существует в реальности?

Женщина. Проклятье дьяволу!!! Я же сказала, что все о чем ты думаешь есть в этой бесконечности мироздания. Вовсе необязательно, чтобы человек видел все своими глазами. Ты что мне не веришь?

Мужчина. Нет, почему же. Я просто спросил.

Женщина. Разве с этим шутят? Тебе что уже спросить не о чем?

Мужчина. Ты лучше ответь мне. Если уйду и я, смогу ли подобно тебе быть день там, а пять - здесь?

Женщина. Кто у тебя здесь остается?

Мужчина. Вроде бы никого нет. Но вдруг... думаю, втемяшится в голову какая-нибудь мысль, ничем не вытравишь. Что тогда будет?

Женщина. Будет хорошо, все будет хорошо. Не сомневайся даже.

Мужчина. Много всего интересного - надо поразмыслить. Ты говоришь...

Женщина. Что? Что застеснялся?

Мужчина. Нет, вовсе нет. Хотел спросить, да вот забыл.

Женщина. Что?

Мужчина. Да так, хотел спросить... каким образом я перейду туда... к тебе. Как это произойдет? Ведь я кричу до посинения даже от обыкновенного укола. Ты же знаешь.

Женщина. В этом деле это самое простое. Ты только согласишься. Добровольно. Ты согласен?

Мужчина. Нужно подумать. Видно, это не так уж и просто.

Женщина. Конечно, не просто. Но я... если вместо тебя была я, ни минуты не раздумывала. Ты сознаешь, что это показатель твоего истинного отношения ко мне?!

Мужчина. Это как же?

Женщина. Да. Да. Будь я на твоём месте... Как тебе не стыдно.

Мужчина. Ладно, ладно, что я противлюсь? Просто спросил. Ты что, опять начала злиться?

Женщина. Ты... ты неблагодарный.

Мужчина. Ну вот, опять началось.

Женщина. Ты неблагодарный.

Мужчина. О господи!

Женщина. Неблагодарный, неблагодарный. Ты сказал мне, сказал, что если я уйду, ты обязательно последуешь за мной. Я ушла. Поверила тебе. Ушла. А ты? Ты обманул меня. Я обещала и сдержала слово. А ты... ты не хозяин своего слова.

Мужчина. Никакого слова я тебе не давал.

Женщина. Давал. Мы дали слово друг - другу. Как быстро ты все забыл. Эх ты...

Мужчина. Ну ладно, разве я против? Разве отступаю от слова?

Женщина. Ты дал слово.

Мужчина. Ну и ну, приехали... "дал слово, дал слово". Ты говоришь так, будто это глоток воды. Выпил - и все!

Женщина. Да, именно так. Это как глоток воды. Выпил - и все!

Мужчина. Да ладно тебе. Глоток воды... Что я еще хотел спросить? Что-то хотел, хотел же что-то...

Женщина. Скорее. Спрашивай. Ты уже обо всем спросил, ничего не осталось.

Мужчина. Да. Ты ни о чем не жалеешь?

Женщина. Жалеть о чем-то... Да мне это и в голову не приходит.

Мужчина. То есть там все точно так, как ты себе и представляла?

Женщина. Слушай, обещай никому не рассказывать. Как говорится, камень – снизу, камень – сверху. Да, я так себе все и представляла. Что ты на это скажешь? Почему язык проглотил?

Мужчина. И скажу. Потерпи чуток. Ведь ты уже столько вынесла. Я скажу. Уже мало осталось. И последний вопрос. Ты... можешь... любить?

Женщина. Я могу любить. Я могу любить...

Обе световые полосы гаснут одновременно.

КАРТИНА IV

«Семь, восемь - милости просим...»

Детские голоса в темноте:

Раз, два – слышу едва,

Три, четыре – лучший в мире.

Пять, шесть – негде сесть.

Семь, восемь – милости просим.

Девять, десять – ясный месяц.

Вновь слышны голоса Мальчика и Девочки.

Голос Девочки. Какой же ты плохой мальчик. Толкаешь меня. Здесь я буду играть.

Голос Мальчика. Это мое место. Я первым пришел.

Голос Девочки. Нет, я первая увидела это место.

Голос Мальчика. Уходи, брысь отсюда. Не то...

Голос Девочки (*чуть не плача*). Он меня толкнул. Толкнул. Сара Ибрагимовна, Сара Ибрагимовна. Он меня толкнул.

Голос Мальчика. Тише. Не кричи. Ведь не толкнул же... еще.

Голос Девочки. Нет, толкнул. Это мое место. Сара Ибрагимовна...

Голос Мальчика. Ладно, ладно. Пусть. Вот тебе твоё место. А это - мое.

Голос Девочки. Нет, нет, все мое.

Голос Мальчика. А как же я?

Полосы света вновь ищут Мужчину и Женщину и, найдя, застывают.

Женщина (*будто сквозь сон*). Каких только слов ты мне ни говорил, чего только ни обещал, куда ушли те слова, куда улетучились те обещания?..

Мужчина (*как сонный*). Слова, обещания, фразы, имена... Все это - миф. Человеку остается другое.

Женщина. Откуда ты узнал мое имя? Я тебе не говорила, а ты уже знал мое имя.

Мужчина. Я знал твоё имя давно, очень давно.

Голос Девочки. Мое имя...

Голос Мальчика. Семь, восемь.

Голос Девочки. Милости просим!..

Полосы света, блуждая по сцене и зрительному залу ищут Девочку и Мальчика, не могут их найти и вновь освещают Мужчину и Женщину.

Женщина. Я устала. Ты утомил меня.

Мужчина. Я согласен.

Женщина. Ты говоришь правду? Наконец-то. Теперь ты скажешь, что все всегда бывает по-моему.

Мужчина. Так и бывает.

Женщина. Ну, что же тогда, готовься. Не боишься?

Мужчина. Нет, не боюсь. Рано или поздно, а ответ придется держать.

Женщина. Разве что-нибудь удерживает тебя здесь?

Мужчина. Кажется, ничего.

Женщина. Что тебе сказать? Я знала, что именно таким будет твой ответ. Знала и верила.

Мужчина. Не верила.

Женщина. Не верила.

Мужчина. Короче, ты не захотела, чтобы ты была там, а я оставался здесь.

Женщина. То место, которое ты занимал, тоже было мое. Мое.

Мужчина. Обычно говорят, что смерть внутри самой жизни, что она - продолжение жизни...

Женщина. Это не так.

Мужчина. Конечно, это не так. По сути сама жизнь - это продолжение смерти... Так лучше. Мы настолько разрываемся друг в друге, что впору расстаться. Ты будешь ты, а я - я.

Женщина. Может, хоть теперь мы сможем, по-настоящему сможем разглядеть друг - друга.

Мужчина. Наверное. Был бы свет. Ведь жизнь - это не свет.

Женщина. Ты знаешь, жизнь состоит из единой длинной-предлинной ночи. Эта длинная - предлинная ночь иногда прерывается тем, что именуется словом "день".

Мужчина. Смогу ли и я достичь этого света, увидеть этот свет?

Женщина. Ты не сможешь увидеть его. Свет даст тебе возможность только разглядеть мрак. И я во мраке.

Мужчина. Хорошо. Я согласен. Что я должен сделать?

Женщина. Твое решение твердо? Потом не раздумывай? Как всегда.

Мужчина. Нет, наверное...

Женщина. Наверное? Если ты принял окончательное решение, я должна открыть тебе самую главную тайну.

Мужчина. Ну, ты прямо как хранилище тайн...

Женщина. Слушай внимательно. Не шути. Дело вот в чем. Последний, самый последний миг - очень важная точка в этом деле. Слушай внимательно.

Мужчина. Ты снова пугаешь меня.

Женщина. Слушай. Когда наступит самый последний миг, будь особенно внимателен. Знай, что если в последний миг ты подумаешь о чем-то другом или о каком-то человеке, ты возвратишься вслед за этим так же, как возвращалась я. Ты будешь возвращаться до тех пор, пока не заберешь его с собой. Что с тобой? Ты слышишь? Не забудь о последнем миге. Постарайся ни о ком не думать. Пусть себе живут весело и счастливо. Какое нам до них дело.

Мужчина. Это невозможно.

Женщина. Надо суметь. Возьми себя в руки. Не пугай себя. Ты сумеешь. Нам здесь больше никто не нужен. Не так ли?

Мужчина. Ты говоришь, что я справлюсь? А я - не уверен.

Женщина. Справишься. Должен справиться. Моим последним мигом был ты. Пусть и я стану твоим последним мигом. Не думай о тех, кого оставишь там.

Мужчина. Думаешь, справлюсь? Не знаю. Может быть, если бы ты не сказала... Теперь будет трудней.

Женщина. Не думай ни о чем. Не бойся. Я тоже тебе помогу. Знаешь, лучше забудь все, о чем я тебе говорила. Лучше будет, если забудешь. Так будет лучше.

Мужчина. Забыть - теперь уже сложно. Посмотрим. Все это какая-то удивительная игра. Я вот как думаю, может оставим мостик для возвращения?!

Женщина. Какой еще мостик? Нет, не смей даже думать про это. Не считай себя умнее других. Любое, что ты придумаешь заранее - не сложится.

Мужчина. Ладно, что ж, поглядим.

Женщина. Ты запомнил все, что я сказала?

Мужчина. Запомнил, запомнил. Ты волнуешься больше моего.

Женщина. Ничего. Скоро придет конец всем переживаниям. Осталось совсем немного.

Мужчина. Тебе видней.

Женщина. Значит договорились?

Мужчина. О чем?

Женщина. Ты что снова смеешься надо мной?

Мужчина. Ладно, ладно. Не сердись. Ты всегда была нетерпеливой. Ладно. Все. Договорились. Что я должен сейчас делать? Что я должен делать? Что?

Гаснут полосы света. Занавес подрагивает навевая чувства одиночества и тоски.

КАРТИНА V

«Девять, десять - ясный месяц...»

В темноте голоса детей.

Вновь из общего гомона детских голосов начинают выделяться голоса Девочки и Мальчика.

Голос Девочки. Я боюсь. Здесь темно. Как мы выберемся отсюда?

Голос Мальчика. Не бойся. Ты видишь что-нибудь?

Голос Девочки. Нет, я ничего не вижу. Ты завел меня сюда. Сара Ибрагимовна, Сара Ибрагимовна...

Голос Мальчика. Не плачь. Трусиха! Девчонки - все трусихи. Ты ничего не видишь?..

Голос Девочки. Ты завел меня сюда. Ты завел. Ты. Во всем виноват только ты. Я не хотела. Я ничего не вижу.

Голос Мальчика. Давай пойдем вот в эту сторону.

Голос Девочки. Нет, в эту сторону я не пойду. Я боюсь.

Голос Мальчика. Ладно, ладно. Тогда давай пойдем вот в эту сторону.

Голос Девочки. Нет, и в эту сторону я тоже не пойду. Это все ты. Ты. Ты...

Лучи света словно ищут Девочку и Мальчика. Не найдя, освещают Мужчину и Женщину.

Мужчина (как бы сквозь сон). Каждую ночь мне снился один и тот же сон. Мне виделось, что я иду по длинному пути. А в конце пути в лунную ночь у большого пня

стоит палач и дожидается меня. Светит ясный месяц. Освещает путь.

Женщина (как бы сквозь сон). Тебе эта рубашка к лицу. Цвет подбирала я.

Мужчина. Красный... Красный - это наш цвет. Наш цвет.

Голос Девочки. ...девять, десять...

Голос Мальчика. Ясный месяц...

Лучи света вновь ищут Девочку и Мальчика, не могут их найти и снова, в последний раз замирают на Мужчине и Женщине.

Мужчина. Теперь я могу пойти с тобой. Теперь я готов. Здесь меня больше ничто не удерживает. Сказать "прощай" этой жизни? Скажу. Прощай. Не нужно слез. И цветов тоже. Но (шепотом), я вернусь. Я не могу не вернуться. Сердце разорвется. Умру.

Женщина. Вернешься, если сможешь. Ты не забыл, что я тебе говорила?

Мужчина. Нет. Будь покойна. Разве можно забыть?

Женщина. Тогда идем. Идем, не бойся.

Мужчина. Ничего страшного уже не осталось. "Не бойся". Что такое боязнь?

Женщина. Вот так. Ты сделал первый шаг. Не забудь того, что я тебе говорила. Так. Не оглядывайся по сторонам. Идем. Идем.

Мужчина. И вновь дорога. Опять начало пути и опять, виднеющийся вдали красный свет. И никто не знает, что произойдет, когда дойдешь до него. Скажи, когда мы зайдем за этот красный свет, мы, наконец сможем узнать друг друга?

Женщина (другим, суровым голосом). А нужно ли нам узнавать друг друга?

Мужчина. Что ты сказала?

Женщина (обычным голосом). Ничего. Ты что-нибудь видишь?

Мужчина. Нет, ничего не вижу. Но будто вижу все. Когда закончится эта игра?

Женщина. Вот ты сделал еще один шаг. Не волнуйся. И не спеши. Иди. Вот так. Потихоньку.

Мужчина. Странно. Ты что-то говорила о каком-то последнем миге. Я будто начинаю ощущать этот миг. Этот последний миг как бы выплывает откуда-то из времени, из часов, минут и шаг за шагом приближается ко мне.

Женщина. Ты видишь его?

Мужчина. Вижу. О, боже! Прости ты меня.

Женщина. Сейчас ты сделаешь свой последний шаг. Потерпи еще немного, сейчас, именно сейчас ты наконец, успокоишься. Станешь легким как птица. И огромный мир покажется тебе мягким как пух. Тебе покажется, захоти поднять его, поднимешь одной рукой. И все заботы, и все твои страдания, все, что хотел сказать и все о чем умолчать, все, все уходит в дальнюю-дальнюю даль. Слушай меня. Мой голос - твой ориентир. Держись за мой голос. Нет, не так. Можешь упасть. Иди, иди... Не думай ни о ком. Никого нет. По ту сторону - никого уже нет. О небытии - не думают. Не думают о том, чего нет. Ты и я. Раз, два, три, четыре, пять - Я иду искать! Нет, нет. Раз, два-слышу едва. Помни мой голос. Вот так... Осторожно. Медленно. Нет, не спеши. Ты спешишь. Еще раз. Осторожней. Потихоньку. Главное голос, не забывай мой голос. Держись за мой голос. Все будет хорошо. Вот так. Никого нет, никого. Есть только ты и я.

Раз, два - слышу едва,

Три, четыре – лучший в мире.

Пять, шесть – негде сесть.

Семь, восемь – милости просим.

Девять, десять – ясный месяц.

Мужчина. Я ничего не вижу. Здесь сплошная красная тьма.

Женщина. Не спеши. Сейчас все устроится. Все будет хорошо. Ты увидишь. Ты уви... *(Ее голос исчезает; полоса света, освещающая женщину, гаснет).*

Мужчина. Что случилось? Почему все это так долго тянется. Я же говорил, что все это не так просто. Ты всегда торопишь. Что ты замолчала? Скажи что-нибудь. Не оставляй меня одного. Я ничего не вижу. Я ничего не слышу. Куда, куда ты пропала? Вернись. Я не хочу оставаться один. Не хочу. Почему ты исчезла? Ну конечно же. Ты меня обманула. Ты меня обманула. Я тебя не слышу. Тебя... тебя нет! Почему здесь так холодно? Мы так не договаривались. Я хочу вернуться назад. Дорога, должна же здесь быть какая-нибудь дорога? Пойти ли в эту сторону? Нет. А может в эту? Нет, нет и нет. Где же эта дорога? У нее только начало и конец. А где же она сама? Где же эта дорога? Да, ты меня обманула. Ты меня обманула. Почему? За что? Все, что ты сказала, оказалось ложью. Чего ты добивалась?

Женщина *(слышен только ее голос).* Куда же ты делся? Куда ты пропал? Не забывай мой голос. Держись за мой голос.

Мужчина *(не слыша ее).* Ты меня обманула. Я ничего не вижу. Я ничего не слышу. Зачем это было тебе нужно?

Женщина *(слышится ее голос).* Ну куда же ты исчез? Я здесь. Почему ты от меня убежал? Где ты?

Мужчина *(не слыша).* Где ты? Где? Для чего все это было нужно? Подай голос, отзовись. Я ничего не вижу. Ничего. Все кончено.

Женщина. Я не слышу тебя. Куда ты спрятался? Ты меня снова обманул. Вот только почему? За что? Зачем тебе это было нужно?

Мужчина. Все кончено. Конец. Я пришел. *(И невидимый занавес стремительно поднимается и исчезает).* Ты слышишь, я пришел. Тебя нет. Как же здесь холодно. Как же холодно. Холодно...

Женщина. Тебя опять нет. Нет и никогда не было.

(Другим голосом)

Ты никогда не был явью.

Ты никогда не был явью.

Не был явью. Не был.

Мужчина. *(еле слышно).* Раз, два-слышу едва...

Гаснет полоса света, освещающая лицо мужчины. И на этом все могло бы закончиться, если бы не стали вновь слышны в темноте все те же детские голоса.

Голос Мальчика. Нашел, я нашел дорогу. Оттуда падает свет. Видишь, смотри, оттуда падает свет.

Голос Девочки. Я ничего не вижу. Я едва слышу. Ты где? Где?

Голос Мальчика. Держись за мой голос, не падай. Иди вслед за моим голосом.

Голос Девочки. Я ничего не вижу. Сара Ибрагимовна... Сара Ибрагимовна...

Голос Мальчика. Дай руку. Где твоя рука? Не дрожи. Иди. Давай пойдём.

Голос Девочки. Нет, не пойду. Я боюсь. Ты завел меня сюда. Ты.

Голос Мальчика. Не плачь. Иди за мной. Держись за голос...

Голос Девочки. Сара Ибрагимовна... Сара Ибрагимовна...

Голоса постепенно замирают и в тишине...

Конец

Баку, 1993

НОЧИ, ПОЛНЫЕ ДОЖДЯ

*драматическая мозаика из игры
в правду и правдивой игры*

Действующие лица:

Мулла
Адам
Аргюль
Салим
Марифат
Гость (постоянный посетитель поминок)
Ненеханум
Женщина
Телохранитель
Два человека

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната, где все накрыто для поминок, и примыкающая к ней кухня. В комнате Мулла, Адам, Салим и еще два человека. На кухне Ненеханум моет, протирает стаканы, готовится подать чай, однако при этом внимательно прислушивается к разговору в комнате. Два человека встают.

1-ый человек. Да упокоит Аллах ее душу, да будет это вашим последним горем.

Салим. Да упокоит Аллах души умерших ваших.

2-ой человек. Да будет это вашим последним горем.

Адам. Спасибо за то, что нашли возможность посетить нас.

Два человека выходят. Входит Марифат.

Марифат. Да упокоит Аллах душу усопшей. Здравствуйте.

Салим. Здравствуй, здравствуй. Проходи, садись. Какими судьбами?

Марифат. Не беспокойся, я присяду здесь. *(Садится.)*

Салим. Ни в коем случае. Проходи, проходи сюда. Прошу тебя, проходи.

Адам. Прошу тебя, проходи, садись поудобней.

Марифат. Мне удобно, я уже сижу, здесь удобно. Спасибо. *(Салиму.)* И ты садись, не беспокойся, посиди здесь, рядом со мной, расскажи, что нового. Сколько времени не виделись. Года два, наверное?

Салим. Что ж, посижу рядом. Да уж, наверное, больше двух лет. Погоди-ка минутку *(Заглядывает на кухню.)* У нас гость, иди-ка сюда. Ты его узнаешь.

Ненеханум. Да видела, видела, и узнала, да перейдут ко мне его горести. Сейчас принесу чай, уже наливаю, несу.

Салим *(возвращается и садится рядом с Марифатом).* Такие вот дела...

Мулла. Бисмиллахи – рахманир – рахим *(дальше шепчет молитву про себя.)*

Марифат *(после паузы).* Да упокоит Аллах ее душу. Да ниспошлет он вам терпение.

Салим. Да упокоит Аллах ее душу.

Адам. Да упокоит Аллах ваших умерших.

Ненеханум вносит чай.

Ненеханум. Ты не узнал меня? Родной ты мой, дай я тебя поцелую. *(Целует Марифата.)*

Марифат. Ты... нет, ты... ты же Ненеханум.

Ненеханум. Узнал, чтоб борода твоя опалилась, хоть я и изменилась, а узнал. Как ты живешь, да умру я у ног твоих? С тех пор, как переехал с нашего квартала, больше не показываешься... Как дела? Семья, дети?..

Марифат. Да так... как обычно.

Салим. Эх, Ненеханум, честное слово, счастливый ты человек. Никому ничего не должна, никто тебе не должен. И весь мир тебе до лампочки! А все твердишь: я изменилась, я изменилась. Ни капли ты не изменилась. Это мы изменились, посмотри, ни одного черного волоска. Совсем постарел. Возвращайся на кухню. Придет кто-нибудь, неудобно будет.

Ненеханум. Сейчас, дорогой. Но ведь и я поседела. Не только он. Да буду я жертвой Аллаха, что с вами-то, вы еще молодые, какие ваши годы. А какими шалунами были в детстве... *(Проходит на кухню.)*

Марифат. Я только на днях услышал. Чем болела покойная? Она хоть и не молода была, но и не такая старая.

Салим. Не забыл тетю Рубабу?

Марифат. Так, смутно помню. В последний раз я видел ее на вашей свадьбе. Столько лет прошло...

Адам. Пятнадцать.

Марифат. Пятнадцать... А кажется, что вечность.

Салим. А по мне, так будто вчера было. Помнишь, как мы с тобой на спор танцевали лезгинку? Ты мне с тех пор должен ящик пива...

Марифат. Помню. Ящик пива с меня...

Салим. Да, были дни в нашем квартале. Помнишь моего отца? Его властность распространялась на весь квартал. Кто мог просто так пройти мимо него? Однажды...

Марифат. Помню, помню. Они у ваших ворот играли с дядей Зави в нарды. Помнишь, как мы битый час на углу простояли, не посмели пройти мимо них и войти во двор?

Салим. Конечно, помню. Эх, где теперь подобные мужи? Где они, спрашиваю? Разве я или ты мужики?.. Ты только не обижайся. Из нас только Аргюль настоящий мужчина...

Мулла. Совершим салават во славу прекрасного лика Мухаммеда. Аллахун мясяллу эла Мухаммадин ве али Мухаммад...

Все. Аллахун мясяллу эла Мухаммадин ве али Мухаммад. Да упокоит Аллах ее душу.

Адам. Да упокоит Аллах души ваших усопших.

Пауза.

Марифат. Чем болела покойница?

Салим (*тихо шепчет*). Чем она еще могла болеть. Будь проклято наше время.

Ненеханум (*заглядывая в комнату*). Подавать чай, родные мои?

Салим. Давай. Поминальная халва там еще осталась? Я же говорил тебе, побереги пару тарелок... Оставила?

Ненеханум. Оставила. Оставила. Не беспокойся. (*Собирает пустые стаканы, выходит.*)

Салим (*осторожно кивает в сторону Адама*). Не видишь, беднягу, еле жив.

Марифат. Кто? Адам?

Салим. Конечно, Адам. Кто же еще?

Марифат. Он так любил тещу?

Салим. Ну, ты скажешь! Нет, не поэтому.

Марифат. Кажется, ты что-то хочешь сказать.

Салим. Нечего мне говорить. К тому же, ты что, в самом деле ничего не знаешь?

Марифат. О чем я должен был знать?

Салим. Да нет, ничего особенного.

Марифат. Ты говоришь так загадочно. Да что случилось? Не можешь сказать по-человечески?

Салим. Знаешь, кто сейчас придет?

Ненеханум вносит чай.

Ненеханум. Да буду я его жертвой, мой родной. Что же он так задерживается? Скоро вечер... (*Расставляет стаканы с чаем, возвращается на кухню.*)

Марифат. Кто должен прийти?

Салим. Скажу – не поверишь.

Марифат. Да скажи, ради Бога, кто это?

Салим. «Брат наш участковый пьян. Вранье, что он бывает трезв».

Марифат. Неужели?! Правда? Аргюль? Разве он здесь? Я слышал он в местах не столь отдаленных. «Брат наш участковый пьян...» Как там дальше в скороговорке?

Адам. «Наш переулок – очень узок»...

Салим. «Постой, не части, лучше ягненка в жертву принести».

Марифат (*про себя*). «Псу твоему ягненка в жертву принести». Аргюль. Ах ты, Аргюль. Придет сюда? Откуда ты знаешь? Разве его уже выпустили?

Салим. Днем зашел человек, кажется, его шофер, сказал, что вечером придет сам. У него какое-то важное дело. Как только закончит должен придти. Он стал важным человеком, авторитетным. Что мне сказать? Столько отсидеть, и чтоб тебе к тюрьме машину подали вместе с шофером, купчую на ресторан, купчую на двухэтажный особняк, и еще, Бог знает что... Это совсем другой человек. Словами этого не передашь.

Адам. Если б пришел, то уже был бы здесь. Шофер, кажется, говорил: может, придет.

Салим. Придет. Я знаю. Не может не прийти. (*Тихо.*) У него же сердце разорвется, если не придет. Не может не прийти, чтобы показать нам свой вес, положение. Придет.

Марифат. Ах ты, Аргюль. Сколько же лет прошло. Словно тысяча лет прошло, да?!

Салим. А по мне, так это все будто вчера было. Помнишь, как пьяница участковый поймал нас. А Аргюль вlepил ему пощечину по морде?! Бах! До сих пор звук у меня в ушах.

Марифат. Потому он и сел.

Салим. Если б он не сел, нас бы всех повязали. Не шутка. Нам уже исполнилось по шестнадцать лет? Исполнилось. Это же не шутка повесить такой громадный лозунг на дверях отделения. И причем, в то время. Не то, что сейчас...

Марифат. Да, тогда он нас здорово отмазал. Какой была его строка? «Брат наш участковый пьян». Моя: «Неправда, что он бывает трезв.»

Салим. «Вранье, что он бывает трезв...» Ты, что забыл собственное стихотворение...

Марифат. Почему мое? Разве каждый из нас не сочинил по строчке? Это наше общее стихотворение. Да, такие вот дела...

Мулла. Аллахун мясяллу эла Мухямадин ве али Мухаммад... *(Продолжение молитвы шепчет про себя.)*

Пауза.

Все *(после паузы).* Да упокоит Аллах ее душу. Да воздаст Аллах смирение.

Адам. Да упокоит Аллах души и ваших усопших.

Марифат *(Салиму).* Ладно, ты так и не сказал, что его мучает. Это что, секрет?

Салим. Я поражаюсь, что ты не в курсе. Ты только посмотри, бедняга совсем в щепку превратился...

Марифат. Я спрашиваю, только ты не отвечаешь. Разве человек может так переживать из-за тещи? У него такой убитый вид.

Салим. Теща умерла от переживаний.

Марифат. Каких переживаний? О ком она переживала? О нем?

Салим. Знаешь...

Входит Гость.

Гость. Здравствуйте. Добрый вечер.

Адам. Проходите, пожалуйста, садитесь.

Салим. Ненеханум.

Ненеханум. Слышу. Слышу. Сейчас.

Салим *(Марифату).* Узнаешь его? Мне этот человек совсем не нравится. Всюду первый ряд – первое место. *(Мулле.)* Уважаемый мулла, ты узнал муаллима?

Мулла. Аррахмани-рахим...

Гость *(Мулле).* Добрый вечер... *(Салиму.)* Добрый вечер. *(Марифату.)* Добрый вечер. Да упокоит Аллах ее душу.

Салим *(кивает в сторону Адама).* Ему, ему.

Гость *(Адаму).* Да будет это вашим последним горем. Да дарует вам Аллах смирение.

Салим *(Марифату).* Обратил внимание?

Марифат. Оставь его в покое. Сам ведь говорил, сейчас придет?! Не бузи.

Ненеханум вносит чай и скривив лицо ставит стакан перед Гостем.

Ненеханум *(Салиму).* Аааа... и этот тоже явился. Вот нам счастье привалило.

Салим. Ладно, ладно, ступай, готовь чай.

Ненеханум. Да чтоб он провалился.

Ненеханум уходит на кухню.

Марифат. Ладно, так о чем же переживала покойная?

Салим. Ты про тетю Рубабу?

Марифат. Ну, да, разве не она скончалась?

Салим. Она.

Марифат. Ну, так и я про нее.

Адам (Гостю). Ваш чай стынет.

Гость. Не беспокойтесь. Это Ненеханум подала чай? Она совсем не изменилась...

Салим. Уважаемый Мулла, ты в прошлый раз говорил о летающих тарелках.

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим...

Салим (Марифату). Она за дочку переживала. Мысли о дочке свели ее в могилу.

Марифат. О дочке?

Салим. Только, пожалуйста, пусть все это останется между нами, я тебе ничего не говорил. (Кивает в сторону Адама.) Я имею в виду его жену. Бедняжка умерла из-за переживаний о ней.

Марифат. Ага... Понятно. Ничего не понятно. Ты бы по-человечески все рассказал, что же случилось. Честное слово, все останется между нами... Я – могила...

Салим. Знаю.

Адам (желая отвлечь Гостя, прислушивающегося к беседе Салима с Марифатом). Хотите еще чаю...

Гость. Можно, сегодня очень жарко. (Адаму, кивая в сторону Марифата.) Этот человек кажется мне знакомым.

Адам. Наш друг детства. Раньше он жил неподалеку. Соседями были. Ненеханум, будь добра, не могла бы ты подать нам чай?

Гость. То-то, я смотрю, чем-то он мне симпатичен.

Ненеханум вносит чай, ставит стакан перед гостем, выходит.

Салим. Тебе все равно расскажут, странно даже, как ты до сих пор ничего не слышал?! Все в курсе.

Марифат. Ну, не слышал. Я же на Монтинна живу.

Салим. Да... То-то же. Ты посмотри (кивает в сторону Гостя) на этого, почувствовал, что придет кто-то важный, теперь не уйдет, я этого подлеца знаю, будет сидеть до самого конца. У него жену похитили.

Марифат. Как, как? Похитили жену?

Салим. Пропала Женщина. Уже месяц ее нет. Позвонили, потребовали кучу денег.

Марифат. Не может быть.

Салим. Точно тебе говорю.

Адам (Гостю). Что у вас нового?

Гость. Да так. Слава Богу.

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим... Есть две разновидности снов – сны от дьявола, и сны от Создателя. Сны от черта – это такие сны...

Салим. Мать и скончалась от горя по дочери. А его – сам видишь...

Марифат. Вай, вай, вай... Бедняга. Что же он теперь будет делать? Беда-то какая...

Салим. Погоди-ка, послушаем, мулла что-то начал говорить. В прошлый раз он рассказывал про летающие тарелки. Очень знающий мулла.

Марифат. Вай, вай, вай...

Мулла. ...на том свете пред ликом единого Аллаха все мы предстаем греховными. Что же касается вопроса суннитов и шиитов, то все это козни англичан, да, да... знайте.

Марифат. Ну и времена. Похитить человека все равно, что машину угнать. Будто это не человек, а яблоко? А в полицию вы сообщали?

Салим. Да что ты... Ты что, с луны свалился?

Марифат. Да, ты прав. Они еще больше всё усложняют, запугают. Ладно, а у него есть столько денег, чтобы заплатить выкуп? Что же теперь он будет делать?

Салим. Пока идут переговоры. С Божьей помощью и Аргюль вернулся. Кто знает, может, он поможет. Он авторитет, это тебе не шутка. Вот, ждем...

Входит Ненеханум, тихо Салиму.

Ненеханум. Салим, подать вам чаю? Где же он застрял?

Гость. Еще стаканчик... если можно...

Ненеханум забирает пустой стакан у Гостя, выходит.

Салим. Точно не уйдет. Будет сидеть до упора. И дуть чай, пока не лопнет.

Марифат. Ну, ты совсем его забодал. На кой он тебе, пусть делает, что хочет. Действительно, Аргюль... а может...

Салим. Нет. Я знаю. Он должен прийти. Его сам Аллах послал. Честное слово. Мне что-то подсказывает, что сегодня что-то произойдет.

Адам выходит на кухню к Ненеханум.

Адам. Ну, как там чай, Ненеханум?

Ненеханум. Слушай, гони ты его. Терпеть его не могу, а тут еще... Сколько же можно дуть чай?..

Адам. Ненеханум, так нельзя. Гость просит чаю, какие могут быть разговоры? Разве можно что-то жалеть на поминках?

Ненеханум. Да чтоб он окошел. Ты что не узнал его? Это же подлец из подлецов. Откуда ты знаешь, с кем он связан, может, он лазутчик, пришел выведать что-

нибудь! Ладно, ладно, сейчас заварится, принесу. Хоть бы Аргюль появился...

Адам возвращается в комнату.

Мулла. Да, грехи сами бывают двойкие: большой грех и малый грех... Грех перед рабами гораздо тяжелей греха перед Аллахом. Этого у нас многие не знают.

Салим. Ты видишь, что он говорит, куда клонит?

Марифат. А куда он клонит?

Салим. Клонит, клонит. Сам знает куда клонит. Я только не могу уловить цели его слов...

Марифат. Мне кажется, я откуда-то знаю этого муллу. Он еще про свой сон не рассказывал?

Салим. А я о чем твержу с утра? Нет, сон он еще не рассказывал.

Марифат. У него есть один сон. Кошмар. Начнет рассказывать, сам увидишь. Прямо волосы дыбом встают.

Салим. Знаю, знаю, про летающие тарелки...

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим. Совершим салават в память о наших братьях, сестрах, солдатах, ставших мучениками на войне...

Ненеханум вносит чай, ставит его перед Гостем.

Гость. Большое спасибо. Да не оскудеет рука дающего.

Ненеханум. Ты не узнал меня?

Гость. Нет, явно знакомая, но я боюсь ошибиться.

Салим. Это же Ненеханум. Соседка. В нашем квартале ее все знают. У нее на углу маленькая будка...

Гость. Может быть, может быть, что я могу сказать... Уважаемый мулла!

Мулла. Слушаю.

Гость. Уважаемый мулла...

Салим. Уважаемый мулла, в прошлый раз ты обещал сегодня закончить рассказ.

Мулла. О каком рассказе ты говоришь? В прошлый раз мы о многом говорили.

Салим. Ты говорил о летающих тарелках. В Коране об этом говорится?

Мулла. Совершим салават в память обо всех усопших.

Все про себя бормочут молитву.

Мулла. Знаешь, братец, есть два вида вопросов. Есть вопросы, которые задают, чтобы просветиться, а есть другие, чтобы поиздеваться.

Салим. Не приведи Господь. Я спрашиваю, чтобы узнать.

Адам. Салим, там, кажется, Ненеханум звала тебя.

Салим. Да нет. Он же сам в прошлый раз завел этот разговор. Вот я и хочу узнать об этом досконально. Разве ты не мулла? Пожалуйста, объясни мне.

Адам. Уважаемый мулла, не обращайтесь на него внимания.

Марифат. Салим... сколько же лет мы с тобой не виделись...

Ненеханум (словно услышав что-то, выходит и взволнованная возвращается в комнату). Там спрашивают Адама.

Адам. Салим!..

Салим выходит.

Гость. Да упокоит Аллах ее душу, покойная была хорошей женщиной. Чем она болела?

Адам. Кто?

Гость. Это у вас цейлонский чай?

Адам. Что?

Марифат. Кажется, кто-то пришел.

Мулла. Фатиха¹...

Возвращается Салим.

Салим. Пришел. Пришел. Поднимается.

Мулла. На какую бы высоту ни поднялся, хоть на седьмое небо, лика Аллаха все равно не увидишь. Ищи Бога в своей душе. Постарайся найти Его сияние в своем сердце. Если найдешь...

Салим проходит на кухню.

Салим. Ненеханум. Идут. Двое. Приготовь чай.

Ненеханум. Чай готов, родной мой. Ты пройди в комнату, я сама подам.

Салим. Сама подашь?

Ненеханум. Иди, не стой здесь, я дам халву, разложи на столе.

Салим. Ладно, давай халву.

Ненеханум достает откуда-то две тарелки с халвой, приглаживает халву, передает Салиму. Вслед уходящему Салиму.

Ненеханум. Постой, постой. (Опять что-то поправляет в тарелках.) Теперь иди.

¹ Первая сура Корана.

Салим входит в комнату, расставляет на столе тарелки с халвой. Входят Аргюль и Телохранитель.

Салим. Проходи, брат, проходи сюда.

Аргюль. Здравствуйте. Да дарует Аллах вам смирение.

Салим (Телохранителю). Пожалуй, садись здесь.

Телохранитель. Не беспокойся. Я и здесь посижу. *(Садится.)*

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим...

Гость. Алхамдулиллах раббил алемин...

Пауза.

Аргюль (оглядывая собравшихся). Я немного задержался, работа подвернулась.

Адам. Ты оказал нам честь, да упокоит Аллах души твоих усопших.

Салим. Да упокоит Аллах душу дяди Зави.

Аргюль. Да упокоит Аллах твоего отца. И живые достойны покоя. Твой отец жив?

Марифат. Его отец еще тогда... ты не помнишь?

Ненеханум (внося на подносе чай, и цветы в графине). Родной мой, как ты, как себя чувствуешь, лишь бы всегда ты приходил к нам, хорошо, что... хоть повидали тебя.

Аргюль. Ненеханум, это ты? Как ты, как твой сын?

Салим. Ее сын...

Аргюль. А ты – Марифат, не так ли?

Марифат. Неужели я настолько изменился?

Аргюль. Ах ты. «Брат наш участковый пьян...» Этот ты придумал или я? Как у тебя дома?

Марифат. А как ты, Аргюль?

Аргюль. Да так. Слушай, я что-то слышал краешком уха. Это его жена была дочкой тети Рубабы? Мы таскались за ней до самой школы.

Салим. Если это его теща, то та – жена. Она и есть. Только... Ты помнишь ту дождливую ночь?

Аргюль. Какую ночь? Ты погоди немного. *(Адаму.)* Мы все знали твою тещу, да упокоит Аллах ее душу. А ты какой-то не такой. Пусть мулла, простит меня, что я в его присутствии говорю лишнее. Что случилось?.. *(Салиму.)* Я знаю, что случилось, но пусть он сам расскажет.

Адам. Пустое. Пей чай. Ничего не случилось.

Гость (Адаму). Мне этот братец кажется знакомым.

Адам. Да, потом, потом. *(Аргюлю.)* Ты не беспокойся, все в порядке. Пей свой чай. Слушай, может, что-нибудь из еды?!

Аргюль. Нет, нет, что ты. Да будет угодно Аллаху. И чай достаточен для поминания. Да будет угодно Аллаху.

Мулла. Да будет вам известно... что прибыль от азартных игр, прелюбодияния, плутовства, ростовщичества и даже кражи – греховна. *(Кашиляет.)*

Салим. Все одно, ведь мы предстаем пред ликом Всевышнего грешниками.

Марифат. Как ты, Аргюль? Как мама? Сестры, наверное, уже повзрослели?

Аргюль. Да. Все здоровы. Пока меня не было, матери сначала пришлось не легко. Ты же знаешь, отец умер, никто из родственников, близких не поддержал их. Чуть погода там я привел свои дела в порядок, ну и здесь у них все стало нормально. Спасибо, живут неплохо.

Марифат. А ты давно... вышел на свободу? Чем занимаешься?

Аргюль. Да так. Разъезжаю себе. Ты же знаешь, я с детства мечтал путешествовать.

Салим. Знаем, знаем. Хорошо ты устроился. А у нас все по-прежнему.

Гость (*Адаму*). Кого-то этот братец напоминает мне.

Адам (*тихо Гостю*). Он наш, из нашего квартала. Был осужден, сейчас вышел, помнишь дядю Зави, это его сын Аргюль. Ты пей свой чай. Хочешь еще стаканчик?

Гость. Нет, спасибо, да будут наши деяния угодны Аллаху. Я послушаю, что говорит мулла, ты занимайся своим делом. Не обращай на меня внимания.

Салим (*Аргюлю*)... Как будто это не тот же человек. Его словно подменили. Все-таки не шутка. Ты же помнишь его жену, дочку тети Рубабы?... Дождливая ночь?!

Аргюль (*тихо, про себя*). Помню, помню.

Мулла. Помолимся за души всех усопших.

Пауза. Салим что-то торопливо и долго шепчет Аргюлю.

Все. Да упокоит Аллах их души. Да примет Аллах их в царствие небесное.

Аргюль (*Адаму*). Иди сюда, садись поближе.

Адам (*пересаживается к Аргюлю*). Хочешь чаю?

Аргюль. Нет, никакого чая не надо. Послушай, что произошло?

Адам (*после молчания*). Да так...

Салим. Я все как есть рассказал братану.

Адам (*тихо*). Напрасно. Зачем беспокоить человека?

Салим. При чем тут беспокойство, он же не чужой?! Я не прав, Марифат?

Марифат. Конечно, прав. Здесь нет чужих.

Аргюль. Да, странное дело. Возьми себя в руки. Давай по порядку. Ты кого подозреваешь? Кто-то конкретно?

Адам (*всхлипывает*). Честное слово, даже не знаю, что подумать. Я в таком состоянии... (*Указывает на Салима*.) Пусть он расскажет. Он все знает.

Салим. Я все рассказал. Последний раз они звонили три дня назад.

Адам. Да, это так, три дня назад.

Салим. Вот и я говорю.

Аргюль. Три дня назад... И чего они требуют?

Салим. Денег хотят. Штуку.

Аргюль. Так. Значит, штуку.

Марифат. Ни больше, ни меньше. Ей – Богу, спасибо. Такие времена...

Мулла (*Гостю*). В Коране сказано, ты не отвлекайся, ты меня послушай, так вот, в Святом Коране, говорю я, сказано, что каждый должен заниматься своим делом, а совать нос в чужие дела – грех.

Салим. Как здорово сказал, молодец, честное слово, я примирился с этим муллой.

Мулла. Помолимся за души мучеников во имя родины... Аллахун...

Пауза. Опять Салим шепчет на ухо Аргюлю.

Все. Да упокоит Аллах их души. Да упокоит Аллах их души. Да дарует Аллах смирение.

Аргюль (*Адаму*). Успокойся. Возьми себя в руки. Если Аллах насылает боль, Он же дает и исцеление. Успокойся. Твоя проблема – моя проблема. Разве мало мы хлеб – соли отведали в этом доме? Мало здесь веселились с тобой? Где же твой бодрый голос, где твои шутки, веселые разговоры, смех? Возьми себя в руки, говорю тебе, приди в себя. Вы на него поглядите...

Марифат. Честное слово, я хотел сказать то же самое.

Аргюль. Говоришь, в последний раз они звонили три дня назад? А что за голос был по телефону, ты не обратил внимания?

Адам. Честное слово, да разве я в себе. Я готов... готов покончить с собой.

Все. Ну что ты... брось...

Салим. Тяжелый случай, что поделаешь?!

Аргюль. Ладно. Все ясно. Мне все ясно.

Мулла. ...И в благословенный день пятницы Пророк сказал пришедшим к нему: дары, что вы принесли мне, не мои, а ваши.

Гость. Да, да, слава силе слова.

Аргюль. Да, хорошо, что вспомнил, ты смог собрать деньги?... Хотя бы часть, или...

Адам *(всхлипывает)*. Я надеялся на тебя.

Салим. Мы все надеялись на тебя. Ты все сможешь...

Аргюль. Ясно, ясно. Мне все ясно. Значит, дела обстоят так. *(Телохранителю.)* Подойди. Ступай, позвони оттуда, собери ребят, сам знаешь, куда, скажи, я скоро буду.

Телохранитель. Где в прошлый раз были?

Аргюль. Да, именно там.

Телохранитель уходит.

Мулла. И изрек Господь: одних из вас я буду испытывать богатством, других – бедностью. И выдержать эти испытания – героизм.

Аргюль. Что это за мулла, что-то мне его голос знаком.

Салим. Раньше мошенничал. Тоже отсидел – вышел.

Аргюль. Правда?

Адам. Он дал зарок. Мы с ним друзья. Куда бы я ни пригласил, не откажет. Если понадобится...

Марифат. Не приведи Господь.

Салим. Конечно, не приведи Господь. Это очень ученый мулла. Такие интересные вещи рассказывает про летающие тарелки, заслушаешься.

Входит Телохранитель, что-то шепчет Аргюлю на ухо.

Аргюль. Выйди. Подожди.

Телохранитель. Может...

Аргюль. Выйди.

Телохранитель выходит.

Гость *(указывая на Телохранителя)*. Очень этот человек показался мне знакомым...

Аргюль. Ладно. Значит так. Я сейчас отъеду. Вы не расходитесь, ждете меня. Через час, да, через час я с Божьей помощью, вернусь. Думаю, все будет хорошо.

Салим. Ну что за человек, да буду я жертвой его веры.

Марифат. Да не оставит Аллах... нас без тебя. Мы понадобится тебе?

Аргюль. Нет, не нужны. Сидите, ждите. Я скоро. *(Встает.)*

Ненеханум *(входит и обнимает Аргюля)*. Мой исполнин. Мой герой, мой мальчик. Да буду я жертвой у ног твоих, дай тебе Аллах только радости, да исполнит Аллах все

твои желания, дорогой мой, у меня есть внук, он без работы... *(Всхлипывает.)*

Салим. Хватит, Ненеханум. Довольно. Ты же видишь, он уходит, не задерживай. Вернется, все, что нужно...

Адам *(Салиму)*. Убери ее, убери ее. *(Аргюлю.)* Это Ненеханум, ты же знаешь ее.

Аргюль. Ладно, ладно, Ненеханум, ты тоже подожди меня, я помогу, помогу. *(Адаму.)* Возьми себя в руки. Будь мужчиной. Вы пока выпейте по стаканчику чая. Ненеханум, завари-ка свежего чая к моему приходу. *(Уходит.)*

Салим *(вслед ему)*. Да не отнимет Аллах тебя у нас.

Ненеханум. Аминь. Аминь. Да стану я его жертвой. Он чаю попросил прок... хороший мой, пойду, заварю ему чай. *(Адаму.)* Знаешь, лимона к чаю совсем мало осталось. *(Уходит.)*

Адам. Как же быть?..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Снова та же комната. Сидят Мулла, Адам, Гость, Салим и Марифат. Ненеханум на кухне заваривает чай.

Гость. Что-то долго нет его. Уже больше двух часов прошло. Он давно уже должен был вернуться. Наверное, дело трудное.

Салим *(Марифату)*. Какой негодяй. Ни одного доброго слова.

Адам *(Гостю)*. Да упокоит Аллах души ваших усопших. *(Салиму.)* Он сегодня уберется?

Салим. Нет. Хоть убей его, хоть гони, останется сидеть.

Марифат. Что за человек?

Адам *(Гостю)*. Да упокоит Аллах души ваших усопших.

Гость. Да упокоит Аллах душу твоей тещи. Что в наших силах?! Однажды рожденный однажды должен умереть.

Адам. Уважаемый мулла...

Мулла. С Божьей помощью все будет хорошо. Если дело долго тянется, значит складывается. А что не получается, заканчивается в один миг. С Божьей помощью и это дело образуется. С Божьей помощью. Аминь.

Марифат *(Салиму)*. Дальше нет смысла говорить знаками, намеками. Они уже в курсе всего.

Салим. Ты прав. *(Громко.)* Ненеханум, принеси всем чай. Чего уж промокшему бояться дождя! Не так ли? *(Адаму.)* Не томись, чует мое сердце, все образуется.

Адам. Уважаемый мулла, может, у тебя какие-то дела, ты давно уже здесь, устал, хочешь, иди... я провожу тебя. Мы тоже уже расходимся. Это дело так скоро не решится.

Мулла. Нет, так нельзя. Мулла должен завершать поминки, иначе, какой же он мулла?! Я дождусь. До самого конца буду ждать. Давай, подождем еще немного.

Ненеханум вносит чай.

Гость. Такой чай, как у Ненеханум больше никто не заварит. Но он, кажется, опаздывает.

Ненеханум *(расставляя стаканы с чаем)*. Да будет жертвой ему его старая бабушка. Ничего он не опаздывает. Мой мальчик. Только пришел и все сразу решил. Ничего он

не опаздывает. Да перейдут его горести плохим людям.
(Выходит.)

Салим. Отлично.

Марифат. Все сказала, не стала таить в сердце.

Адам. Вроде внизу слышны голоса, вы не слышали?

Салим. Не мучайся, когда придут – придут. Никаких голосов не было. Пей свой чай. Уважаемый мулла...
(Марифату.) Ты помнишь?

Марифат. Что? Ты о чем?

Салим. Да, вдруг вспомнилось. Как он, ну, Аргюль, перелез через забор тети Рубабы и стоял у них под окном. И шел сильный дождь.

Марифат. Нет, не помню.

Салим. А я помню. Вдруг вспомнил. Он так вымок тогда, что целый месяц пролежал с гриппом.

Адам. Вы о чем? Может, думаю, ничего не получилось? А ему неловко, вот он и не пришел?!

Марифат. Ну, это ты слишком. Разве можно так?! Нельзя. Возьми себя в руки. Столько ждал, пару часов подождать не можешь? (Салиму.) Вспомнил.

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим... Я расскажу вам одно происшествие.

Салим. Ага, начал. Я же говорил, он расскажет ту историю.

Мулла. Да, слушайте меня, так и время пройдет незаметно. Что скажете?

Салим. Рассказывай, рассказывай, уважаемый мулла. (Марифату.) Ну, что я тебе говорил... Обожаю, когда он начинает рассказывать.

Марифат. погоди же, дай ему начать.

Адам. А вдруг он вообще не придет? Такое может случиться?

Марифат. Нет. Пообещал, значит придет. Мы же ему не дети.

Гость. Может быть, может быть.

Салим. Уважаемый мулла, ты начинай рассказ. Не обращай на них внимания. Сколько можно твердить человеку одно и то же? Ему только поможет Бог ... и Аргюль.

Мулла. Что ж я не возражаю. Хотите слушать – слушайте.

Марифат. Дайте же возможность. Тихо.

Адам. Снова, кажется, слышны голоса.

Салим. Да не мешайте же, нет там никаких голосов. Не мешай.

Словно откуда-то издалека, очень издалека льется медленная и грустная мелодия. Свет освещает только Муллу.

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим. В ту ночь шел сильный дождь. Дождливые ночи – это особый мир. Я мирно спал у себя в комнате и звуки дождя стучались об крышу дома. Меня всегда этот звук успокаивает и вдруг... словно меня подтолкнули, я проснулся. Моя темная комната стала заливаться удивительным светом. Но поначалу глаза ничего не различали. В луче света, заливавшем мою комнату, возникли два крылатых ангела. У них за спиной, действительно были самые настоящие крылья, которые казались очень ненужными в моей маленькой комнате. Будто наброшенные на плечи пиджаки, волочились по полу. Сначала, естественно, я, конечно, подумал, что все это сон, что мне снится. Но потом понял, нет, это никакой не сон. Один из ангелов с нежной, очень нежной улыбкой смотрел на меня. Другой ангел был суров. Взгляд его был строг... Они подхватили меня под руки, и мы... мимо ливня полетели в луче света. И я летел, хотите, верьте, хотите – нет. Я был не

в себе, ничего не соображал. Уже потом, меня словно вернули в себя. Очнувшись... обнаружил, что я с ног до головы нахожусь в центре радуги. Окружают меня пять существ, похожих на ангелов. Наверное, решил, настал мой смертный час, и я умер. Вот тогда я осмелел. Огляделся по сторонам и увидел ее, ну, летающую тарелку или как ее там называют. Она была позади ангелов, излучала разноцветный свет, гасла, светила, гасла. Наконец, один из ангелов заметил, что я пришел в себя, сделал знак остальным, они подхватили меня и усадили на землю. Тогда главный ангел приблизился ко мне и стал внимательно вглядываться в меня. Довольно долго смотрел, потом обернулся к остальным и от него к другим словно ток прошел. Потом снова повернулся ко мне, и лицо его уже ничего не выражало, ни доброты, ни строгости. Он спросил меня на нашем родном языке: «Не бойшься?» Я отрицательно помахал головой. «Не бойся, – сказал он. – От нас тебе вреда не будет. Я знаю, ты веруешь в Бога, поэтому не бойся. Я знаю твоего Бога. Мы с ним друзья. Не бойся». «Слушаюсь, да буду я жертвой Богу, я не боюсь, клянусь Богом, ни капли не боюсь». «Вот так будет лучше. Тебя вернут домой. Хочешь вернуться обратно?» «Очень хочу, очень хочу. Значит, я не умер?» - спрашиваю. «Нет, ты живой. Тебя взяли по ошибке. Сейчас тебя вернут обратно». И вот тут я по-настоящему испугался, страх, разорвав мне сердце, ворвался в него, я думал, сейчас умру. Глаза мои сами собой закрылись, а потом, когда я открыл их, то обнаружил, что я дома, в своей постели, а луч света постепенно уползает из комнаты. А потом и дождь прекратился.

Мелодия затихает, свет становится ярче, освещает всех.

Марифат (*Салиму*). Ты это имел в виду? Что с тобой, приди в себя, интересно, который сейчас час?

Салим. Я... как бы я хотел, чтобы настало лето, было тепло, все вокруг зазеленело, чтобы сквозь густую тень больших деревьев на лицо мне лился неровный солнечный свет... И еще я хочу, чтобы наступили дождливые ночи. Я очень люблю дождливые ночи.

Адам. С ним такое бывает. Не обращайте внимания, это пройдет.

Гость (*Адаму*). Братец, я что-то хотел спросить, да забыл.

Адам. Спросите, когда вспомните, наверное, это было не очень важно.

Гость. Наверное.

Марифат. Уважаемый мулла, уже поздно, прочитай завершающую молитву. (*Адаму*.) Наверное, он не придет, может, потом позвонит?

Мулла. Что ж, как решите... Бисмиллахи-рахманир-рахим...

Входит Аргюль с Женщиной, лицо которой не различимо. Все замирают.

Аргюль. Что это с вами? Что вы все так застыли?

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим.

Женщина (*плачет*). Mamochka, mamochka, mamochka...

Адам подходит к Женщине, потом возвращается на место.

Салим. А еще говорят, мол, тот – герой, этот – герой. Разве это не настоящий героизм. Молодец. Bravo. Привел ее.

Марифат. Молодец, слава тебе, господи.

Аргюль. Мы же целый пуд хлеб-соли вместе съели. Разве можно допустить такое? Иди, брат, получай свою жену.

Женщина (*горестно*). Мамочка, мамочка...

Адам. Ты... ты меня так обязал.

Марифат. Он тебе такое дело сделал, а ты про обязательства. Ты знаешь, сколько весит сделанное тебе?

Аргюль. Не выдумывай. Никто никому ничего не должен. Ненавижу попусту одалживать человека. Одного моего слова, всего одного слова оказалось достаточно...

Салим. Одного слова...

Марифат. Одного слова?

Аргюль. Одного слова. Не верите?

Ненеханум (*входит*). Дорогой мой. Кто здесь тебе не верит? Проходи, проходи сюда, дочка. (*Женщина идет на кухню, открывает лицо, садится и замирает.*) Ах, слава твоим рукам. Да станет одно твое слово равно миллиону слов. Да будут у тебя под началом министры. Чтобы ты всегда был при деле. Да ослепнут глаза твоих врагов. (*Уходит на кухню.*)

Гость (*Мулле*). Это его жена была?

Мулла. Человек должен знать своего Бога, все деяния свои делать именем Бога.

Адам. Говоришь, одним словом, и все?..

Салим. А где же тогда вы задержались? Мы тут пять часов ждем вас?!

Ненеханум вносит чай.

Ненеханум (*Аргюлю*). А вот и твой свежий чай, пей, да умру я у ног твоих. Мой сынок-богатырь. (*Выходит.*)

Салим. Так почему вы пришли так поздно?

Марифат. Может, на дороге были пробки?

Гость. В такое время дороги бывают... Бог знает что...

Мулла. Бисмиллахи-рахманир-рахим...

Пауза. С улицы слышен шум, начавшегося дождя.

Салим. Эх ты. (*Аргюлю.*) Послушай... Ты... помнишь?

Аргюль. Помню, помню. Ты имеешь в виду ту дождливую ночь.

Салим. А однажды... ты говорил...

Аргюль. Нет, этого я не помню. Говорю, не помню, значит, не помню. Вы идите, мне с Адамом поговорить надо... кое о чем.

Марифат. Ясно. А ты...

Аргюль. Бог даст, опять встретимся. Если у вас будет ко мне какое-то дело, я всегда готов.

Марифат. Спасибо.

Салим. Ах ты. (*Гостю.*) Вставай, я провожу тебя, вставай, поздно уже, потом автобуса не найдешь, опозоримся.

Гость. Вы не беспокойтесь, я живу поблизости.

Мулла. Фатиха. В следующий четверг хозяин всех приглашает, будет прочитана молитва за упокой умершей, приходите, пожалуйста.

Все. Да упокоит Аллах ее душу. Да дарует Бог поддержки.

Марифат (*Адаму*). Еще раз поздравляю. Ну, мы пойдем. (*Салиму.*) Ты идешь?

Салим. До свидания. Спокойной ночи. (*Адаму*) Ну и слава Богу, все обошлось. (*Аргюлю.*) Говоришь, встретимся? Эх, ты. Что мне сказать? Не забыл, говоришь... Брат, наш

участковый пьян. Вранье, что он бывает трезв. Наш переулок очень узок... (Уходит.)

Все по очереди выходят, произнося: «Да упокоит Аллах ее душу». Ненеханум хочет войти в комнату, но потом, передумав, тоже уходит. На кухне луч света освещает Женщину, в комнате Аргюль и Адам молча сидят в полумраке.

Конец

Баку, 1997

ТЫ - ПЛОХОЙ МАЛЬЧИК!

*заурядная драма двух человек
в одном действии
или на одном дыхании*

Мужчина. (Громко и торжественно.) Я так плохо слышу, скажи, кто твой любимый мальчик?
Женщина. (Спокойно, не глядя на него.) Ты хочешь приехать встретить меня?
Мужчина. Конечно. Я приеду. С тобой, и даже если, а то сейчас прервет разговор.
Женщина. Как там дела?
Мужчина. Довольно. Недавно узнал, что ты вышла замуж и в небо! Так как в рейс? (Делает паузу.) Ну что это за мальчик? Еще немного и забудет дом.
Женщина. Ребе - 214. (Пауза.) Ты же слышишь?

Действующие лица:

Женщина

Мужчина

Старуха – мать

*Сумрачное место. Это не комната, не улица, а именно место, где взгляду не на чем задержаться. Два человека возникают в этом полумраке, словно вбирая в себя свет. Это Женщина и Мужчина. Их появление в лучах света сопровождается грустная, тоскливая мелодия. Под звуки музыки они приближаются, внимательно смотрят друг на друга и расходятся – Мужчина в угол, залитый красным светом, а Женщина – в угол, освещенный желтым светом. С этого момента они на протяжении всего спектакля будут говорить друг с другом только по телефону. Они то держат телефонную трубку в руках, то подносят её к ушам, то теряют и ищут, а иногда по забывчивости оставляют ее где-то. Может, вообще говорят не они, может, это вообще не их голоса, может, они ведут безмолвный диалог и мы, слышим их голоса в собственных сердцах. Быть может, кто знает?!
Сейчас это междугородний разговор. Женщина находится в другом городе. Из красного угла доносится шум проливного дождя.*

Мужчина (*громко и взволнованно в трубку*). Я тебя плохо слышу, скажи, каков окончательный диагноз?

Женщина (*спокойно, не напрягаясь, ровным голосом*). Ты хочешь приехать встретить меня?

Мужчина. Хочу. Я приеду. Скорей, назови свой рейс, а то сейчас прервут разговор.

Женщина. Как там погода?

Мужчина. Дождь идет. Прямо ливень. Хватайся за струю и в небо! Так как с рейсом? (*В сторону.*) Ну что это за ливень?! Еще немного и зальет дом.

Женщина. Рейс – 514. Вылет в три часа. 514. Ты меня слышишь?

Мужчина. 514. Слышу. В три часа. Ладно, до свидания. Прилетишь, поговорим по-человечески. Только... алло (*шепотом*) послушай, а мы... Как я... узнаю тебя? Как я тебя узнаю? Говорю, как мне тебя узнать? И дождь как назло...

Женщина. Что ты говоришь?

Мужчина. Говорю... во что ты будешь одета?

Женщина. Отсюда вылетает в три, в три. Хорошо? Алло, ничего не слышу... До свидания, до встречи. (*Особым тоном, предназначенным только для них двоих.*) Как ты думаешь, это хорошо?

Мужчина. А... ты слышишь... слышишь меня? Держи в руках какую-нибудь газету. Возьми в руку газету...

Женщина. Газету... Какую газету? Местную? Зачем тебе газета?

Мужчина. А как я тебя узнаю?

Женщина. Ааа, газету... Да не надо. Совсем забыла. Не надо. Не встречай меня.

Мужчина. Ладно, газета будет у меня в руках. Слышишь, у меня в руках будет газета «525».

Женщина. Нет, не хочу. «525» газета... Вот еще что... Не хочу. Это уже совсем детские игры. Послушай, я же совсем забыла, что мы...

Мужчина. Алло, говори громче.

Женщина. Ну, ладно, давай прощаться.

Мужчина. Я завтра буду в аэропорту...

Звук дождя прекращается. Разговор продолжается в обычных тонах.

Знаешь, я обставил комнату, как ты говорила.

Женщина. Наконец. Ну, и как получилось?

Мужчина. Уютно. Отлично. Я даже не думал. Все портил книжный шкаф. Чтоб он провалился.

Женщина. Видишь?! А что с диваном?

Мужчина. Диван? Переехал в соседнюю комнату. И книжный шкаф вместе с ним. Действительно, так еще лучше.

Женщина. А что я тебе говорила?! Лентяй. Скажи, пожалуйста, ты убрал флаги из большой комнаты?

Мужчина. Флаги?

Женщина. Ну да, флаги. Сколько раз тебе говорить, что в гостиной флаги не выставляют? Это что тебе, международный аэропорт?

Мужчина. Это же маленькие флажки, наш, русский, турецкий... Кому они мешают?

Женщина. А эстонский? Убери. Мне уже надоело говорить тебе это.

Мужчина. Ладно, ладно, уберу.

Женщина (*капризно*). Договорились?

Мужчина (*с особой интонацией*). Договорились.

Женщина (*серьезно*). Даешь слово?

Мужчина. Даю.

Женщина. Как ты думаешь...

Мужчина. Это хорошо.

Женщина. Тогда до свидания.

Мужчина. Послушай. Ты так и не сказала, как себя чувствуешь?

Женщина. Приеду, поговорим. Ну, хорошо. Нет, правда отлично.

Мужчина. Ты обманываешь.

Женщина. Обманываю. Почему это ты перебиваешь меня? А? Вот хотела что-то сказать, а теперь забыла. Эх... Ладно, хватит, пора спать. Завтра у меня тяжелый день. Знаешь, почему? Дорога. Снова дорога. Вечная доро-

га... Хочешь, верь, не хочешь – не верь: мне нравится от-
правляться в путь.

Мужчина. Нравится?! А говорила...

Женщина. Нет, честно, нравится. Мы с дорогой
сдружились, теперь уже нравится. Все зависит от того, куда
едешь, куда возвращаешься... От того, куда ведет тебя эта
дорога, к кому ведет... Ну, как, ты доволен?

Мужчина. Я прямо раздуваюсь от гордости... ко-
гда ты так говоришь. Ты такая умная...

Женщина. Это правда. И ты у меня умный. Ты.
Ты. Ты. Ты слышишь меня отсюда? Ты, ты, ты. Ты у меня
один. Ты знаешь это? Единственный. И еще раз можешь
раздуться от гордости. Назло всем, всем.

Мужчина. Договорились. Помнишь, что я сказал
тебе в первый раз? «Если не будет тебя, если не будет меня,
то есть если нас не будет...»

Женщина. «...ничего не будет в этом мире...» Это
не в первый раз, я помню, ты сказал это своей, одной един-
ственной то есть мне в третий раз. Я права?

Мужчина. Да, возможно. Честно говоря, вылетело
из памяти...

Женщина. Видишь, какой ты. Что ты замолчал?
Не знаю, почему ты молчишь, но тогда может... до завтра,
да?

Мужчина. Ну что ж, говоришь до завтра, пусть
будет до завтра. Только имей в виду, это ты сказала: до зав-
тра.

Женщина. Ладно, ладно, можно подумать мир
рухнул – я сказала, да, на этот раз я сказала.

Мужчина (якобы выглядывая в окно). Завтра я прие-
ду в аэропорт. Дождь, кажется, прекратился.

Снова шум дождя. Беседа вновь оживает.

Женщина. Ты твердо решил, что мы с тобой
должны встретиться? Увидеть друг друга? Не пожалеешь?
Имей в виду, если ты пожалеешь, если я вдруг не понрав-
люсь тебе, я умру раньше времени, и виноват в этом будешь
ты.

Мужчина. Я не хочу возвращаться к этому разго-
вору. Мы с тобой не дети, хотя ты... Я не пожалею. Поверь
- это навсегда. И не спрашивай больше об этом. Я жалеть не
буду. Никогда не буду жалеть. И ты согласишься со мной,
что так лучше.

Женщина. Спокойной ночи, дорогой.

Мужчина. Что ж. Спокойной ночи.

Молчание.

Ну что, мы договорились или все останется, как она
сказала, все останется по-прежнему?

*Пока полумрак сменяется полной темнотой, ос-
тавляя Женщину, а за ней и Мужчину мучиться со-
мнениями, шум дождя постепенно прекращается,
безнадежность, неверие, нерешительность, словно
исходят из их голосов и начинают впитываться в
это таинственное Место, и в это время лишь музы-
кальный переход подготавливает нас к новому диа-
логу между Мужчиной и Женщиной. На этот раз все
залито ярко - белым светом. Женщина вернулась из
поездки.*

Женщина (словно оправдываясь). Честное слово, не
знаю, сможешь ли ты простить меня? Так получилось, мама
и сестра должны были посетить одно место... Я сказала.
Сказала, что полечу одна, они не пустили меня. Мы поме-

няли рейс. Ты долго ждал? Случайно не подходил к другим женщинам? Не молчи. Ну, не молчи же. Не смогла я. Пойми меня. Не смогла. И, по-моему, никогда не смогу. Не смогу увидеть тебя... не должна видеть. Ты не знаешь, как трудно мне увидаться с тобой. Ты даже не можешь представить себе. Знаешь, в каком я состоянии?.. Не знаешь. Увидишь, испугаешься.

Мужчина. Ладно, чего уж. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Ничего. Не в этот раз, так в следующий. Скажешь мне, когда будешь готова.

Женщина. Да, да... я сама *(всхлипывает)*.

Мужчина. Ой-ей-ей. Ты, кажется, того...и не стыдно? Ну совсем дитя.

Женщина. Не называй меня ребенком. Слышишь, ну почему? *(вытирая слезы)*, мы в руках судьбы? Это несправедливо. Я больше так не могу. Послушай, давай больше не говорить о встрече. *(Смеется.)* Считаю меня самой красивой, а я тебя – самым отважным героем. Будем иногда садиться на ковры-самолеты и лететь себе над дивами, феями... Что скажешь?

Мужчина. Кажется, ты повеселела. Имей в виду, если я еще хоть раз увижу, услышу, что ты плачешь... имей в виду, я возненавижу себя. Неужели это все, что я хочу сделать для тебя?! Так получается, честное слово. Чтобы больше не плакала. Договорились? *(с особой интонацией)*. Как ты думаешь?

Женщина *(с особой интонацией)*. Договорились. И это хорошо.

Мужчина *(бодрым тоном, чтобы переменить разговор)*. Не знаешь, сегодня есть что-нибудь интересное по телевизору?

Женщина. Не знаю. Разве я телевизор смотрю? У сестры стопки старых журналов. Целыми днями читаю их.

Мужчина. А что и программы передач у вас нет?

Женщина. Может, и есть. Спросить?

Мужчина. Нет, не надо.

Женщина. погоди, я спрошу.

Мужчина. Не хочу. Желание пропало. Я тоже ничего смотреть не буду.

Женщина. А ты почему? Почему не будешь смотреть? А вдруг что-то интересное будет?

Мужчина. Нет, надо кое-что написать и доклад... должен добить. Висит на мне грузом, никак не могу закончить. С другой стороны – кому это нужно, написал - не написал... Все пустое.

Женщина. Теперь ты начинаешь? А ну, кончай. Брось эти черные мысли. Иди, садись и займись статьей. Обещай мне. Ни к чему эти мысли. Что нам живыми закапывать себя в могилу?! До свидания, до свидания, иди, иди и работай, а устанешь, позвони. Я еще не ложусь. Буду ждать твоего звонка. Ладно?

Мужчина. Ну ты прямо... *(Пугается, что Женщина может услышать его.)* Ну хорошо. Ладно.

И снова в темноте два силуэта. В полной тишине слышится тяжелое дыхание Женщины. Это уже другое время.

Мужчина *(беспокойно)*. Прошло?

Женщина *(тяжело)*. Прошло, прошло. Не беспокойся.

Мужчина. Опять в том же месте?

Женщина. Да. Сильно прихватило. Сейчас понемножку отхожу. Ну что, дописал статью?

Мужчина. Да так. Немного...

Женщина. Я нашла для тебя программу. Прочитай? Не хочешь узнать, что будет по ночным каналам?

Мужчина. Нет, не хочу. Если ты хочешь, почитай. Послушаю.

Женщина. Что это с тобой опять? Ты из-за меня расстроился?

Мужчина. Доктор приходил?

Женщина. Э... поглядите, о чем он думает. Приходил, приходил. Как пришел так и ушел. Что особенного? Вот, послушай, по первой программе...

Мужчина. Укол сделал?

Женщина. Сделал.

Мужчина. А что сказал?

Женщина. Доктор? А что он скажет? Все, что мог, он уже давно сказал. А нового ничего не придумал. Почему ты так делаешь? Скажи, почему ты так делаешь?! Плохой мальчик. Ты – плохой мальчик.

Мужчина. Ну, ты придумала. Да что же я такого делаю?

Женщина. Не даешь мне договорить.

Мужчина. Эээ. У меня прямо сердце заныло.словно иглу вонзили. Ты же столько ходила на лечение, ну и что? Верь после этого врачам...

Тишина.

Женщина. Ты, мой дорогой, ты же знаешь, эта болезнь неизлечима. Что тут может сделать доктор? А ты... Иногда так себя ведешь, будто... Так слушай, читаю программу. В половине первого ночи...

Мужчина. Не хочу, я же тебе сказал. Пойду дописывать статью. Мне сейчас не до телевизора. Фильмов нет?

Женщина. Это из-за меня?

Мужчина. Ты же сама говорила: заканчивай статью, теперь-то чего хочешь? Должен я ее дописать или нет? Кино... Мне не до кино. Просто так спросил.

Женщина. Ладно. Иди, пиши. Ты уже год говоришь, что пишешь. Все никак не кончишь. Что-то конец не складывается или, кажется, не хочет кончаться?! Не буду тебе мешать. Плохой мальчик. Смотри, когда закончишь... Я не сплю. Буду смотреть все фильмы подряд.

Мужчина. Ладно, пока. Постарайся уснуть.

Женщина. Нет, я не буду спать, сказала, не буду. Что случилось, я опять что-то не так сказала? Неужели я тебя обидела? Скажи правду. Я обидела тебя, обидела... Ай-яй-яй. Разве к лицу такому богатырю, как ты, из-за одного доклада изводить своего задушевного друга? Ну? Как я сказала? Доволен?

Мужчина. У меня чайник закипел. Пока. Позже, чуть позже.

Женщина. Я подожду.

Мужчина. Нет, я сказал, позже.

Женщина. Есть, слушаюсь. Только ты не сердись на меня и обязательно позвони. Позвони... Ладно? Почему ты молчишь? Договорились? Как ты думаешь?

Мужчина. Договорились. Договорились. И это хорошо.

Женщина. Сердце ты мое...

Все погружено в тишину. Потом понемногу откуда-то издалека доносятся звуки радио, его волны накладываются друг на друга. Звуки слабеют, и при тусклом свете мы видим лежащую на кровати Женщину. В углу Мужчины свет ярче. Это уже другой день.

Женщина (обессилено). Знаю. Это ты. Ты когда пришел с работы?

Мужчина (он тоже лежит). Да, недавно.

Женщина. Что ты сейчас делаешь?

Мужчина. Сажу на диване. Ты как себя чувствуешь?

Женщина. Нет, ты не сидишь. Ты, лентяй, лежишь. Ты плохой мальчик.

Мужчина. Лежу. А как ты поняла? (*Приподнимается.*)

Женщина. Хочешь, я приду и подам тебе чай? Мама, мама...

Мужчина. Как это, приду. С кем ты разговариваешь?

Женщина. Так. Зову маму, что-то чаю захотелось. Мама... Честное слово, я говорю правду...

Входит мать со стаканом чая, ставит перед Женщиной, с подозрением смотрит в Красный угол, что-то поправляет на кровати, уходит. Женщина пьет чай.

Женщина. Если б я знала где твой дом, квартира... Впрочем, если бы и знала. Уже, кажется, поздно, темнеет, ой-ой-ой, подумать только, какие вещи я, глупая, говорю холостому парню. Ты об этом подумал?

Мужчина. Нет, не подумал. А что такого ты сказала? И вообще, можно подумать, что ты сказала, а я, несмышленыш – сразу поверил тебе. Это же ты...

Женщина. Поверил, поверил. Ну, пожалуйста, скажи, что поверил. Ну, не скажешь? Ты плохой мальчик.

Мужчина. Опять ты ребячишься, почему у тебя такой слабый голос?

Женщина (*серьезно*). Не называй меня ребенком.

Мужчина (*встает, шутливо напевает*). «Что же мне сказать тебе, что сказать?»

Женщина (*вроде немного оживает, голос звучит бодрее, она тоже подхватывает предложенную ей шутливую нот-*

ку, но смеется с трудом). Ха-ха-ха, какой же он бесстыжий. Послушай, до чего же ты бесстыжий?! Боже, какой стыд. Вы только послушайте его пение. Ну и голос... Прежде, чем петь, господин, вы отчитайтесь, да, да, отчитайтесь, что вы сделали за сегодня, чем занимались, даже, чего не делали – расскажите. Расскажи все по порядку. Все, все расскажи. Отчитайся. Причем дай обстоятельный отчет. На кого ты смотрел? Кто смотрел на тебя?! Интересно, с чего это я тебя ревную, а? погоди, дай я лягу поудобней. Этот шприц, прямо... как заноза, ой, все болит.

Лишь теперь кровать, на которой лежит Женщина, полностью освещается, и мы видим прикрепленную к руке Женщины, говоря медицинским языком, «систему».

Мужчина. Шприц? (*Садится.*)

Женщина. Шприц? Какой шприц?

Мужчина. Ты сказала «этот шприц». Разве тебе делали укол?

Женщина. Укол? Сделали.

Мужчина. И что? Болит место укола?

Женщина. Да, очень болит, если б ты знал, как там болит, как там болит... Просто невыносимо. У меня абсцесс. Ты знаешь что это? Они же только называют себя врачами... а несчастный укол и тот сделать не могут. Не могу прилечь по-человечески. Все тело болит. Бок болит, бок. Ну, ты понимаешь меня?! Бок. Ты случайно не озабоченный?

Мужчина. Кто я? Все ясно. Поняли.

Женщина. Ну и что? Ты смотри, я не забыла...

Теперь голос Женщины бодр и повелителен, словно она обо всем забыла, и целиком поглощена только этой шутливой перепалкой.

Мужчина. Чего ты не забыла?!

Женщина. Немедленно. Отчитывайся. С самого начала. С начала. Да. Слушаю. Что за голоса у тебя? Радио? Выключи.

Мужчина. Наверное, это помехи на линии. Я не слышу.

Женщина. Ладно, ладно, не отвлекайся. Я в полной тишине, если не считать этих звуков. Слушаю тебя. Начинай же.

Мужчина (*встает*). Надо же, попался. Вышел из дому, часов, примерно так в девять... (*Замолкает.*)

Женщина. Какая была погода?

Мужчина. Погода... да так. Ты что не знаешь, какая погода? Разве ты сегодня не выходила из дома?

Женщина. Интересно, какая была погода в ваших краях?! Я тоже выходила. Выходила.

Мужчина. В наших краях? (*Глокает слюну, снова садится.*) Дождь... Проливной дождь... кажется, уже закончился. (*Будто выглядывает в окно.*)

Женщина. Что случилось, ты словно подавился, господи, сколько можно запинаться?!

Мужчина. В наших краях сейчас погода уже хорошая, и солнце вышло, и люди изнывают от зноя. Благодарю за внимание, девочка.

Женщина (*с притворным негодованием*). Я сто раз тебе говорила...

Мужчина. Что случилось? Разве девочка – плохое обращение?! Ребенком ее не называй, чертенком, девочкой – тоже. Ты, кажется, понемногу растешь? А как насчет – молодая леди?

Женщина. Молодая леди. Вроде бы неплохо, по моему, можно. Это звучит. Только если слитно – молодая леди, хорошо?

Мужчина. Хорошо. Это как двойное имя РозМари.

Женщина (*делает вид, что не слышит этих слов*). Вот так. Не будем отвлекаться от темы, продолжим. В девять часов вы вышли из дома. Погода была прекрасной и звала вас, сударь, к победам, и ... и...

Мужчина. Что «и»? Почему «и»?

Женщина. «И», конечно, «и».

Мужчина. А может, точку поставим?

Женщина. Нет, точку не надо. Точку нельзя. «И», непременно «и». И...

Мужчина. Ладно, хочешь «и», пусть будет «и». Я не возражаю. И... И пришел на работу. (*Скороговоркой.*) Было шесть часов, когда вышел с работы, вернулся домой. Вот и все. Отчет окончен.

Женщина (*передразнивает его*). «Пришел на работу. В шесть часов вернулся домой. Вот и все». Спасибо. Большое спасибо. И только? Ты, в самом деле, плохой мальчик. Большое тебе спасибо. Привет от Розмари.

Мужчина. Кому? Кто такая Розмари, я не знаю такой. Ну, ладно, что мне, бедняге, еще рассказать тебе? Ну что рассказать? Один из моих друзей написал заявление и уволился. Довели. Написал такое взрывное заявление начальству, мол, больше не хочу работать с такими, как вы, то, да се... Три дня эти драконы просят его переписать заявление, уговаривают, что так заявления не пишут, а он не соглашается. Что еще рассказать? Это тебе интересно?

Женщина. Ничего не рассказывай. Ничего. Когда хочешь, ты так интересно рассказываешь. Конечно, ты прав, ты же не обязан мне рассказывать? Ты даже лица моего не видел. Я тебя понимаю.

Мужчина. Ну, началось. Давай продолжим минут через пять. У меня там масло вскипело, чай убежал. То есть,

масло убежало, чай вскипел. Перерыв. Антракт. Рекламная пауза.

Женщина. Не возражаю. Пусть будет. *(Предельно серьезно.)* Ты сегодня был в больнице? Тебя просвечивали? Ты говорил, что обследование перенесли на сегодня. Я спрашиваю, ты был в больнице?

Мужчина *(тоже становится серьезным, раздумчиво).* Ходил.

Женщина. Что тебе сказали?

Мужчина. Ничего.

Молчание.

Женщина. Не принимай близко к сердцу. Когда дело доходит до нас, у них иссякают слова. *(Вдруг хохоча.)* Зато мы еще не договорили. Не огорчайся. Ни капли не огорчайся. Пусть они все провалятся. Как там говорится: еще неизвестно...

Мужчина. Кому повезет... Отлично сказано. Откуда ты знаешь это? Послушай...

Женщина. Как ты думаешь?

Мужчина. Это хорошо? *(Возвращается, садится.)*

Женщина *(кокетливо).* Какой же ты плохой...

Мужчина *(ложится, про себя).* Черт меня дернул... Нет, ничего черт не нашептывает.

Вновь постепенно темнеет, и светятся лишь Красный и Желтый лучи. В полной темноте только они и эта музыка, которую мы не часто слышим во сне. Все – и цвета, и звуки, Мужчина и Женщина, и Старуха – мать, которая иногда заходит к Женщине – словно в замедленной съемке. И совсем другое время.

Женщина. Сегодня я кое-что скажу тебе. Знаешь, что случилось этой ночью?

Мужчина. Что случилось этой ночью? Откуда мне знать, что случилось?

Женщина. Сегодня ночью я видела тебя во сне.

Мужчина *(взволнованно и раздумчиво).* Меня? Во сне? Ты видела меня во сне? *(Словно хочет рассмеяться.)*

Женщина *(старается проследить за ним взглядом).* Ты смеешься?... На здоровье. Смейся, сколько хочешь. Лишь бы ты смеялся. Пусть тебя всегда сопровождают смех и удовольствия.

Мужчина. Я не смеюсь. Только... Ну, ты и молодчина. Во сне, значит, увидела меня. Спасибо... Как ты сказала: «Пусть тебя всегда сопровождают смех и удовольствия». Ишь ты...

Женщина. Опять смеешься. Сообщи, когда закончишь смеяться. Еще задохнешься... осторожней, смейся потише, вот так.

Мужчина в самом деле начинает смеяться. Входит Старуха и укоризненно смотрит на него. Мужчина замолкает. И все движения вновь обретают прежний нормальный ритм.

Мужчина. Как же ты могла видеть меня? Очень странно. Причем именно в эту ночь. Ради Бога, расскажи, очень интересно.

Старуха уходит.

Женщина *(дождавшись, пока мать выйдет).* Сейчас, сейчас. Одну минутку... Знаешь, я поняла, что ты... как бы это сказать, не сможешь понять этого. Это тебе не доклады писать.

Мужчина (*погруженный в свои мысли*). Да нет, послушай меня, этой ночью ты видела меня во сне. И ты говоришь это мне. А я помираю от смеха. Верно?

Женщина. Верно.

Мужчина. Так спроси, почему я смеюсь? Почему не спрашиваешь!

Женщина. Спрашиваю. Ты мне и рта раскрыть не даешь. Почему ты смеешься? Ну, почему?..

Мужчина (*еле сдерживая смех*). Этой ночью я тоже видел тебя во сне.

Женщина (*пораженно*). И ты меня?... То есть как это, в самом деле ...

Мужчина. Правда, правда.

Женщина. Поклянись Богом.

Мужчина. Клянусь Богом.

Женщина. Странно.

Мужчина. Очень странно. Два человека, которые в жизни никогда не встречались, в одно и то же время вдруг приснились друг другу. Разве такое бывает? Прямо как заочное сновидение.

Женщина. Ну, ладно, не переводи, как всегда на шутку, лучше расскажи мне, ну, пожалуйста. Что именно ты видел, какой увидел меня? Расскажи. Сначала ты, а потом расскажу я. Сравним, ну... начинай.

Мужчина. Я увидел тебя в темной комнате, одетой в черное платье негретяжкой.

Женщина. (*даже не находит что сказать*). Аааа...

Мужчина. Только зубы твои сверкали. Ты смеялась, непрерывно смеялась. Что-то говорила мне и смеялась... И слова у тебя изо рта вылетали белые-пребелые, как молоко...

Женщина. Говоришь, только зубы сверкали? Ты не поверишь, если я тебе сейчас расскажу, что я видела. Ты

со всех сторон был укутан белыми, как молоко, облаками. Ты лежал в постели, но облака будто превратились в парус, и ты куда-то летел. И все смеялся, смеялся. Я спрашиваю: ну, что настроение у тебя, кажется, хорошее, ты закончил все свои дела и потому так весел, свободен? Это я спрашиваю. Ты ничего не отвечаешь. Все смеешься. Потом вдруг тыходишь в темный туннель. И оттуда внимательно смотришь на меня и говоришь: «Прости меня». Я кричу: «За что, за что мне прощать тебя, в чем ты виноват?», но ты уже не слышишь,ходишь в туннель и исчезаешь. Туннель это или комната, я не разобрала, но какое-то очень темное место. И висят четыре флага – наш, русский, турецкий и эстонский... Больше я ничего разобрать не могу. Тебя не вижу, однако знаю, что ты здесь. Только зубы твои блестят. Ты говоришь: «Я свободен...»

Мужчина. Боже мой, Боже мой. Слушай, меня разве арестовывали, что я во сне выхожу на свободу?!

Женщина. Твои зубы. Я помню только твои сверкающие белые зубы. А потом ты смеешься и крепко стискиваешь их, как будто что-то держишь во рту, и ты не хочешь выпустить это что-то наружу.... Зубы у тебя, как белые клещи. И ты крепко стискиваешь их. И вдруг, представляешь, я испугалась... Очень испугалась, никогда со мной такого не было.

Мужчина (*тихо*). Твоих сестер сейчас нет с тобой рядом?

Женщина (*тоже тихо*). Нет. А что, что случилось?

Мужчина. А мамы?

Женщина. И ее нет. А почему ты спрашиваешь?

Мужчина. Ничего... так... (*медленно и с трудом выбирается из под красного луча и в темноте движется к желтому лучу Женщины*). Ты только не бойся... Это я, ну как, узнала меня?

Когда Мужчина добирается до желтой полосы света, музыка звучит громче, они оказываются лицом к лицу, глаза в глаза... Обоих бьет дрожь. Мужчина крепко обнимает Женщину.

Женщина. Ты... Что ты делаешь? Что ты творишь? Опомнись.

Мужчина. Не бойся. Ты только не бойся. Это я. Ты... только... не бойся. Где? Где? Где твоя...

Наступившая темнота свидетельствует о том, что дальнейшие события развиваются по прошествии некоторого времени. Опять тот же полумрак, опять те же желтые и красные лучи, опять те же превращающиеся в силуэты, то ясно различимые Мужчина и Женщина, которые находятся на своих местах. Но это уже другой день.

Мужчина. Ну что, сегодня тебе ничего не снилось?

Женщина (обессилено). Этой ночью?... Я вообще не могла уснуть... Плохой мальчик...

Мужчина. Опять я плохой... Почему?

Женщина. Эх, ты же не все знаешь, у меня опять начались боли. Прежние были чепухой. И лекарство уже не помогает.

Мужчина. Да... ты, кажется, задыхаешься.

Женщина. Мне трудно дышать. При чем тут задыхаться? Задыхаться было бы счастьем. Я умираю. Господи, поскорей бы все закончилось, я уже измучилась. Честное слово, сил нет.

Мужчина. Не говори так.

Женщина. Нет сил. Довольно. Довольно, я больше не могу. И у тебя такие будут боли, не думай, ты их тоже не избежишь, вот тогда вспомнишь меня. У тебя еще все впе-

реди. А ты все шутишь. Не хочу ничего скрывать от тебя... Ты должен быть готовым. Скажи, чтобы тебе заранее кололи морфий. Не старайся перетерпеть боль. Не старайся проявлять героизм, тоже мне, героиня. Ой, Боже мой. Не поверишь, я этой ночью чуть не умерла.

Мужчина. Этой ночью? А сейчас ты как?

Женщина. Этой ночью. Этой ночью. Сейчас немного, совсем чуточку лучше. Пришли сестры... Они тоже мучались до утра, бедняжки. Всю ночь были со мной. Всю ночь. Сейчас отсыпаются. Думают, что я тоже уснула. А может, и не спят, не знаю, но нет, сейчас они должно быть уснули. Ты не поверишь, смерть – это мука, но и жизнь тоже мучительна. Лишь бы поскорей закончилось все это... мне больше ничего не надо, ничего.

Мужчина. Может, ты... отдохнешь? Слышишь, может, поспишь? Потом побеседуем. Поспи, заставь себя, уснуть. Хочешь...

Женщина. Не хочу. Ради Бога, дай хоть немного насладиться отсутствием боли. Нет ничего прекрасней постепенно отступающей боли. Интересно, они, девочки, заснули, я сестер имею в виду.

Мужчина. Ясно. Послушай, я тут подумал. Что по твоему, будет самым теплым утешением для тех, кто останется после нас? А?... Хочешь знать, что это за утешение?

Женщина. Ни звука, они, кажется, уснули, спят неслышно как ягнята. Ну, и в чем же это утешение? Я сто раз уже слышала это. Тебе не надоело?..

Мужчина. Слушай. Этого ты еще не слышала. Это новое. Причем, я сам открыл. Вот, послушай: еще неизвестно, кому больше повезло – ушедшим или оставшимся...

Женщина (оживляется). Ты долго думал над этим? Это ты верно сказал.

Мужчина. Понравилось?

Женщина. Еще неизвестно, кому больше... повезло – а дальше?

Мужчина. Ушедшим или оставшимся.

Женщина. Ушедшим, то есть нам, умершим. Невозможно доказать, правда это или нет. Причем, это в первую очередь нужно нам, нет, не нам, тем, кто будет нас оплакивать.

Мужчина. Да, это так.

Женщина. Кому больше повезло. Будь мы везучими, мы были бы здоровехоньки, ведь до сих пор мы даже мухи не обидели. Если б мы были везучими, то были бы вместе, окруженные... нашими детьми. Не везет нам. Не везет. Или, кто знает, может, и везет? Не знаю.

Мужчина. А может... Эх, знаешь что?! Тебе везет, мне – нет, мне везет, а тебе – нет, повезло ли нам обоим, нет – откуда знать, что такое счастье, если это – здоровье, то точно, нет у нас счастья, если счастье – это радость говорить то, что у тебя на сердце, тогда, конечно, нам повезло. Или не так?..

Женщина. С тех пор, как возник ты – это так.

Мужчина. А я, с кем еще я мог бы говорить так откровенно, так искренне?! Ты превратилась для меня в целый мир! Мир! Ты знала это? Ну, как твои сестры?

Женщина. Я знала. И ты для меня тоже... Зачем тебе мои сестры?

Мужчина. Да просто. Если бы не ты, то уходить из жизни, да еще так уходить, в эти годы мне было бы во много раз трудней. А сейчас, кажется, что мы так и уйдем, взявшись за руки. И ты так думаешь, правда?

Женщина. Держи крепче мою руку, а то она выскользнет...

Мужчина. Ты слышишь меня? Не бойся, главное, ничего не бойся. Я буду... рядом с тобой, верно?! Чуть раньше, чуть позже...

Женщина. Если б ты был в тот момент... Но как было бы прекрасно, если б ты пришел скорей (*Голос ее становится тише.*) Приходи скорей, пожалуйста, скорей... поспеши... дорогой... поспеши немного... ты задерживаешься... поспеши... Знаешь, что страшней всего?

Мужчина. Что? Ты опять начала страшиться? Смотри...

Женщина. Нет, послушай. Самое страшное, это когда приходишь, хочешь исповедаться, рассказать обо всех своих деяниях. А там, представь себе, уже все, Господи, Боже мой... оказывается, уже все все знают...

Мужчина. А я думал, ты скажешь: приходи, стань со мной рядом.

Женщина. Разве я когда-нибудь говорила тебе это?

Мужчина. А разве в тот день не говорила, что боишься?

Женщина (*зевает*). Будь по-твоему, ...ой, ... ой. Глаза слипаются, будь по-твоему, ты будто говоришь: я в эту игру не играю.

Мужчина. Что? Ты, кажется, засыпаешь?!

Женщина. Я... я на белом облаке лечу к тебе. Этот сон от лекарств. Ты бы поспешил, поддержи меня за руку крепче. Иди, иди, что с тобой, где ты? Иди, все спят, и рядом со мной никого нет. Где ты?

Вновь музыка звучит громче и снова мужчина переходит световую границу, подходит и нежно, долго смотрит на якобы уснувшую Женщину, поправляет ей одеяло.

Мужчина. Спи, доброй ночи. *(Возвращается к себе.)*

Женщина. Куда? Мама, мама... где вы все?

На этот раз свет почти мгновенно гаснет и снова зажигается. Мужчина не успел даже толком вернуться к себе. Только музыка успевает умолкнуть. Другое время.

Мужчина *(в высшей степени оживленно).* ...Ты, кажется, забыла, так вот, я тебе напоминаю. Мы с тобой должны были говорить друг другу только правду. Что нам терять? Только правду. Только то, что чувствуем, думаем. Только и только друг другу то, чего никому не можем сказать. Ты забыла?

Женщина *(обессилено).* Что-то сегодня я зла на всех.

Мужчина. А я... всех ненавижу. И больше всего своих коллег по работе... Они еще ничего не знают, но рано или поздно им все будет известно.

Женщина. ...Что-то я стала злиться и на сестер, и на маму, даже на старенькую бабушку, ты знаешь, моей бабушке восемьдесят пять. Может, дело в том, что я знаю то, что знают и они. Честное слово, не знаю отчего, но что бы они ни сделали, вызывает у меня раздражение. Наверное, я не права, да?! Но нет, все правильно. Я злюсь на всех. По телевизору диктор рассказывает о погоде, а я смотрю ей в глаза, вижу в уголках глаз что-то чуждое - и мне противно. Совсем противно. Как же мы с тобой во всем схожи, Господи. Подумать только, одна и та же болезнь может приводить к схожести характеров. Как ты думаешь, это болезнь заставляет нас так ненавидеть всех? А? Как ты думаешь, это болезнь? Я же не хочу *(всхлипывает)* не хочу ненавидеть, злиться. Честное слово, не хочу. Но не могу удержаться.

Поверь, если б не ты, честное слово, мое сердце не выдержало бы? Ты веришь?

Мужчина. Верю. И со мной то же самое. Я тоже... злюсь на все. Ничто не радует. Ты не переживай.

Женщина. Ты это честно?

Мужчина. А как же, говорю, что есть. Ничто не радует. Воздух - отвратительный, не понимаю, как можно дышать таким воздухом. Люди все, ну если не все, то больше половины того... Друзья, приятели, родные - для себя, только для себя. Все уже поумнели - каждый живет для себя. Ничего, ничего не осталось. Поверь... если сейчас умру, ни капли не пожалею.

Женщина. Не говори так.

Мужчина. Почему?? Я честно говорю.

Женщина. Не говори так, Всевышнему не понравится.

Мужчина. Да что там понравится - не понравится.

Женщина. Нет, не говори так. Разве Бог только для этой жизни? Кто же выделяет тебе место на том свете, разве не Бог? Не говори так. И еще... У тебя еще есть время. Ты еще... ощутишь мое отсутствие. Еще будешь скучать по мне. Ты еще... кто знает...

Старуха с белой шалью на плечах подходит к Красному Углу, внимательно смотрит на Мужчину. Мужчина замирает.

Женщина. Что случилось? Почему ты замолчал?

Мужчина *(отстраняется от Старухи, как во сне).* Кто эта женщина, откуда она здесь появилась... Твоя мама носит очки?

Женщина. А что? Носит. В ее возрасте все носят очки.

Мужчина (*Старухе*). Простите, вы... (*Женщине*)
Это, кажется, твоя мать.

Женщина. Ты с ума сошел.

Мужчина. Она так похожа на тебя... как будто унесла твое лицо в свою старость... У твоей мамы есть белая шаль?

Женщина. Белая шаль? Есть. Ты же знаешь, что есть, и она всегда у нее на плечах... Женщина?... Среди ночи?... Мама, мама, ты где... Нет её.

Мужчина. Ну, что я говорил? Ладно, так о чем мы толковали? Пусть себе ходит.

Женщина. Я говорила, что ты еще будешь скучать по мне. Поглядите на него ...

Мужчина. Очень недолго. Не думаю, что у меня осталось много времени. Поздравляю тебя, у меня тоже боли, кажется, начинаются. Все именно так, как ты говорила. Постепенно, но неизменно нарастая. Пока болит потихоньку. (*Старухе*) Тетушка, тетушка...

Женщина. Мама, мама... С чем же ты меня поздравляешь? Не стыдно?

Старуха безмолвно проходит мимо Желтого луча света в темноту.

Мужчина. Не обращай внимания. Просто, думал, может ты забудешь о своих болях... Куда она делась? Исчезла. Какая у тебя послушная... мама...

Женщина. А как же. Вот оно что. Выходит, ты меня считаешь какой-то дикаркой. И только потому, что я сказала, будто злюсь на всех? Мама, мама, где ты была?

Мужчина. Даже и не думал. При чем тут это?

Женщина. Подожди минутку. Минутку. Мама. Я же... занята. Пусть останется. Потом.

Старуха уходит.

Женщина. Послушай. Когда ты в первый раз рассказал мне о своей болезни, это был наш первый разговор, так? Ты случайно позвонил, ошибся номером, хотел, чтобы я тебя пожалела, да, да, это было в первый раз, мне позвонил незнакомый человек и пожаловался на неизлечимую болезнь и... пожалуйста, можешь радоваться, наслаждаться – попал в самую десятку, меня просто мороз пробрал. Незнакомый человек рассказывает мне о моей беде. Мне стало плохо. Не из-за себя. Я забыла о своем горе. Потому что не верила в нее. И знаешь, вдруг после твоего признания поверила. Мне казалось, что я никогда не примирюсь, никогда не смогу в нее поверить – однако поверила. Ты заставил меня поверить. После врача я никому, даже маме не рассказывала об этом – ты был первым. И знаешь, мои глаза обрели свет. Понимаешь, будто это ты одарил меня светом. Мы с тобой без всяких слов, не сговариваясь, дали друг другу клятву. Ты согласен со мной? Каждый в своем сердце. Договорились, что у нас дня не пройдет друг без друга. Общая беда бросила нас друг к другу, не так ли?! И с тех пор ты и я...

Мужчина. Ты и я – мы в этом мире живем друг для друга. Для чего ты говоришь все это? Это все известные вещи...

Женщина. Нет, погоди. Слушай. Твои слова так повлияли на меня. Я так привыкла к тебе, так привыкла, ты будешь смеяться, только не смейся, мне казалось, что ты... мой муж, или, нет, мой брат, словом, родной мне человек. Постепенно я стала забывать о своей беде, ты понимаешь, о чем я говорю.

Мужчина. Понимаю, конечно, понимаю. Наверное, так и должно было быть.

Женщина. Так было суждено... Когда я молю Бога, а я каждую ночь молюсь ему, каждую ночь я прошу его помочь, придать сил, знаешь, кому, в первую очередь тебе. Сначала я молюсь о тебе, сначала я прошу исцеления для тебя. Ведь ты не должен был мне говорить это! Как у тебя язык повернулся?! Не поздравляй меня. Ты... ты... не будь хорошим мальчиком. Не старайся быть хорошим.

Мужчина (*растроганно*). Прости меня. Ради Бога, прости, это же была просто шутка.

Женщина. Ладно, довольно об этом. Но ты должен знать. С болью, муками, страданиями не шутят. Старайся всегда быть с ними на «вы». Относись к ним с почтением. (*Вдруг игриво.*) Договорились?

Мужчина (*радостно*). Договорились.

Женщина. Мой дорогой... Мама, мама, что ты там делаешь? Слушай, иди же, наконец, спать, ты думаешь, я не знаю, хватит стоять там, достаточно, хватит... Доброй ночи.

Желтый и Красный световые лучи движутся друг к другу и, естественно, оставляют Женщину и Мужчину в темноте и в одиночестве. Лучи света долго стоят друг против друга и когда возвращаются на свои места... Темнота. В этой темноте сначала слышатся только голоса Мужчины и Женщины, потом их лучи словно обволакивают каждого в его уголке. Новый день.

Женщина. Сегодня утром отец нашего родственника, старый был человек, шел по улице, и машина сбила его насмерть. Я так обрадовалась...

Мужчина. Вчера я заправлял машину, и словно черт шепнул мне: зажги спичку, брось в бензоколонку, заведи машину и езжай, а там пусть все сгинет...

Женщина. Вечером у мамы очень болела голова. Раньше я бы с ума сходила, а теперь, представь, мне было все равно. По-моему, как ты думаешь, по-моему... может, мы... Я так боюсь...

Мужчина. Мы... А что мы? По крайней мере, выкладываем все, о чем думаем, что на сердце, то и на лице...

Женщина. Главное дорогой, только ты и я...

Мужчина. Это так. А что ты на это скажешь – есть у меня один сосед, пришел недавно ко мне, мол, поболтать по душам. Вот даже сейчас, как вспомню, так злиться начинаю. Завел разговор о своей жене. А сам пьяный. Выпил как следует. Вижу, он все крутит, сам себя обманывает. Нет, говорит, со стороны это не видно, подумать только – со стороны, говорит, не так видно, но очень она меня любит, то есть это жена его любит. Будто я не знаю, где тут собака зарыта...

Женщина. А что случилось? Почему он так говорит?

Мужчина. Так сто процентов, что это сама же жена и послала его ко мне. На днях я видел ее с одним из этих, новых в роскошной машине, она еще растерявшись, сдуру даже поздоровалась со мной.

Женщина. Ну и что? Разве человек не может сесть в машину?

Мужчина. Почему не может?! Только она как-то так странно сидела – сначала растерялась, понимаешь, увидела меня, не знала, что делать, поздороваться или нет. Долго думала, прежде чем кивнуть.

Женщина. Это другое дело. Это уже не то. Страшное преступление.

Мужчина. Ну, вот... Ты переводишь все в шутку. А потом является ее муж и старается обелить свою жену. Разве это человек? Да это же несчастнейший из несчастных.

Сам себя обманывает – вот что самое страшное. По глазам все видно, а он, бедный, прячет глаза. И сам не верит тому, что говорит. Сто процентов – это жена его послала на разведку.

Женщина. Несчастный человек. Чего ты то от него хочешь?

Мужчина. Несчастный?! А кто из них не несчастный?! Разве его жена счастлива?! Или тот тип в красном шарфе, катающий его жену в машине, счастлив?! Он этот шарф... так обмотал вокруг шеи... небрежно... все несчастны, все они несчастны.

Мать опасливо входит, садится в сторонке, поджав ноги, слушает.

Женщина. Отец в детстве сажал меня на колени и, глядя меня по головке, говорил: моя умная девочка, моя красавица-дочка, слушай, я расскажу тебе сказку. И начал рассказывать сказку. Жили-были, начинал он. Жил один царь, и было у него трое сыновей... Отец рассказывал очень интересно, я вполуха слушала его, а в каком-то уголке моего мозга загорался желтоватый свет. (*Желтый луч, начинает дрожать, усиливается.*) Голос отца становился все тише, а в голове у меня начинали бороться голоса. Такой шум поднимался. Почему голос отца такой грустный, о чем он переживает? Мне, ребенку, казалось, что его гложет большое горе. Мне казалось, что у отца есть жестокий и сильный враг, и отец боится его. Мне его так было жаль. Он уже начинал стареть, сердце часто болело, под глазами всегда были мешки, волосы седые... Тогда мне казалось смешным, что он по утрам очень серьезно делает зарядку. Я думала, что у него есть враг, и отец все это проделывает из-за него. Видишь, какой я была... Отец очень следил за собой, всегда вовремя кушал, вовремя пил лекарства... Ни о чем

не переживал. Сейчас, когда я вспоминаю отца, мне его становится так жалко... Я поняла, он боялся смерти. Причем... как бы это сказать, очень плохо боялся, пожалкому... Боялся не по-мужски. Его врагом была смерть. С тех пор я жалею людей, боящихся смерти. Такие вот дела... Мне кажется, что только таких людей и надо жалеть. А с чего это другим быть несчастными?! Остальные не несчастны. Какие угодно, только не несчастные.

Опечаленная мать с трудом поднимается, уходит.

Мужчина. А какие же?

Женщина (*резко*). Не знаю, какие. Только не несчастные. Боже, Боже, откуда эта пелена перед глазами? В глазах словно все двоится. У тебя так бывает?

Мужчина. Говоришь, двоится?! Иногда бывает. Но потом проходит.

Женщина (*умиротворенно*). Ну и благодари Бога, что проходит. Значит, и у меня пройдет.

Под звуки несущей надежду музыки два световых луча исчезают, растворяются, словно прячутся в глубине темноты. Новый день.

Женщина. Ну, сколько можно концертов, какой канал не включишь, всюду это безобразие. Куда ни глянешь – везде концерт... Люди продали свои дома и положили деньги в банк. А банк эти деньги сожрал, даже не поперхнулся, народ в беде – а здесь каждый день концерты. Ну, разве я не права?.. Выключаю, больше не хочу смотреть.

Мужчина. У тебя что, деньги пропали?

Женщина. У меня? Почему у меня? Если хочешь знать, я с самого начала не верила этим банкам. Есть у нас сосед, бедный человек, все, что у него было, продал, а день-

ги положил в банк. Каждый месяц получал проценты. Два раза получил, три раза... А потом деньги пропали. Ну, скажи, разве такое возможно?!

Мужчина. Ты уже переходишь к политике.

Женщина. Не знаю, куда я перехожу. Только знаю, что это бессовестно. Я не права?!

Мужчина. Ну, что мне сказать?! Честно говоря... я и сам тоже немного...

Женщина (смеется). Аааа... И ты погорел?.. Подумать только, и тебя обманули, так ведь... Подумать только. Если такой умный человек как ты попал в их сети, что же делать нам, несчастным?... Чем же ты думал...

Мужчина (смеется). Эх, не напоминай. Даже не знаю. У меня совсем комедия получилась. Расскажу, будешь смеяться. Прямо сам не свой, как вспомню об этом. Будто завязали мне глаза, сам пошел, чуть ли не насильно, просил, умолял их взять мои деньги. Просто комедия.

Женщина. Эх ты. А меня двоюродный брат чуть ли не два месяца уговаривал, прямо соловьем заливался. Я ни капли не верила. А сейчас он сам погорел.

Мужчина. Ты умная девочка. Откуда мне быть таким?!

Женщина (притворяясь, что сердится). Эй, послушай, ты опять болтаешь лишнее? Разболтался. Снова начал свысока говорить со мной? Мне не к чему твои комплименты.

Мужчина. Тебе не к чему, а я нуждаюсь. А ты не слушай. Я все равно скажу это. Я, деточка, не могу не сказать, иначе у меня сердце разорвется, умру – милая, дорогая, чертенок мой, чудови... чудо мое, мечта, солнце мое, косуля моя, рыбка моя, акула, не знаю что еще. У меня словарный запас исчерпался, что знал, все выложил.

Женщина. Так мало? Не выйдет из тебя поэта.

Мужчина. А мне это и не надо.

Женщина. Вот-вот, ты и не пытайся писать стихи. Все равно не получится.

Мужчина. У меня не получится? Знаешь, какие стихи писал я в детстве...

Женщина. Ни за что не получится. Даже и не старайся понапрасну. Слушай, люди мне снова видятся огромными. И голова часто кружится. Чуть не теряю сознание. Боюсь даже дойти до другого угла, все кажется, что если меня не поддержат, упаду. У тебя так бывает?

Мужчина. Бывало. Сейчас у меня почему-то с утра до вечера голова болит, сильное сердцебиение, пульс до 120 доходит, короче, нехорошо мне...

Женщина. Доктор, он, наверное, себя очень умным считает, вчера говорил. Эту болезнь сейчас лечат так, что даже следа не остается. Он говорит, мама говорит, мама говорит, он говорит. И все это - мне... убеждают. А я сижу и слушаю их смиренно, как ягненок. После его ухода мама сидит молча, ни слова не произнося. Она молчит, и я молчу. Что я ребенок? Не понимаю разве?! Они просто жалеют меня. Считают себя умней.

Мужчина. Она же мать, что ей еще делать?! Ты не осуждай их. Я по себе сужу, тоже чувствую, состояние плохое, осталось не так уж много...

Женщина. Ты тоже чувствуешь?

Мужчина. Конечно. Иначе и быть не может. Конечно же, чувствую, не то слово. А когда окружающие начинают подбадривать меня, становится смешно, делаю вид, что верю им. Знаешь, ты их не вини. Наверное, им от этого легче.

Женщина. Нет! Нет, нет, нет, нет. Я им не дитя. Бабушка уже ослепла от слез, мама вся извелась, тает прямо на глазах, сестры... у них все на лице написано, а при мне

они только притворяются, смеются. Надо быть последней душой, чтобы... Они все понимают, не могут обманывать меня, но держатся так, будто тоже верят, что я им верю. Фу, совсем запуталась.

Мужчина. Нет, погоди, не путайся. Дай им возможность. Зачем ты отталкиваешь их от себя. И тебе будет легче. Разве так не лучше?

Женщина. Мне и так легко оттого, что есть ты. Мне этого достаточно. Я не права?

Мужчина. Права. Только...

Женщина. Только мы же условились. Последним будет мой звонок. После моего последнего звонка ты больше звонить не будешь. Не будешь искать меня. Хорошо?

Мужчина. Хорошо.

Женщина. Я, кажется, расстроилась.

Тихо начинает звучать музыка. И опять темнота постепенно поглощает их и снова все пронизано «последним вздохом». Темень длится, пока звучит музыка. А потом лучи, как и люди, снова занимают свои места. И опять другой день.

Женщина. Послушай, ты веришь в загробную жизнь?

Мужчина. Верю.

Женщина. А я нет.

Мужчина. Лучше верить.

Женщина. Почему?

Мужчина. А почему это ты не веришь? У тебя есть основание не верить? Нет. Поэтому ты должна верить.

Женщина. А у тебя есть основание?

Мужчина. И у меня нет.

Женщина. Странно. Так, говоришь, я должна верить?

Мужчина. Верь. Если не веришь, будет трудней. Мы еще не раз там будем встречаться друг с другом. Загробная жизнь есть!

Женщина. Будем встречаться? Может, еще и по телефону будем перезваниваться? «Загробная жизнь есть»... Как зеленый остров...

Мужчина. Будь ты поумней, мы бы давно встретились. Мы же живем не так далеко друг от друга. По вечерам иногда выходили бы из дома, гуляли в Зеленом парке. А? Что скажешь? Кто-нибудь есть рядом с тобой?

Молчание.

Женщина. Я не выхожу из дома. Разве я не говорила тебе?

Мужчина. С каких пор?

Женщина. Уже с неделю.

Мужчина. ...

Женщина. Почему ты замолчал?

Мужчина. Ты не должна была скрывать это от меня. А говорила, что недавно с подругами...

Женщина. Я обманывала. Извини. Сейчас я, дорогой, под капельницей. День и ночь в меня вливают кровь. Мне это так надоело. Хочется разнести все вдребезги. Честное слово, мне просто жалко домашних. Пусть они потом утешают себя тем, что сделали все, что в их силах. *(Шутливо.)* Дорогой, ты чувствуешь плоды своего воспитания?

Мужчина. Чувствую. Другой такой, как ты, нет.

Женщина. Есть. И много. Причем, здоровых, красивых, молодых, искренних... Их так много... А, может, и нет, я не знаю. Говоришь, нет. Значит, нет. Ты шутишь, а ведь и вправду нет. Ты знаешь, как я всех любила? Знаешь, сколько я убивалась ради них... ради каждого? Знаешь...

Мужчина. Знаю, успокойся.

Женщина. А сейчас я всех ненавижу. Почему именно я? Ты, можешь сказать, почему это мне было суждено?! Почему я боюсь сейчас вытянуть руку и разбить эту капельницу. Думаешь, я боюсь из-за мамы?! (*Мать хочет войти.*) Нет, не сейчас, потом, потом. (*Мать уходит.*) Нет. Нет, дорогой, не из-за мамы, кажется, я боюсь за себя. Еще немного. Еще. Еще денечек. Тебе смешно? У тебя бывает такое? Когда жаждешь еще минуты?!

Мужчина. Бывает.

Женщина. Да?! Я думала, что только я такая. Но нет, и ты в моем положении. И для тебя существует – раньше или позже. Увы. И еще раз увы, но и ты идешь моей дорогой. Идешь за мной. Как же это мы нашли друг друга? Помнишь, когда ты рассказал о себе, я... вдруг ты стал для меня самым родным человеком. Как сближает беда. Господи, как сближает людей боль. Я рассказывала тебе о своих болях. И ты говорил, что они тебе хорошо знакомы. Господи, я и радовалась, прости, ради Бога, прости меня, я и радовалась, и в то же время сердце рвалось на части...

Мужчина. Успокойся. Возьми себя в руки. Что здесь такого?!

Женщина. Разве такое возможно?

Мужчина. Возможно, конечно, возможно.

Женщина. Невозможно.

Мужчина. Невозможно – так невозможно.

Женщина (*раздраженно*). Не успокаивай меня.

Мужчина. Ладно. Ладно. Не мучай себя...

Женщина. Я сказала, не учи меня. Неизвестно еще... может, этот доктор и говорил правду, может, все это мне кажется, как кажется, что все перед глазами двоится. Кто знает. Может, все изменится. У всех все изменится? Да?

Мужчина вздрагивает.

Женщина. Что ты сказал?

Мужчина. Ничего. Разве я всегда не твержу тебе это? Конечно, кто может знать?

Женщина. Ну что ты за человек?

Мужчина. А что?

Женщина (*недовольно и раздраженно*). Ну что ты за человек? Можно узнать, почему ты должен жалеть меня? Лучше себя пожалей. Ты недалеко от меня. Совсем недалеко, не забывай, ты идешь за мной. Твое дыхание уже щекочет мне затылок. Я чувствую твое горячее дыхание. Твой голос, я по голосу чувствую, почему ты стараешься скрыть от меня свое состояние. Считаешь, что ты сильный? Но голос, твой голос выдает тебя. Он говорит, дорогой, что чувствуешь ты себя не очень-то хорошо. И сам ты знаешь это. Ну, как тебе это нравится?

Мужчина. Тебе это не к лицу.

Женщина. Мне не к лицу?

Мужчина. Говорить так...

Женщина. Что ты сказал? Ты что сказал? Что мне не к лицу???

Мужчина. Может...

Женщина. Мне не к лицу... Откуда тебе знать, что мне к лицу, а что нет? Откуда тебе знать? Ты... да кто ты такой?!

Мужчина. Я? Знаю. Я знаю только одно, что ты не такая. Ты не можешь быть такой. Это я знаю. Не можешь быть такой, даже если захочешь. Не будь, не будь такой. Никогда не будь такой. До последнего вздоха не будь такой. Скажи что-нибудь. Скажи, что ты не такая. Не будешь такой. Никогда. Скажи. Говори. Я прав? Ты согласна? Согласись, согласись со мной... скажи мне...

Женщина (*огорченно и нежно*). Согласна ли я?! Все хорошо.

Мужчина (устало). Вот так. Все хорошо.

Вновь все погружается в темноту. «Этот раз» отличается от предыдущих тем, что он «последний». Снова два луча света и снова эти два самых пресамых обыкновенных человека.

Мужчина (в его руке письмо). Знаешь, вчера я написал тебе письмо. Хочешь, прочитаю. Если не хочешь...

Женщина. Написал мне письмо? Зачем, разве мы и так каждый день не разговариваем? Для чего же еще писать письмо?

Мужчина. Так. Не знаю. Просто сидел, и вдруг слова пришли сами собой и стали выстраиваться на бумаге. Не хочешь, так не надо. Не буду читать.

Женщина. Ну да, а потом целую неделю будешь дуться. Так мне дороже обойдется. Читай. погоди. Постой, я лягу поудобней. Одну минутку. (Входит мать, помогает ей и быстро уходит.) Спасибо. Все хорошо. Спасибо. Это лекарство капает по капле, Господи, кажется, эта бутылка никогда не опустеет. Ага, вот так. Итак, значит, ты написал письмо?! Ну что ж, я готова, читай. Я слушаю.

Мужчина. Знаешь, человеку кажется, что на бумаге легче написать слова, которые не сможешь произнести, бумага для тебя полностью раскрыта, распростерта, белая, перед тобой, остается только...

Женщина. Овладеть ею...

Мужчина. ...Остается только высказать ей. Спасибо тебе...

Женщина. Ну, читай же, что там написал, не томи.

Мужчина. Слушай. Начинаю. Начать? Начал. Хочешь, даже закрой глаза. А, может, не надо?

Женщина. Ты меня совсем достал. Ну, вот, закрыла глаза. Начинай.

Мужчина. Ты готова?

Женщина. Готова.

Тихо звучит грустная мелодия.

Мужчина (читает). «Моя дорогая и любимая собеседница. Здравствуй. Мы с тобой каждый день говорим по телефону, некая невидимая сила притягивает нас друг к другу, мы смеемся, грустим, даже бранимся, ты упрекаешь меня, я упрекаю тебя, мы ссоримся, миримся. Однако... Ты, наверное, уже почувствовала, что последует за этим «однако». Однако, дорогая, мы с тобой ни разу не встречались. Мы не видели друг друга. Ты не видела меня, я не видел тебя. В то же время я отчего-то не могу себе представить людей, роднее и ближе, чем мы с тобой. В первый раз я даже не знаю, для чего, почему рассказал тебе о своей беде. Я тосковал по незнакомому, неизвестному мне, но родному дыханию. Я благодарю тебя. Этим дыханием оказалась ты...

Молчание. Мужчина расхаживает по комнате. Остаток вливается.

...Ты преподала мне урок терпения и выдержки. Ты научила меня стискивать зубы и не выплескивать боль наружу, научила привыкнуть к боли, смириться с мукой и страданиями.

Ты меня многому научила.

Помнишь, мы дали друг другу слово: что бы ни было не предавать истину, нашу истину. Не предавать искренность. У нас общее страдание, и ты, и, естественно, я, в этом мире лишь гости. Да, наши дни сочтены. Поэтому мы будем говорить то, что думаем, что чувствуем, что приходит нам в голову.

Ты смелая женщина. Поверь, я говорю это тебе от имени всех мужчин. Ты умеешь смеяться, мучаясь от боли, в ожидании последнего дыхания стараешься дать надежду другому, ты - Женщина с большой буквы.

Моя дорогая! Господь свидетель, я сделал все, от меня зависящее. Старался чем-то заполнить каждый твой день. Что я мог еще сделать, что я могу еще сделать, чтобы не оставить тебя одну, когда уходят доктора, твоя мама, сестры, дядюшки, тетуськи, старающиеся обмануть тебя?

Твоя боль стала и моей болью, твоя беда, правда, стала и моей. Даже если бы и я не был безнадежно больным, вряд ли смог и хотел бы жить после тебя.

Если можешь простить меня, прости. Не знаю почему, но мне кажется, что я в чем-то очень виноват перед тобой, хотя и не могу понять, в чем эта вина заключается. Кому-то плохо, кто-то страдает – мне кажется, что виноват в этом я. Я все понимаю, ты смеешься, болтаешь, стараешься показать, что еще жива и наслаждаешься жизнью – и все это ради меня. Одного не могу понять – в чем моя вина, и вообще – есть эта вина или ее нет. Не знаю, как написать это, может, я и не мог бы поступить иначе. Не знаю, для чего пишу все это. Однако ты простишь меня. Знаю, что ты простишь меня.

Может, мне не следовало писать все это. Ведь все, написанное здесь, я не раз говорил тебе, мы столько раз обсуждали все это, что уже надоели друг другу. Для чего же я пишу это письмо?! Почему я не могу произнести, но читаю написанными эти слова?!

Музыка стихает. Тишина.

Прости меня, и еще раз прости меня. Если я в чем-то провинился в этой жизни или в той, то ты вместо меня попроси о моем прощении...

Тишина.

Все. Я закончил. Почему ты молчишь? Довольно ли?

Женщина (словно внезапно все поняла). «Я не мог поступить иначе. Я не мог поступить иначе. Прости меня». Интересно. Ты просишь о прощении. Вот оно что. Ишь, ты... Помнишь, что рассказал ты мне однажды?! Как ходил навестить больного друга.

Мужчина. Ты ответь мне. Довольна ли, я сказал, довольна ли?

Женщина. В то время состояние твоего больного друга ухудшалось, а другой ваш общий друг, тоже присутствующий там, болтал о своей бодрости, здоровье, об удовольствиях... Бог еще знает, о чем...

Мужчина. Постой, постой. Что ты хочешь сказать?! Ты забыла о письме и говоришь о...

Женщина. Больной ни слова не говорил, и вдруг ваш друг замолчал, поняв, наконец, свою оплошность. Ты так и выразился: «Какой же это великий грех, находясь рядом с больным, кичиться своим здоровьем». Я тогда не обратила на это внимание...

Мужчина. Ты мне скажи только: «Довольна ли ты?» Скажи это и закончим наш разговор.

Женщина. Я только теперь поняла. Я только теперь все поняла. Твое письмо мне все открыло. Ай-яй-яй... Подумать только. Ты просишь о прощении? Ну и ну! Я действительно, была глупенькой, как ребенок. Я была дитем, несмышленищем... Какой же ты хороший мальчик... Ты... как ты смог сделать это? Как ты смог придумать такую громадную ложь о себе?

Мужчина. Довольна ли ты?

Женщина. Какая же у тебя «тонкая» душа. С такой душой... Как ты сможешь дальше жить? Мой дорогой, мой

единственный, неповторимый, как же ты сможешь жить после этого? Ведь вся эта комедия такой непосильный груз для одного человека... Как же ты сможешь жить, если не уходишь? Ты, действительно, конец, точка. Точка. Ты не смог стать «и»...

Мужчина. Скажи мне: довольна ли?

Женщина. Только это?! Это и есть панацея от всех бед? Пусть, я не возражаю. Хочешь, чтобы я сказала это, получай. В этот раз я ничего не попрошу у тебя взамен. Забирай. Довольна ли, говоришь? Довольна ли, дово... (*Женщина умолкает, свет над ней гаснет.*)

Мужчина. Доволен ли, до... до... хотя бы прекратился этот проклятый дождь, не похоже, чтобы он прекратился, этот дождь... Так и будет лить тысячу лет. И с крыши снова стало протекать... Что-то я забыл какое это было слово: доволен или дождь?.. Откуда это слово засело у меня в голове, на языке, дождь, конечно дождь, дождь ли... довольна ли???

Кажется, опять начинается дождь. Все лучи гаснут. Пока не затихли голоса.

Конец

Баку, 1997

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ПТИЦА СИМУРГ БЫВАЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ ?!

драма в двух частях

Действующие лица:

Капитан
Голос
Владелец острова
Сказочник
Офицер
Падишах
Красавица
Принц
Визирь
Палач
Див

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Обычная комната. На стене висит сеть. Диван, книжная полка, в углу стол. Посреди комнаты возвышается нечто, укрытое, напоминающее стол. В темноте со свечой в руке входит Капитан, ставит её на стол. Вдруг вспыхивает свет. Капитан поспешно гасит свечу.

Капитан. Проклятье, то гаснет, то горит. И всё как бы не по настоящему. Ну и жизнь (*подходит к окну, смотрит на улицу*). Сплошная темень. Однако какая жара будет завтра. Звезды совсем низко, будто над головой. Никогда они не опускались так низко. А эта – стоит протянуть руку и можно коснуться ее. Дорогая, может, пожалуешь в дом, будешь гостьей. Ну и жизнь. Дорогу, укажите дорогу. Иначе... (*отходит от окна*). И от него никаких вестей. Прямо умрет, если одолеет один этаж. Ну и черт с тобой, не приходи. Все равно я буду не я, если не заберу его у тебя. (*Начинает приводить в порядок стол.*)

Время

Все же хорошо на последнем этаже. Просто замечательно. В самом деле. Лучше всего, когда выше тебя никого нет. Легкий стук (*стучит ногой по полу*) и внизу хоть высе ляйся. И больше не возвращайся. А наверху – никого, ничего. Только ощущаешь воздух. И свист ветра. И... звезды. Ну, погляди на нее, словно и она видит тебя. Стоит протянуть руку и достанешь.

Дорогая, может, действительно поможешь ко мне в гости?

Звонок в дверь.

Наверное, это он. Кому же еще быть? Ишь, как быстро объявился. Еще бы не придти. И придешь, и принесешь. (*Идет открывает дверь, входит Офицер.*)

Офицер. Здравия желаю, товарищ, мистер, бек ... ты один? А я думал, здесь целая рота солдат? (*Оглядывается по сторонам.*)

Капитан. Здравствуй, здравствуй, нет здесь никого. Не веришь? Ну и как?

Офицер (*с подозрением смотрит на укрытый стол*). Под ним ничего нового? Скажи, как насчет холоденького пива в эту жару? Я только что поставил в холодильник целую банку. Пусть остынет немного, принесу, выпьем. Вобла у тебя осталась? Слушай, может, спустимся вниз, к нам?

Капитан. Не хочу. Ну, почему опять подвел?

Офицер. Ради Бога, давай спустимся вниз, ну что за топот ты здесь поднял? У меня чуть люстры не обвалились. Я уж подумал, что ты переезжаешь. Ты что перестановку делал? Говорил же, притащу тебе эту штуковину, значит, будь она не ладна, принесу. Что ты выходишь из себя? Пива? При чем холоденького. А?

Капитан. Спасибо. Что ты там ищешь...

Офицер хочет стянуть со стола покрывало. Капитан подбегает к нему, хватая за руку.

Офицер. Ну, дай мне взглянуть еще разок.

Капитан. Мы ведь однажды с тобой говорили об этом?

Офицер (*подносит палец ко лбу*) Ну, не хватает, клянусь, не хватает. Не хватает тебе только якоря. Но я прине-

су. Вот пристал – якорь, якорь. Честное слово, здесь и без якоря – настоящий корабль. Зачем тебе нужен еще якорь? Ну, скажи, пожалуйста, для чего тебе якорь?

Капитан (*серьезно, нахмурившись*). Когда подплываешь к цели, надо суметь остановиться или нет?

Офицер (*внимательно смотрит на Капитана, словно хочет сказать: «Ты неисправим»*). Ладно, ладно, не дуйся. Завтра этот якорь – сто процентов – будет здесь. Плыви себе, куда хочешь. Но, честное слово, тебе он ни к чему. Ты же не остановишься...

Капитан. Знаешь...

Офицер. Ясно, ясно. Все знаю. Трижды обманывал тебя. Но и ты пойми. Это же не штурвал и не сеть. Это якорь, понимаешь, якорь! Думаешь, его так легко вытащить? Мне обещали на сегодня, но не получилось. Ну что я, бедолага, могу поделаться?

Капитан. Да разве я что говорю?! Просто и я должен знать, когда...

Офицер (*подтрунивая*). Ну еще бы, ты же должен знать точное время отплытия. Не шутка ведь – в море выходишь. Заплывешь еще на другой конец света.

Капитан. На другой конец?.. Я не против.

Офицер (*смотрит на него со странным восхищением*). Живешь себе потихоньку, день за днем. Никого не трогаешь, никто тебя не трогает. Честное слово, ты прав. Человек должен чем-то занять себя. Особенно в наше время. Иначе...

Капитан. Ты, кажется, не понял...

Офицер (*вдруг приходит в себя, шутливо*). Есть, товарищ Капитан. (*встает по стойке «мирно», отдает честь*).

Капитан (*вдруг обессиленно, почти шепотом*). Довольно.

Офицер (с прежней интонацией). Слушаюсь, товарищ Капитан.

Капитан (чуть ли не умоляя). Ничего не надо. Воблу заберешь?

Офицер (с прежней интонацией). Есть, товарищ Капитан.

Капитан (смотрит на него). Я... считал тебя человеком. (Вдруг срывается на крик.) Забирай! (хочет сорвать сеть) И это забирай, не нужно мне. Забирай.

Офицер (подходит, приближает его). Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя. погоди. Хватит. Довольно, тебе говорю. Давай спустимся к нам. Ради Бога, с чего ты стал все крушить? Ты же хотел дать мне воблу. Где эта вобла? Оказывается, что ты совсем скупой. Ай-яй-яй...

Капитан без сил садится на диван.

Офицер. Шуток не понимаешь? Ишь, какой обидчивый. Ну, ладно, давай воблу и я уйду. (Капитан не реагирует.) Ты просто гонишь человека. Для тебя гость все равно что враг.

Капитан. Вобла за окном. Забирай.

Офицер (подходит к окну и достает небольшую воблу). Такая громадная вобла? (иутливо) Отлично, отлично. Честное слово, спасибо. Ты поймал ее в Атлантике? Это же почти акула.

Капитан (хочет рассердиться, но сил нет, тихим голосом). Да, в Атлантике.

Офицер. Обещаю, завтра стопроцентно приволоку. Стопроцентно. Закинешь его здесь – и будет лучше настоящего корабля (подходит к сети, поправляет ее). И без того – настоящий корабль... (выглядывает в окно) Ты словно посреди моря... Плыви себе, сколько пожелаешь.

Капитан. Ладно, до свиданья.

Офицер. Не спустишься к нам? Ну что ты нашел в этом одиночестве. Пригласи кого-нибудь. Пусть люди приходят к тебе. Что с тобой?

Капитан. Ничего, ничего. Голова заболела, пройдет.

Офицер. Как тебе что-то не по нраву, тут же хватаешься за голову. Ладно. Я пошел. Иди, закрой дверь. И не бери в голову. Море – страшная вещь. Раз притянет тебя, уже не отпустит. Ни за что. Все остальное ерунда.

Капитан. Ясно, ясно.

Офицер. Знаешь... (хочет что-то сказать, но не говорит). Бог тебе судья. Иди, закрой дверь (уходит.)

Капитан встает, закрывает за ним дверь. Возвращается, снова садится на диван. Встает, смотрит в окно. Комнату озаряет свет вспыхивающего и гаснущего маяка. Не находя себе места, Капитан подходит к сети, поправляет ее.

Капитан. Что это было? Или мне почудилось? Нет. Ничего такого. А если бы было, то было бы не так (напевает, чтобы подбодрить себя).

Жизнь моя иль ты приснилась мне?!

Ведь все же мне это показалось. Нет, здесь что-то есть. Будто есть, и в то же время – нет. Разве так должно было быть? (Вдруг застывает, шепчет в страхе.) Кто ты?

Свет маяка гаснет. В темноте Капитан кое-как подходит к столу, находит свечу, зажигает. При свете свечи на Капитана надвигается тень меча.

Капитан (в страхе). Что это? Кто ты? Во имя Господа...

Звонок в дверь. Тень меча исчезает.

Капитан. Во имя Господа. Света нет, тогда откуда же этот звонок? *(тихо, словно сам себе)*. Кто ты? Отзовись.

Молчание.

Капитан. Что это там мелькнуло? *(подходит к окну)*. Это ветер воет. И море вот-вот выйдет из берегов. Зажглось. Зажглось. Наконец-то показалось. Ох! Вот же она - дорога. Наконец показалась. Кажется, время. Время.

Ты по ту, я по эту сторону,
Плачь громко, плачь.
Мир это – пуля, а жизнь мишень
Плачь погромче, плачь.

Зажглось. Во имя Господа. Зажглось. Время. Во имя Господа. Помоги же всем одиноким, заплутавшим в пути, жаждущим помощи. Во имя Господа. Аминь.

Капитан срывает покрывало с предмета, напоминающего стол. Свет маяка вновь то вспыхивает, то гаснет. При этом свете из-под сорванного покрывала появляется штурвал корабля, капитанский мостик. На мостике бинокль, фуражка, кортик. Капитан переодевается, надевает тельняшку, фуражку, берет бинокль, вешает на пояс кортик. Он уже на мостике. Воет ветер, слышны удары волн о борт корабля. Отовсюду на корабль падают звезды. И неясно – плывет ли он по морю или парит в небесах? Свет маяка гаснет. В темноте удары волн.

Картина вторая

При свете звезд, падающих на корабль, Капитан словно ведет корабль. Ему явно слышится бравурный марш, до нас же доносятся дрожащие звуки грустной сентиментальной мелодии. И по мере того, как мелодия звучит громче, из-под стола, как из волшебного ларца, появляется Владелец острова. Владелец острова подходит и опечаленно смотрит на Капитана, потом садится на пол, поджав ноги.

Владелец острова. Наконец-то приплыл. Я надеялся, что он доплывет. Теперь можно начинать. Сердце человека всегда полно странных надежд. И живет он потому, что верит во что-то. Нас обманывали с детства, и мы верили в отважных героев, черных дивов, гурий, шутов. Кто рассказал первую на земле сказку?! Кто были первые слушатели этой сказки?!

При этих словах Владельца острова из-под стола выскакивает Сказочник. Не обращая ни малейшего внимания на Капитана, садится рядом с Владельцем острова.

Сказочник. Кажется, ему не остановить корабль. Что с ним будет? Надо что-то предпринять.

Владелец острова. Послушай меня. Все будет хорошо. Он нашел нас. Это уже хорошо. Слушай. Я с тобой разговариваю. Невозможно жить в сказке, хранить ее в душе до последнего мига. Приходит время, и ты просыпаешься. И тогда почему-то начинаешь ненавидеть не ту силу, что пробудила тебя, а сказку. Понимаешь, что сказка ничего тебе не дала. Она лишь обезоружив, лишив воли отправляет тебя в мир, кишачий драконами и дивами... Разве я не прав?

Сказочник. Не знаю. Мне известно одно – люди, живущие в сказочном мире, счастливы. Сказочники – счастливые люди. И слушать сказки – счастье: ты ничего не ждешь от этой жизни и ничего не можешь дать ей. Все заходит за красивый тюлевый занавес, сейчас за ним старухи и плешивые, жестокие падишахи и юные принцы, красавицы и палачи, белые и черные дивы, коварные визирь ждут начала сказки. Кажется, они уже пришли...

По мере того, как он говорит, из-под стола один за другим выходят Падишах, Принц, Красавица, Визирь, Палач, Див. Падишах властно проходит вперед. Рядом тут же возникает Визирь с покорно сложенными на груди руками. За ним появляются Палач с мечом на плече (не тот ли это меч, тень которого недавно являлась Капитану?) и Див с цепью на шее, они становятся рядом с Визирем. Входит Принц со связанными руками, появляется Красавица, которая с особым кокетством проходит перед Сказочником и Владельцем острова, становится рядом с Падишахом, потом, передумав, встает рядом с Принцем.

Владелец острова. Для кого эти игры?

Звуки марша усиливаются. Свет звезд застывает на Капитане.

Сказочник. Разве ты не знаешь? Ты, владелец такого большого острова. И ты не знаешь?

Владелец острова. Я уже боюсь людей, которые знают все. Эти люди очень опасны. Кто так жестоко обманул нас заставив поверить в то, чего никогда не было, нет и не будет? Кто это, что за неведомая и страшная сила хотела помешать нам расти и жить, мечтала вечно убаюкивать нас колыбельными?! Куда делись те, кто разыгрывал

перед нами эту прекрасную сказку? Их словно и не было никогда. Может, действительно, ничего не происходит за тюлевым занавесом? (*Указывает рукой на Капитана.*) И никто не виноват?! Может, это я, Владелец острова и был единственным автором этой сказки? А все они лишь бессмертные тени острова, которым я владею? (*Встает, подходит к Падишаху.*) Ты падишах? (*Принцу.*) Ваше высочество... (*Визирю.*) Визирь? (*Красавице.*) Ты ангел небесный... (*Смотрит на Палача, вздрагивает.*) Ясно. (*Диву, огорченно.*) А ты страшилище, не так ли? (*Подходит к Капитану, смотрит на него, словно говоря сам себе.*)

К ранам на сердце своем
Ты придешь, задыхаясь,
Поразишься тайнам этого мира,
Погрузишься в глубокий океан раздумий.

Журавлиный караван как надежда в небесах
Кто сказал, что существует Птица-Феникс?
Надежды утрачены нашей жизни,
Словно снег они сыпаются с небес.

Мечты твои, обретя речь, станут молить,
Дай нам, скажут наконец, какую-нибудь игрушку.
Что с того, что ожидаемое станет былью,
Дай мне то, чего не будет.

(Возвращается и снова садится на пол, поджав под себя ноги. Шепотом:)

Кто сказал, что существует Птица-Феникс?..

Сказочник. Кто сказал, что существует Птица-Феникс???

Падишах, Визирь. Красавица, Принц, Палач. Див, переглянувшись и, перебивая друг друга, спрашивают: «Кто сказал, что была Птица-Феникс? Отойдите, отойдите, прячьтесь. Идет. Идет».

Падишах и Визирь, Палач и Див, Красавица и Принц парами расходятся в разные стороны и осторожно прислушиваются. Музыка стихает. Свет звезд гаснет. Капитан на мостике. Он с удовольствием вертит штурвал. Потом из всех сил крутит его в последний раз, радостно спрыгивает с мостика в комнату. И вдруг словно оказавшись в совершенно другом месте, с удивлением оглядывается.

Капитан.

Ты по ту сторону, я по эту,
Плачь погромче, плачь.
Мир – пуля, жизнь мишень
Плачь погромче, плачь.

Что за дорогу указали мне звезды? Неужели я приплыл сюда? Постой. Постой. Вроде вдаль виднелась какая-то точка. Что это, остров? Далекый, зеленый остров? Все это сказка, легенда. *(Смеется.)* Нет, это остров. То есть... Может, в книге что-то написано об этом острове? Погляди-м. *(садится за стол, снимает с книжной полки толстый фолиант, листает.)*

Владелец острова проходит на середину комнаты. Смотрит на Капитана и подзывает прижавшиеся по углам тени. Все собираются вокруг него. Кроме Сказочника.

Владелец острова. Идите, идите сюда. А он куда делся? Он же стоял здесь. Нет, сидел. А, вон где он... Кажется, он что-то хотел сказать. Казалось, ему было что сказать.

Падишах. Ну что? Начнем? У нас не так уж много времени.

Визирь. Ваше Величество прав.

Падишах. Начнем. Мы все здесь.

Визирь. Верно изволите говорить, Ваше Величество.

Владелец острова. Что я могу сказать? Раз говорите, начнем... только что вы собираетесь делать... Ведь мы же его сказка. Сделайте так, чтобы...

Падишах. Тут трудно знать. Может, это он – наша сказка.

Визирь. Ваше Величество, как всегда, прав. Увидите, в конце так и случится.

Вдруг к ним торопливо подходит Сказочник.

Сказочник. Что вы заладили «начнем», «начнем»? Еще рано. Не время. Всему свой час. «Начнем», «начнем»...

Владелец острова. Вот, видите?

Падишах. Я ничего не понимаю. Я удаляюсь.

Визирь. А мы? Без вас ведь мы никто.

Принц. А я? Так вот и останусь? Не бросайте меня одного.

Красавица. Нет, давайте останемся все. Здесь так красиво...

Палач. Если для меня нет работы... *(Подходит к Принцу. Хочет развязать ему руки.)*

Визирь. Не спеши. Что это ты стал таким нетерпеливым?

Див (Палачу). А мои раны ты не перевяжешь? Ведь обещал.

Владелец острова (*Сказочнику*). Видишь? Все смешалось.

Сказочник старается успокоить остальных.

Сказочник. Ваше Величество, не спешите. Погодите. Спокойней. Ладно, я не против. Вы сами предложили. Это ваше решение. Я не против, начнем.

Слышатся скорбные, сентиментальные звуки музыки. Под эту музыку Сказочник продолжает говорить.

Владелец острова (*Шепчет*). Тише. Слушайте, Ваше Величество.

Сказочник. Ладно, начнем. Поглядим, кто - чья сказка. (*Подходит к Падишаху.*) Всюду, Ваше Величество, где есть жизнь, там неподалеку таится и смерть. (*Красавице.*) Всюду, где красота, (*указывает на Дива*) рядом - уродство. (*Визирю.*) Разум соседствует с невежеством. (*Принцу.*) Отвага шагает рядом с трусостью. (*Подходит к Капитану.*) Как и Добро со Злом. Как милосердие с жестокостью. Как свет и тьма. Как человек и просто существо (*Постепенно проходит на середину сцены.*). И когда настанет день и всем опостылеет это совместное существование, когда люди захотят отдохнуть друг от друга, когда они разойдутся и каждый пойдет новым путем, очень мало найдется тех, кто захочет построить мир света, милосердия, доброты и жить в этом мире. На словах все будут стремиться к этому миру. А на деле... Почему? Отчего? Из-за чего? В чем причина? (*Визирю.*) Отчего смысл отпущенного нам срока жизни мы видим в том, чтобы отравлять существование ближнего, (*Палачу*) убивать друг друга? Да сними ты с него (*указывает на Дива*) этот ошейник, пожалей его. (*Вновь оборачивается к Визирю. Тот шаг за шагом отступает в глубь сцены.*) Отчего Зло внутри

нас побеждает живущее в нас Добро? Отчего тьма построена на отрицании света? (*Берет Красавицу за руку, выводит ее на середину сцены.*) Кто сказал, что дьявол непременно должен принять обличие безобразной дряхлости? Почему ангелы Добра и Красоты не могут совладать с Дьяволом? Отчего Бог не соединит две эти противоположности? Почему окружность не замыкается? А может, нам и не нужна замкнутость круга? Быть может, если круг замкнется, мы увидим, что добро вовсе не добро, а зло, что свет - это тьма, а милосердие - жестокость?

Музыка стихает.

Падишах. Неужели это действительно так?

Визирь. Ваше Величество. Я рассказал вам все как есть. Это мой долг.

Падишах (*Сказочнику*). Так укажи, что мне следует сделать? Какой приговор я должен вынести? (*Смотрит на Принца.*) Одна ошибка, всего одна ошибка, и всю жизнь можно скинуть, как ненужное тряпье.

Сказочник. Эх, все о чем мы ведаем ничто в сравнении с тем, что пришлось ему пережить (*указывает на Капитана. Падишаху*). Говоришь, ошибка? А без ошибки не проживешь. Не получится.

Падишах (*Владельцу острова*). Хоть ты скажи мне. Ошибаюсь я или нет? Почему вы все молчите? Кто укажет мне это? Кто знает это?

Принц подходит к Падишаху, опускается перед ним на колени, трется головой о его колени. Падишах невольно, словно вспомнив что-то далекое, начинает гладить его по голове. Палач и Див не могут сдерживать слез. Красавица удивлено смотрит на Визиря. Визирь подталкивает ее к Падишаху. Падишах, уви-

дев Красавицу, вдруг словно пробуждается, отворачивается от Принца.

Владелец острова (*Падишаху*). Ошибаешься ты или нет? Может быть. Кто знает?! (*Помогает Принцу подняться, отводит его на прежнее место. Вновь звучит грустная музыка. Возвращается к Падишаху.*) Но он, ведь частица ваша... (*Палачу*) Сказано тебе, ослабь немного ошейник этого бедняги, он же задыхается. (*Падишаху*). Как вы можете поверить?!

Красавица (*Принцу*). Будущее словно боится приблизиться к нам.

Принц. Оно боится растаять, исчезнуть, обратиться в ничто на широкой и темной груди нашего «героического» прошлого.

Палач (*Успокаивает Принца и Красавицу*). Успокойтесь, успокойтесь, не бойтесь.

Див. Не бойтесь. Верьте ему (*Указывает на Палача*). Он милосерден.

Красавица (*Принцу*). Мы живем, словно барахтаясь один в другом. Разделимся, ты стань собой, а я – мной. Мы даже не видим друг друга – расстанемся! Есть же границы слияния. Я не знаю, куда ты пропал. Ты не знаешь, где я. Как мы любили друг друга. (*С ненавистью смотрит на Визиря.*) Как мы ненавидим друг друга.

Визирь подходит к Падишаху.

Падишах (*Визирю*). Что поделать? Нельзя же насильно...

Визирь. Ваше Величество! Наконец она сказала. Призналась... Вы слышали?

Падишах. Молчи. Не нужно лишних слов.

Палач (*Подходит к Падишаху*). Ваше Величество...

Падишах. Нет, Палач. Нет. Не спеши. Не спеши...

Вспыхивающий и гаснущий свет маяка вновь освещает Капитана. Он отрывается от книги, и словно считает своим долгом произнести единым духом, не сознавая кому он это говорит:

Капитан. Я не понимаю. Есть же люди, мечтающие совершить величайшие подвиги, и они совершают их. Есть же люди, живущие тихо, просто идущие своим путем. У каждого свой удел.

Сказочник подходит к Капитану. Свет маяка гаснет. Капитан под взглядом Сказочника вновь опускает голову, погружается в чтение.

Палач. Интересно, прав ли он? Эх, этот бранный мир...

Див. Похоже, он хороший человек... (*Палачу*). Что с тобой?

Палач (*Трет рукой сердце*). Знал бы ты, какая здесь мука? Мука, настоящая мука. (*Чуть расслабляет ошейник.*) Тебя не натирает?

Див. Спасибо. Какая у тебя тонкая душа... Редко встретишь такого человека. Спасибо. Ты... Ты... Что ты делаешь?

Палач, как во сне подходит к Принцу, хочет развязать ему руки.

Визирь (*Палачу*). Ну, ну, не усердствуй, подумай. Не увлекайся, сынок, я тебе друг. Не забывай этого. Помни это, даже если захочешь забыть.

Палач (*придя в себя, опомнившись*). Ты думаешь, это так легко – не помнить. (*Принцу*) Тебе не повезло, потому что он (*указывает на Визиря*) постоянно напоминает мне от-

ца. Хочу или нет, но я на всю жизнь связан с ним. Я всегда помню, что он протянул руку помощи отцу, мне. (*Указывает на Дива.*) И он в подобном же положении.

Див (*Принцу*). Так оно и есть. Честное слово. Он не дал тебе убить меня. Ты едва не прикончил меня. Помнишь? А он не позволил тебе. Какая ни есть, но это тоже жизнь. Я прощаю тебя. И ты прости меня.

Палач (*Принцу*). Я ни в чем не виноват. Да и кто я такой? Человек, помнящий о своем отце.

Принц. (*Диву*). Несчастный! (*Палачу*) А ты можешь сказать мне, кто более обагрена кровью - жертва, чью кровь пролили, или палач, ее проливший?

Палач. Не мучай себя. Тебе надо было с самого начала поступать разумно. Подумать только, из-за чего - ради какой-то девушки... Эх... ну, что тебе сказать? Если у жизни есть конец, то, наверное, он и бывает таким. Со всех сторон перекрываются пути, и что удивительно - тебе совершенно не хочется преодолеть, смести эти препятствия. Ты просто стоишь и ждешь. Ждешь, пока эта сила, до сих пор именуемая жизнью, обретет иное название. (*Принц поднимается на капитанский мостик. Из мостика вдруг словно прорастает плаха. Когда-то эта плаха была деревом. Принц опускает голову на плаху.*) Лишь при первых лучах зари палач может ощутить биение сердца, склонившегося перед плахой и ждущего исполнения приговора. (*Палач медленно подходит к Принцу. Поднимает меч.*) Палач тоже простой человек. Он, не спеша, переодевается, надевает красный капюшон, берет меч, и тихо встает прямо у тебя за спиной. И пусть даже голова твоя опущена, глаза устремлены на эту иссеченную под ударами топора плаху, однако ты чувствуешь дыхание палача. Чувствуешь, как кто-то подошел и стоит позади тебя. (*Музыка гремит и умолкает.*) И в тот самый миг, когда этот обычный человек, надев красный ка-

пюшон, превращается в палача и встает у тебя за спиной, жизнь меняет свое название. Она меняет только название, потому что все остальное течет по-прежнему, как было предусмотрено изначально. Лишь жизнь отныне именуется смертью. (*Палач замирает с поднятым мечом.*)

Капитан встает, подходит к Принцу и тоже опускается на колени. Теперь на одной плахе две головы.

Капитан. Ты боишься?

Принц. А ты? Ты не боишься? Все мы приглашенные в этот мир. Мы - приглашенные. В день, когда я родился, в тот же час, ту же минуту, где-то очень далеко, в непостижимом, неведомом чувством месте родилась и невидимая смерть. А родившись, стала медленно продвигаться в мою сторону. Сейчас словно ее поступь постепенно ускоряется. Да и я начинаю куда-то спешить. Мне говорят, не бойся, не бойся ничего, подумаешь, это всего лишь смерть, мгновенное ощущение. Это не так. Смерть живет столько же, сколько и человек. Мы сойдемся с ней лицом к лицу в самой середине нашей одной и той же дороги.

Падишах (*Визирю*). Ты что-нибудь понял? О чем он?

Визирь. Ваше Величество, для меня все ясно, как день. Если позволите... мы покончим с этим.

Падишах. Дай-ка я погадаю... (*перебирает четки в руках, оглядывается по сторонам. Подает знак Палачу. Палач опускает меч. Отходит, встает рядом с Дивом.*)

Красавица (*подходит и берет Принца за руку, сводит его с капитанского мостика*). Иди. Не бойся. Все будет хорошо. Иди сюда. Садись.

Принц садится. Дрожит всем телом. Капитан, повернув итурвал, бодрыми шагами сходит с мостика, стоит, озираясь по сторонам.

Капитан. Кажется, прибыл. Кажется, удалось доплыть. Неужели, я действительно добрался? Кто скажет мне? Кто здесь? Кто? Кто?

Картина третья

Звездный дождь над Капитаном. Владелец острова с почтением подходит к нему.

Владелец острова (*гостеприимно*). Добро пожаловать. То, что вы, приплыв издалека, нашли нас и подарили нам радость. Как прошло ваше путешествие? Ясно ли читались звезды? Спокойны ли были моря? Ничто не обеспокоило вас?

Капитан. Спасибо. Переплывая моря, я даже не заметил, как пробежало время. Что за прекрасное место. Здесь словно не воздух, а бальзам. Переселиться бы сюда и больше никуда не уезжать. Жить бы, жить...

Падишах (*Визирю*). Визирь, ступай, приветствуй его. Это чужестранец.

Визирь (*подобострастно приближается к Капитану*). Добро пожаловать. Вы слышите, птицы поют? Они приветствуют вас.

Капитан. Слышу. А это кто? Убежал. Неужели это... (*Замечает Дива*.) Ты...

Див. Такого, как я, ты, наверное, в жизни не видел? Не испугался?

Палач. Не бойся. Это наш человек.

Капитан. Постой, постой. Ты... не ты ли был в одном из морей? Вроде ты... причем вы оба?

Див. Нет, дорогой, я никогда не покидал их мест. Что мне делать в море? Разве я выжил из ума? Я живу здесь с самого рождения. К тому же я один. (*Указывает на Принца*.) Это он со мной так обошелся. И было бы из-за чего...

Владелец острова (*прерывая Дива*). Он говорит правду. У него нет другого места. Его жилище здесь. Сначала он буянил, а теперь... сам видишь... Ошейник не жмет? (*Палачу*) Расслабь немного. (*Капитану*) Наверное, в далеком море вы встретили другого дива.

Капитан. Странно. А кажется, именно он. В том далеком море... Посреди моря купались огромные дивы. Море бушевало, выходило из берегов. А вокруг все будто замерло, застыло, затаило дыхание от изумления. Море волновалось, кипело, пенилось. Казалось, оно и само не понимало, что происходит... А посреди плескались огромные дивы... До сих пор я полагал, что дивы бывают только в сказках. Кто же с царства детства не слышал о белых, черных дивах – спасителях или врагах героев?

Палач. У этого нет цвета. Он бурый. И черный, и белый.

Див. Ей-богу, это был не я. Чуть что сразу все валят на меня.

Капитан. Да, вижу, что это не он. То были другие дивы. Подумать только. Мог ли я предположить, помыслить даже, что, преодолев таинственные и колдовские границы детства, сегодня я окажусь посреди моря? Человек полагает, а судьба располагает.

Падишах вздрагивает.

Падишах. Человек полагает, а судьба располагает. Послушайте, что он несет...

Капитан. Посреди моря купались огромные дивы... А потом, накупавшись, они, наконец, устали. Будто еще немного отяжелели. Они лениво черпали горсти воды и бросали в солнце. А оттуда сыпались на землю сверкающие дождевики. Дивы решили выбраться из воды. Оказалось, что сверкающим дождем будто выплыли две огромные горы. Казалось, эти дивы рождены самим морем. И эти дивы и те, что выплыли из чрева моря, вдруг вспорхнули над водой, превратившись в пару белых голубей, и улетели. Представляете?

Красавица. Ах... (Диву) А ты можешь превратиться в голубя?

Див. Я? Откуда мне знать? А что, надо?

Владелец острова (Ищет Сказочника). Куда он ушел? Снова исчез, пропал. Куда он запропастился?.. Никто не видел?

Все пожимают плечами. Никто не знает, где Сказочник. В это время звонят в дверь.

Капитан. Ну вот, кто-то опять пришел. Ради Бога, простите. Я только погляжу, кто там? Одну минутку...

Капитан выходит, открывает дверь. Входит Офицер.

Офицер. Здравия желаю. Кажется, у тебя гости. Добро пожаловать. Отлично. Прекрасно. (Капитану) Вот это другое дело. Одиночество до добра не доводит. Ничего не надо? Я насчет выпивки... А то у меня есть.

Падишах. Кто это такой? (Визирю.) Визирь! А ну, кликни его сюда.

Визирь (Офицеру). Прошу и вы с нами...

Офицер. Нет, большое спасибо. Благодарю вас. Я ухожу. У меня тоже гости. (Капитану) Можно тебя на минутку? (Тихо) У тебя воблы не осталось? Хоть одна, самая малюсенькая... Только, ради Бога, чтобы эти не знали. А то нехорошо получится. Это иностранцы? Откуда они прибыли? (вдруг замечает Дива) А это что такое?

Владелец острова видя, что Капитан отошел к окну, идет за ним.

Владелец острова (держа в руках прекрасную рыбу). Дайте ему эту. В ваших краях такая не водится.

Капитан передает Офицеру эту красивую рыбу.

Офицер. Что... что это? Откуда ты взял ее? Неужели, на рынке? Это они привезли? Честное слово, спасибо. Молодец. Ну, я пошел. Дай только попрощаюсь. А то скажут, что у тебя невежливые соседи. (Подходит к Падишаху. Невольно кланяется ему.) Спасибо. Большое-пребольшое спасибо. По гроб жизни благодарен. По гроб жизни... (отступает) Я могу идти? Прощайте. Счастливо оставаться. Да хранит вас Бог.

Палач преграждает путь Офицеру.

Падишах. Можешь идти. Пусть идет.

Палач отходит в сторону.

Красавица. Всего хорошего.

Владелец острова. Заходите еще.

Офицер хочет попроситься с каждым в отдельности. Див отворачивается от него. Палач в шутку ударяет Дива.

Палач. Не обращайтесь внимания. Я сейчас задам ему урок.

Див (вдруг словно вырастая в размерах, встает, громкоподобным голосом). Кто это тут собирается проучить меня? Человечьим духом пахнет. Жирной человечинкой. Ооо... ууу...

Офицер готов потерять сознание. Никто, кроме него, не обращает на Дива внимания. Офицера бьет дрожь. Капитан насильно выталкивает его за дверь. Див снова опускается на колени, он по-прежнему жалок.

Капитан. Это мой сосед. Неплохой человек (указывает на корабль, сеть). Он помог мне достать все это. И поет хорошо. Знаете песню

Ты по ту сторону, я по эту,
Плачь погромче, плачь.
Ты – мишень, я - мишень
Плачь, как ты умеешь смеяться... (смеется.)

Падишах. Плачь, как ты умеешь смеяться? Что за мишень? Он? Не может быть. Может... Почему он смеется?

Капитан не может остановить смех.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Картина четвертая

Смех Капитана обрывается. Свет в комнате тускнеет. Полумрак. Звучит сначала бравурная мелодия. Вдруг мелодия стихает и слышен звонок в дверь. Этот звон напоминает ту же мелодию. Только звучит она тоскливо и горестно. На всех нападает страх, все ищут место, где укрыться. Будто предчувствуют, что пришедший не простой человек, что сейчас что-то случится. Но что? Волнение окружающих передается и Капитану. Теперь и он основательно в страхе. К тому же он остался один. Куда же все подевались?

Капитан (оглядываясь). Куда они ушли? Кажется, только что были. Ведь, если нет света, звонка не услышать. Как же это звонок прозвенел? Да и кто это может быть в такую погоду? И что за странный звон. Совсем не похож на мой.

Берет свечу со стола, зажигает. Со свечой в руке подходит к двери. За дверью ничего не слышно. По ту сторону виден Офицер. Он тоже прислушивается, прижав ухо к двери.

Капитан (тихо). Кто там?

Тишина.

Капитан. Кто тебе нужен? (уже уверенней, громко.) Кто ты? Вроде нет никого? (Пытается приоткрыть дверь. Офицер поспешило прячется. Капитан открывает дверь и тут

же закрывает). Никого. Да и кто явится в такую погоду? *(Подходит к окну)* Весь город словно погружен во тьму. Поставим эту свечу у окна. Станет она путеводной звездой для кораблей в море? Или нет? *(Вновь слышится мелодичный звон. Капитан стоит, замерев, потом берет свечу и осторожно приближается к двери.)* Кто там? *(Поворачивает ключ, прочней запирая дверь. Убеждается, что дверь накрепко заперта. С шумом открывает дверцу шкафа, закрывает ее, стараясь шуметь. Громко.)* Кто там? Ничего не слышу.

Снова звенит звонок. Капитан замер. Вдруг слабый свет свечи в его руке ярко вспыхивает, превращается в яркий луч, световую дорожку. Осторожно ступая по этой дорожке отдалается от двери. Вдруг, словно доносится словно потусторонний голос. А может это всего лишь шепот.

Голос. Капитан, Капитан. Посмотри сюда. Это я. Ты не узнаешь меня? Куда ты смотришь?

Капитан с трудом укрепляет свечу на подоконник, чтобы её свет был виден снаружи.

Голос. Не слышишь? Это я, не бойся. Успокойся. Иди, присядь.

Капитан подходит к дивану, садится. На этот раз Голос звучит совсем рядом с диваном.

Голос. Это я, Капитан. Может, не узнал меня? Куда ты смотришь? Ты действительно не узнаешь меня? Не слышишь? А ведь говорил, что услышишь мой голос даже с другого конца земли. Эх, Капитан, Капитан... О горы, которыми я так гордилась...

Капитан *(в совершенно иной интонации).* Из глаз твоих вырвалось что-то родственное. И тут же словно замерзло на лету. Захотело вернуться обратно. Но потом передумало, воровато оглянулось по сторонам и торопливо скользнуло в мои глаза...

На световую дорожку осторожно выходят Падишах и Визирь.

Падишах. Что он говорит? Это и есть его сказка? Визирь!

Визирь. Странно. Но, кажется, что так и есть.

Сказочник уводит обоих из световой дорожки.

Голос. Как все это запомнилось *(уже звучит со стороны окна.)* Ну и погода, как льет дождь. И ветер прекратился. Ты все еще растерян? Отвечай или хотя бы размышляй. Мне и этого достаточно.

Капитан *(задумчиво).* Что значит, «размышляй, мне достаточно»?

Голос. Я имею в виду, что мне достаточно твоих мыслей, можешь не говорить. Я буду говорить, а ты – думай. А кто говорил, что читает даже мои мысли, что я могу просто молчать? Кто говорил это?.. А?

Капитан *(шепчет).* Это ты?

Голос. Наконец-то. Да, это я. Не бойся. Кому же еще быть, конечно, я. Быстро же ты забыл меня?

Капитан. Это ты. Ты... Как ты... смогла вернуться?

Голос. Я вернулась не навсегда. Ты позвал, вот я и явилась. У меня есть еще немного времени. Пока идет дождь.

Капитан. Я позвал тебя? Я тебя не звал.

Голос. Звал, звал. Ты, наверное, позабыл. Ты и раньше страдал забывчивостью.

Капитан (*задумчиво*). Может, действительно, звал?

Голос. Конечно, звал. Мы не являемся, если нас не зовут. (*передразнивает его*) «Может, придешь ко мне домой, станешь моей гостьей...» Что это, во что ты превратил все здесь? Будто это корабль? А ты капитан, да? И для чего тебе все это? Ты что, на этом корабле ищешь меня? Точно, сошел с ума.

Капитан. Нет, отчего же?.. Ведь никто не считает меня сумасшедшим. Мои дела, работа...

Палач и Див появляются на дорожке света.

Див. А ты говорил, что обманывать – это нехорошо.

Палач. Иногда можно. Не постоянно, а иногда.

Сказочник появляется в полосе света и уволакивает их в темноту.

Голос. Отчего так поседели твои волосы? (*шутливо*)
О ком это ты страдаешь?

Капитан. Я?.. Я не страдаю.

Голос. Ты не обманываешь? Говори правду. Ты все еще в институте?

Капитан. В институте.

Голос. Младший научный сотрудник?

Капитан. Да.

Голос. Там все по-прежнему? Ну, рассказывай, а то из тебя все выжимать приходится. Ты тосковал? По мне, говорю, тосковал? Не тосковал, вижу, ни капли не тосковал...

Капитан. Тосковал..

Голос. Ну, тогда поговори со мной. Имей в виду, у меня времени – пока идет дождь. Как дождь прекратится, я уйду. Не молчи же. Говори.

Капитан. Уйдешь?

Голос. Я должна буду уйти. Как только закончится дождь, закончатся и все твои страдания. И я уйду. Ты знаешь, как там прекрасно. А вы-то думаете, что повезло вам.

Принц и Красавица выходят на световую дорожку. Они держатся за руки, глядят, словно не могут наглядеться друг на друга. Красавица льнет к Принцу. Принц отталкивает ее. Опять появляется Сказочник, возвращает и их в темноту.

Капитан. Значит, вы где-то вокруг нас. Мы вас не видим, не слышим, не прикасаемся к вам, но вы постоянно вокруг нас. Мы для вас наподобие раскрытой книги. А мы-то думаем, что, уйдя в одиночество, скрываемся от всех.

Голос. Знай. Любящие и на том свете продолжают любить вас. Это ваш свет выдумал, будто смерть – беспмятство. Можешь мне поверить. Тот свет не забывает этот. Я не такая, как ты.

Капитан. И я не забывал тебя.

Голос. И ты? Как ты думаешь, твоя память чем-то отличается от моей? Скажи, отличается или нет?

Капитан. Да, да. Наверное, отличается. Значит, мы – открытая книга. Но ведь это несправедливо. А наши тайны?

Голос. А кто говорил: «Если тайна когда-нибудь раскрывается, она изначально не была тайной...» Помнишь? Кто сказывал это?

Владелец острова проходит на световую дорожку, подходит к Капитану.

Владелец острова (*Капитану*). Ты помнишь? Не твои ли это слова? У человека могут быть тайны, у гор и скал, ущелий и равнин, у земли и неба, у морей и островов могут быть и, наверное, есть свои тайны. И, быть может, однажды горы и пропасти, моря и острова – одним словом, все, что хранит свою тайну, устает носить ее в себе, хочет пожить немного безо всяких тайн и секретов, просто так, как хочется и может. Как ему на роду написано. И когда приходит тот великий и свободный Миг избавления от тайны, и ты хочешь передать её кому-нибудь или чему-нибудь и лишь после этого обрести свободу, в тот самый миг появляются новые жертвы, желающие хранить ее. (*Указывает на Визиря*) Точно, как этот Визирь. Эти новые жертвы полагают, что им повезло – они стали обладателями тайн. Они с наслаждением прижимают тайну к груди, радуются, и, ничего не подозревая о мучительных и изнуряющих мгновениях, ждущих их впереди, устремляются к ним. (*Снова скрывается в темноте.*)

Капитан. Если тайна когда-нибудь раскроется, она изначально не была тайной... Где ты? Говоришь, там красиво?

Голос. Очень красиво. Послушай, я расскажу тебе кое-что. Ты знаешь, что есть души еще не рожденных, но тех, кто непременно родится. И эти души людей, которые еще не родились, блуждают среди нас, стараются вступить в контакт с душами тех, кто уже родился, жил и умер. С детским упрямством и детской страстью стараются хоть что-то узнать о вашем мире, о жизни. И души умерших порой терпеливо и сдержанно, а иногда раздраженно рассказывают им кое-что о том, что знают и чего не знают, о чем слышали и не слышали, а, рассказывая, они с сожалением смотрят на эти нетерпеливые, озорные души, которым не

хватает терпения дождаться своей очереди, и оттого с великим почтением и интересом внимающим этим рассказам. Тебе интересно? Смотри сюда. Куда ты смотришь?

Визирь появляется на световой дорожке, тянет за собой Красавицу. Они обнимаются.

Сказочник (*выходя на световую дорожку*). От сотворения мира забывается все, что было по ту сторону (*выталкивает Визиря и Красавицу в темноту*).

Голос. Это так. Он прав. Откуда он знает?

В полосе света появляется весь дрожа Принц. Капитан подходит к нему.

Капитан. Боишься?

Принц. Мне никто не поверит. Никто. Даже Его Величество, мой родной отец. Только ты знаешь всю правду.

Голос звучит совсем близко от Капитана.

Голос. Кто это, Капитан? Как он похож на тебя. Это твой брат?

Капитан. Нет, нет, ты не знаешь его. Просто знакомый. Он недавно пришел к нам в институт.

Голос. То-то я смотрю. Но... до чего же он похож на тебя. Дождь как будто перестает лить...

Капитан. Если ты сейчас уйдешь, когда сможешь вернуться?

Голос. Откуда мне знать? А ты хотел бы, чтобы я вернулась? Ну что опять с тобой?

Капитан (*Принцу*). Не бойся. Подожди, я сейчас приду. У меня опять гость. Не бойся, все будет хорошо. (*Голосу*) Что ты сказала?

Голос. Я с тобой говорю. Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Имей в виду, я могу уйти. Ты бы хотел, чтобы я снова вернулась?

Капитан. Не сердись. Ну, ради Бога, не обижайся. Конечно, хотел бы. Я хотел бы, чтобы ты не оставляла меня одного. Ты была права. Никто не смог быть лучше тебя.

Голос. О горы, которыми я гордилась... Наверное, ты плохо искал.

Капитан. Может быть... Откуда мне знать.

Визирь (выходит в полосу света и с почтением приближается к ним). С вашего позволения. Все, придя в этот мир, что-то ищут. Одни находят, другие – нет. Ищешь, мучаешься, бросаешься из огня да в полымя. У некоторых вся удача заключается только в том, что они родились и живут. Вот, например, наш Принц. Говорят, судьба каждого пишется заранее. И что ему суждено, то и случится. Я не спрашиваю – кем написано, это более или менее ясно. Но... Когда предначертана эта несправедливость. Почему ему – все, а мне – ничего? А может, чиста наша книга судеб? И мы сами пишем свою судьбу?! Может быть, мы все это вообще придумали? Может быть, все записано в той древней и недостижимо первой точке, тянется она до наших дней, и еще изначально было известно все, что мы совершили и совершим?.. (указывает на Принца) Принцу повезло. Ему очень повезло. Самый большой труд, который он дал себе, это родиться. Значит, отчего-то, где-то он был избран, прошел через сито. И ничего ему не известно о тех, кто не прошел сквозь ячейки этого сита – обо мне, вас. Мы же утешаем себя: и нам повезло, и мы родились на свет, и мы есть. Да, мы есть... Только... Может, и не надо, чтобы тебе везло с самого начала? Может, важнее, чтобы тебе повезло всего однажды – но только в конце? Вы так не думаете?

Голос. Так я говорю, может, ты искал плохо? Чего ты от него хочешь? Зачем он тебе?

Капитан (выводит Принца на свет). Не бойся. Стой здесь (Голосу). Я не искал. И ничего я не хочу. Ничего, кроме как оставаться в этой комнате, с тобой в этой комнате наедине. Только его жалко. А ты? Почему ты молчишь? Ведь дождь еще не прекратился. Ты еще не можешь уйти. Звезд не видно. Заблудишься.

Голос. Да, дождь не перестал. Но уже тише, будто хочет перестать. Заблужусь? Нет. И звезды уже виднеются вдаль. Небо потихоньку проясняется. Какими далекими они кажутся... Ты думаешь, они действительно далеко? Я имею в виду звезды. Они близко. Совсем близко. Вот эта, видишь ее? Нет, не ту. Ну, куда ты смотришь? Вот сюда. Видишь? Увидишь. Они подойдут совсем близко к тебе. И она придет. Как пришла я...

Капитан. Ты... Ты... Ты еще не поняла этого? Одно надо запомнить раз и навсегда (Принцу.) И ты запомни. Будь то солнце, луна, звезды – одним словом, весь этот небесный свод вместе с своим создателем, чудесами, с потусторонним светом не приближается к нам. Это мы, мы, только мы на этом корабле, именуемом нашим светом, медленно плывем к ним.

Голос. Может быть. Не знаю, может быть, ты прав. Ты всегда прав. Дай мне руку. Ты помнишь, как прятал тогда от меня глаза, руки? Когда в первый и последний раз поцеловал меня... Да, да, ты, нет, ты поцеловал меня. (Смеется) Смотри на меня... Разве человека целуют насильно? Ну, ладно, я тебя поцеловала.

Капитан (Идет в сторону Голоса. Сказочник уводит Принца). Мне кажется, что сейчас тебя нет. Ты – это только голос. Тебя вообще не было. Ты понимаешь, что я хочу ска-

зять. Вообще не было. Ты появлялась, лишь когда обретала плоть и кровь, когда... например, я звонил тебе. Приходил к твоему дому. Ждал, пока ты причесывалась. А стоило тебе вырваться из орбиты моих глаз, ушей, рук, тут же рассыпалась, исчезала, растворялась в воздухе. Ты всегда существовала между реальностью и небытием. *(Принц хочет войти в полосу света. Сказочник не пускает его.)* Ты то пряталась в небытие, а то радовалась, вновь родившись в реальности. И если это я каждый раз рождал тебя на свет, приводил в этот мир, как же теперь ты можешь стать судьей моей души? *(Красавица, будто видение, всплывает в полосу света, и снова исчезает.)* А может, и ты каждый раз создавала меня? Однако никто лучше тебя не владеет страшной тайной перехода из реальности в небытие. Я не могу погрузиться в небытие и укрыться там. Быть может, сейчас и я в небытие? Сам того не подозревая?! Ты пока не зовешь меня. А позовешь, и я выберусь из забвения, наполнюсь этой странной субстанцией, именуемой жизнью и... начну думать. И как всегда стану изыскивать разные поводы, чтобы увидеть тебя, вытащить тебя из небытия. Мне кажется, я нашел. Ты здесь?

Оба одновременно. Чей сегодня день рождения? *(смеются.)*

Капитан. Ты дольше меня... *(Голос смеется.)* Прости, прости. Ты помнишь ту ночь?

Голос. Помню. Помню.

Капитан. Эти звезды – звезды той ночи. Ты, кажется, обиделась на меня, постой, чей же тогда был день рождения?

Голос. И все так устроили, что тебе пришлось провожать меня.

Капитан. Ну, ты и бедовая. Ты и это поняла?

Голос. А как же.

Капитан. А я-то думал, что ты, как и я...

Голос. Как ты? То есть какая?

Капитан. Мне казалось, что и тебе приятно, что я провожаю тебя. Что и ты хотела, чтобы мы ушли не вместе со всеми.

Голос. С чего это ты решил? Может, так оно и было?! Может, я сама все это подстроила? Какой же ты несмышлениш. Ну, не могла же я сама сказать, чтобы ты проводил меня, вставай, уйдем отсюда. Вдвоем, останемся наедине... А ты, кажется, был навеселе, все болтал что-то про сказки, про каких-то дивов, ангелов, птицу-феникс... Помнишь? Ты помнишь птицу-феникс?

Капитан. Да, в самом деле. Только теперь я понимаю, каким был простаком. А тогда...

Голос. А тогда не я обиделась, а ты. На что? Почему?

Они начинают прохаживаться по световой дорожке. Кажется, что звезды в небе повисли прямо у них над головой.

Капитан. Мне показалось, что как только мы с тобой остались вдвоем и пошли вверх по той длинной улице в сторону твоего дома, ты и заговорила иначе, и пошла быстрее. Мне показалось, что ты заторопилась. Вдруг стала спешить домой, лишь бы поскорее расстаться со мной. Чего-то испугалась. Но если ты сама хотела остаться со мной наедине...

Голос. В ту ночь твои глаза так сверкали, что, оставшись наедине... Да, я испугалась тебя. Казалось, в твоих глазах сияли звезды. Знаешь, в тот момент я вдруг испугалась. Теперь вот не боюсь. А тогда испугалась. Испугалась и заторопилась.

Падишах и Визирь появляются на световой дорожке.

Падишах. Это и есть его сказка? То есть наша сказка?

Сказочник (*входит*). Это, это. Извольте сюда, Ваше Величество (*уводит их в темноту*).

Голос. Да, то была удивительная ночь. Ты говоришь, я спешила? Спешила. Потом я по одной отыскала каждую звезду той ночи. Нашла все. До чего же много их было... И они тотчас узнали меня. В ту ночь... Когда мы шли вверх по улице они тоже видели меня. Мне казалось, что эта улица никогда не кончится. И мы с тобой так и останемся на этой дороге, дороге, которая вела к нашему дому. Ты говоришь, что я спешила? Не спешила я. Это время тянулось медленно, прямо, как сейчас. Впрочем... как знать, может, я и спешила. Разве это что-то изменило?

Капитан. Изменило. Я убедился, что наши звезды никогда не сольются. Помнишь, после той ночи ты стала еще откровенней избегать меня... Все удивлялись.

Голос. Я? Может, это происходило невольно. Впрочем... Разве я что-то соображала? Ты похитил все мои мысли. А потом мне показалось, что я нашла свой идеал. Эх... дуреха, что я искала?! Я никогда и ничего не нашла среди вас. То, что я искала, было так утеряно, что не найти. Хочешь знать правду? Сейчас, там, я попусту верчусь на пустом месте твоей звезды. Жду тебя.

Палач (*втискивается в полосу света, подходит к ним*). Жди, жди. Вряд ли ты найдешь, что ищешь. То, чего ты ищешь, еще не утеряно. Пока еще.

Див (*кричит из темноты*). Как и меня. Как и меня.

Голос. Не утеряно, не утеряно. Я же не отыщу то, что не терялось. Он прав.

Падишах (*выходит в полосу света вместе с Владельцем острова*). Они что, тоже из нашей сказки? Интересно. Очень интересно. Хорошо бы, если этот дождь не прекра-

щался. Сделай так, чтобы он не переставал. Видишь, как Капитан обо всем забыл? Море, буря, шторм, тонущие корабли – в первый раз все куда-то улетучилось. Сделай так, чтобы дождь не кончался. Пусть она остается. Может, и я кое-что смогу понять.

Владелец острова (*Падишаху*). Вы их сказка, а они – ваша. Знаете, а ведь это они впервые так разговаривают. Рано или поздно, но этот разговор должен был состояться. Тогда они не поговорили. Не вышло. Откуда мне знать, почему? Просто не сложилось. Все так переживали ее смерть.

Капитан (*приближается к ним*). А меня больше, чем ее смерть ожгло то, что мы не смогли поговорить. Что смерть? Неизвестно еще кому больше повезло – умершим или нам. (*Голосу*) Где ты? Разве это не так?

Падишах. Сынок, почему ты так говоришь? Какой разговор ты имеешь в виду? Говори так, чтобы и мы что-нибудь поняли. Знай, все темное, скрытое не имеет конца.

Капитан. Это не то, о чем ты думаешь. Хочешь и меня превратить в него? (*кивает в сторону Принца*) Разговор. Разговор не состоялся. Я сотни раз прокручивал его в голове. А он все оставался недоговоренным. Конец. Не было конца. Не было у этого разговора логического конца. А теперь в одно мгновение все переменялось. Она вернулась. Теперь можно ставить точку.

Владелец острова. Ставить точку? А теперь точка убежит от тебя. Ты снова будешь бороться с ее последним чаянием.

Капитан. Где она?

Падишах. Не могла же она так быстро исчезнуть. Ах, как она была прекрасна...

Палач (*входит в полосу света*). Ваше Величество.

Падишах. Уйди, Палач, уйди. Только бы дождь не прекращался. *(Палач уходит.)*

Див *(входит в полосу света).* А вот и последняя капля... Пospеши, если в силах спешить.

Капитан. Нет, еще есть время. Где ты? Ты хочешь сказать, что ты в тот день не торопилась? Почему ты сказала мне: «Кто заставил тебя поверить в сказку? Разве есть на свете Птица-Феникс?» Отвечай, еще есть время.

Див. Дождь прекратился. Больше ни капли. *(отходит в темноту).*

Палач *(входит в полосу света. Торопливо Капитану).* Дождь кончился. Гляди, звезды снова заняли свои места. Взгляни, взгляни на эту, она словно смотрит прямо на меня. Все кончилось. *(Падишаху)* Ваше Величество. Она исчезла. Она покинула нас.

Капитан обессилено опускается на диван. Световая дорожка гаснет. Все погружается в полумрак.

Картина пятая

Яркий свет звезд заливает комнату.

Владелец острова *(Палачу).* Ты сказал, что она покинула нас? Но не спеши так говорить. Почему, теряя дорогого, нужного нам человека, мы говорим: он покинул нас. Говоря «нас», мы имеем в виду его семью, детей, близких, любимых, наконец, его город, народ... Но, умирая, человек покидает не нас, не родину. Умирая, человек покидает этот свет.

Принц в грусти хочет уйти.

Падишах *(ласково).* Постой. Постой, говорю. Сынок...

Визирь *(встревожено).* Ваше Величество.

Падишах *(резко).* Визирь! *(Принцу.)* Подойди ближе. Ближе. Иди.

Принц подходит и опускается на колени. Трется головой о его колени. Падишах снова мечтательно гладит его по голове. Визирь разрывает на Красавице платье, треплет ее волосы, подталкивает к Падишаху. Принц протягивает Падишаху связанные руки. Падишах словно очнувшись

Падишах *(Принцу).* Отойди, отойди, говорю. Жди. Иногда вся жизнь бывает бурной до самой старости – с одним лишь условием – приходится прожить целую жизнь, чтобы постичь значение и цену оставшегося в глубокой старине, далекое, теперь безгрешное детство. Иногда на это и целой жизни не хватает.

Красавица. Если ты постиг, то прости. Прости его. Прощение – от величия. *(Принцу)* Не бойся.

Палач. Ваше Величество. *(Падишах погружен в задумчивость.)*

Визирь *(осторожно).* Ваше Величество, в течение жизни можно наговорить много слов. Но всего лишь раз в жизни дается возможность сказать Слово. Если такая возможность будет дана во второй раз, и ты вынужден будешь сказать Слово, то оно будет либо лишь повторением, либо – ложью. Вы стоите перед целым миром. Целый мир смотрит на вас. Вы должны сказать свое слово.

Красавица *(Падишаху).* Спасать мир, беречь его в то же время означает защитить спасти *(кивает в сторону Принца)* человека. А в основе всего этого лежит только доверие. Доверие человека к человеку. Когда тонешь, то, чтобы схватить протянутую руку, ты в первую очередь должен верить тому, кто эту руку протянул. *(С ненавистью смотрит*

на Визиря) Нельзя хвататься за все, что попало. Я тоже многое поняла. Вера в того, кто на небесах, на самом деле преследует косвенную цель поверить на земле себе подобным. (Берет Падшаха за руку, хочет подвести его к Принцу, оборачивается к Визирю.) Разве истинное величие не заключено в доверии брата к брату, сестры к сестре, к человеку, которого знаешь тысячу лет? И которого (оборачивается к Капитану) видишь впервые?! У того, кто в молитвах простирает руки к небесам, ноги должны так же твердо упираться в землю, как взгляды в небо. Глядящий в небо, должен верить и тем, кто на земле. Отчего бы нам хоть раз ни посмотреть в глаза друг друга и, ни слова не сказав, поверить друг другу. (Падшаху.) Отчего бы нам опять не оказаться в очередной раз обманутыми, однако вновь обрести веру? Поверить, что правда все равно победит. Поверить в небо и землю. В любовь и ненависть. В разлуку и встречу. В жизнь и смерть. Поверить. Неужели мы думаем, что никогда не умрем, и никогда не настанет великий миг, когда придется держать ответ?

Див. Честное слово, все вы найдете ответ. Такие прекрасные ответы. А я?

Визирь (Красавице). Не слишком ли много у нас ошибок? Каждый, превратившись в юного богатыря, может пугать нас лютым взглядом. (Берет меч Палача.) Наши преступления – это разящий меч, висящий над головой! У каждого над головой свой меч! Разве путь от тени меча во тьму, через который проходим мы, с трепетом поглядывая на меч, не есть путь от одного удара сердца до другого? И стоит ли один удар сердца этой огромной радости и таких огромных мук?

Подбрасывает меч в воздух. Палач в воздухе ловит меч. Заносит его над головой Принца.

Принц. Меня вдруг потрясло страшное чувство. Это чувство столь же страшно, сколь же ясно и просто. Я вдруг понял, что вместе со всеми своими желаниями я готовлю себя к встрече со смертью. И еще я понял (хочет сделать шаг к Красавице, но останавливается), что очень многими своими деяниями я готовился к встрече со смертью. И после этого все словно заняло свои места, стало понятным. Всеми своими поступками и мыслями с самого рождения я лишь готовился встретить смерть.

Падшах. Со дня рождения? Со дня рождения. Подумать только, о чем он вспоминает...

Див. Я тоже могу вспомнить. В чем моя вина, Ваше Величество? Меня преследовали до последнего моего пристанища, выследили по кровавому следу, нашли, растоптали, убили. Мой кровавый след... Чем я, бедолага, виноват? В том, что умел любить, как мои божественные предки? В том, что доверил свою жизнь голубям¹? Ваше величество, честное слово, я ни в чем не виноват. Мог ли я покушаться на вас?

Визирь. Молчи, трус. Пролить твою кровь – не грех.

Див. Мою? Ладно. Он подучил меня. Ваше Величество. (Указывает на Визиря) Это он. Иначе что мне за дело до вас? Он велел, чтобы я пару раз заревел в вашем саду, чтобы утратить вас. Вот я и заревел. У него была своя цель. Он хотел, чтобы вы послали принца убить меня. Ваше Величество... Не надо большого ума, чтобы понять это. Достаточно и моего. А принц... это он настоящий див. А вот она... темной ночью Визирь привел её ко мне, присланную тебе в дар (указывает на Красавицу). Я и унес ее в свою подземную пещеру. Откуда мне знать, что вы ее, ну, того этого... Откуда мне знать, что вы направите его (указывает на

¹В азербайджанских мифах жизнь дивов заключена в сердце голубя.

Принца) убить меня. До чего же я был глуп, доверил свою жизнь голубю. Принц набросился на меня, как чудовище, как див, разрушил, разбил. Освободил девушку. А меня в таком состоянии приволок к вам. Клянусь духами предков, он ее и пальцем не коснулся. Вы не смотрите, что сейчас он охвачен страхом. (*Принцу*) Ты, словно не тот, что тогда. Если хочешь знать, я тоже боюсь. Но честное слово, я ни в чем не виноват. Не виноват я. И все. Я умираю. Отпустите меня. Я стану вам вечным рабом.

Красавица (*виновато*). И меня он...

Падшах (*растерянно*). Что ты сказала? Что они все говорят?

Визирь. Не верьте, Ваше Величество. Этот див спасает свою шкуру. А эта... стерва. Я готов умереть ради вас. Прикажите только, и я умру. Я вас... люблю.

Палач. Пока говоришь «умру» – ты молод. Пока можешь говорить «люблю» – ты коварен. Но тебе, на самом деле ничего не известно ни о молодости, ни о коварстве.

Визирь. Умоляю, не верьте им (*рыдает, падает на колени*).

Падшах (*печальный подходит к Принцу. Хочет опуститься перед ним на колени. Принц не позволяет ему*). У нас всегда слишком много было стона. Все увядающее непременно должно увянуть, отмирающее – умереть. Раз есть глаза, то они созданы для слез, коли есть сердце, оно должно страдать. В чем же виновато это сердце? (*Поднимает Визиря с колен*). А если уж ты настолько такой, как есть, то в чем твоя вина?

Владелец острова. Если мы не в состоянии увидеть плод, зреющий вслед за вянущим цветком, то куда же девается опыт миллионов лет жизни? А может быть, во все и не было необходимости видеть этот плод?! Может, в нашем сердце всякий раз жила безумная надежда, что цве-

ток этот никогда не увянет? И каждый раз мы обманываемся?!

Падшах подает знак Палачу.

Палач. Нашим ошибкам нет предела. (*Развязывает руки Принцу*).

Картина шестая

Красавица, Падшах, Визирь, Принц, Палач, Див стоят, взявшись за руки. Капитан сидит на диване.

Красавица. На зеленом гранатовом дереве
Увяли цветы граната,
Увяли цветы граната
Кто ждал, что они увянут?

Визирь. Вдруг съежились,
Постарели лепестки,
Увяли цветы граната?
Словно что-то приключится?

Капитан. Эти боли и страданья
Коснулись и нас.
Забут кем-то любимый,
Забут любящий.

Принц. В этом дупле
О если бы прятали меня.
Друг приходил, глядел,
Но не находил меня.

Падшах. Построив бумажный домик
Мы сочли его золотым дворцом.
Напрасно мучили мы
Печальные сердца.

Офицер (из-за двери). Может быть, сюда

Мы пришли чуть не вовремя.

Кто думал, что увянут,

Увяли цветы граната.

Див.

Все наши боли

Покроют цветы

Все наши раны

Вновь заживут.

Палач.

Все закончится

Счастливым будущим

Увяли цветы граната

Теперь созреют гранаты.

Словно из небытия возникает Сказочник. Подходит вглядывается в лицо каждому. Словно хочет узнать их. Лишь на Капитана не обращает никакого внимания.

Сказочник (устало). Уф, кажется, я устал. Проще всего спокойно вздохнуть и сказать «Мы лишь сон Бога». Мы души прошедшего очищение и вновь напаявшего ангельский образ Дьявола. Проще простого поверить в это. Почему о нас забыли? А может, не забыли?! Может, потеряли? Проснется ли внезапно вдруг увидевший этот сон и постарается вспомнить увиденное? И сможет ли вспомнить, если захочет? Ведь это так трудно - отчетливо и ясно вспомнить сны. Очень трудно. Все рассеется, и если есть туманы, то все исчезнет в них до новых ночей, новых снов... (Подходит и встает рядом с капитаном. Капитан старается спрятать от него лицо).

Сказочник. Ему сказали: «Мы лишь сон Бога». Простодушный, неблагодарный человек. «Проще простого убежать из этого сна», - подумал он. И принял решение убежать из сна. Увидевший этот сон, сначала был изумлен,

и прямо во сне решил не прерывать, а продолжать видеть эти прекрасные и когда-то забытые сновидения, не пропустить ни одного. А потом прямо во сне хитро усмехнулся. И сделал нечто такое, что желавший убежать из сна, в мгновение ока позабыл и открытую ему, как тайну, высшую истину, и смелое желание, родившееся в его сердце. Ему показалось, что он сам увидел все это во сне.

Сказочник жестом подзывает всех к себе. Подходит к двери и, взяв за руку, подводит к остальным Офицера. Капитан видит, что остался в одиночестве, невольно хочет подойти к ним.

Сказочник. «Мы лишь сон Бога». Разбудят ли его наши беспомощные и уже утратившие всякую логику поступки? Могут ли они внезапно разбудить его? Поймет ли он, наконец, что все наши поступки, все наши возможности - это последние усилия во имя его прекрасного и спокойного сна?!

Капитан быстро всходит на мостик. Свет падает только на него.

Офицер. Куда? Куда ты убегаешь?

Капитан. Разве ты дал якорь, чтобы удержать меня? А для чего я просил его у тебя? Чтобы остаться, встать на якорь, дорогой. Понял теперь? Теперь ты меня уже не остановишь. И они не остановят. Спрашиваешь, куда? Меж звезд. Куда? Ты этого не узнаешь. Почему? Потому что никто не скажет тебе. С невысказанной для всех скоростью. И звезды никогда не закончатся. Всякий раз, когда они будут проноситься мимо, удаляясь в одно мгновение на расстояние тысячелетий, ты бросишь на них мимолетный взгляд, и одна из них покажется тебе знакомой. Вроде ты узнаешь ее. «Это была её звезда?» А потом снова вперед, может, и не

вперед, а вокруг, может, даже назад - кто знает? Что стало с той звездой? Пропала, исчезла, как исчезает все? Нет ее, как и миллионов никогда не существовавших в реальности частиц? Словно и не было. К тому же... что может быть легче этого? Кто лучше этих звезд знает удивительную тайну перехода из Небытия в Реальность, из Реальности в Небытие? Ну и хорошо. Ну и ладно. Во имя Бога...

Падшах. Ладно? А чего же он теперь уходит? Что он нашел там, среди звезд? Неужели, он ищет сказку? Эх... Пустое занятие. Сказка?! Все сказки – ложь. Нет сказок. Все истина. И в сказках, и в жизни. Кто сказал, что... Кто сказал, что когда-то была птица-феникс?

Визирь, Принц, Палач, Красавица переглядываются и спрашивают друг друга: «Кто сказал, что была птица-феникс?». Звучит торжественная музыка.

Капитану кажется, что он ведет корабль. Он поворачивает штурвал из стороны в сторону. Падшах, Визирь и Принц берутся за руки. Палач снимает с Дива ошейник и цепь. Падшах подходит к Красавице, обнимает ее. Все они прощаются с Капитаном. Офицер с серьезным видом встает по стойке «мирно» и отдает честь. Сказочник, попрощавшись с Владельцем острова, исчезает под столом. Шум волн, бьющихся о борт корабля, смешивается с звуками музыки. С неба на корабль сыплется звездный дождь. Плывет ли этот корабль в море или он парит в небесах? Кто знает?

Кто сказал, что была птица-феникс?

Конец

Баку, 1993

СЛОВНО БЫ
С ОПАСКОЙ...

См. Ветхий. ет.

виртуальная трагедия
в одном действии

Ватнаи (Тень) Гли Осельеи Ми
суги

«...и тогда, вознесшаяся до кромки недостижимо далеких розовых облаков, пламенная любовь твоя из сердца твоего воззрит сверху вниз словно бы со скорбью, словно бы с опаской...»

Бертрамство Трансцы,
(«Злоключения тайн».)
Путешественник Сейид Мир Гасан Ага)

Действующие лица:

Дух
Караванбаши
Евнух
Мамедгулу
Белая Тень
Черная Тень
Голос
Шах
Визирь Мешдали
Бабушка
Прекрасная Перниса
Женщина
Забулла
Главный служитель
Слуги, стражники

Маленькие белые холмики и окутанная туманом местность. По сути это обратная сторона реального, существующего мира. Тени принадлежат духам, а мы видим их, благодаря белым и черным одеждам на них. И музыка здесь наводящая уныние – словно и она имеет только два лада: белый и черный... Когда Белая Тень и Черная Тень приближаются к одиноко сидящему Духу, издали слышится сдавленный, непонятный голос, произносящий: «Приди... приди... приди...» Голос этот то затихает, то превращается в шепот, то гремит, а то и вовсе исчезает.

Черная Тень. Ты идешь? Эти голоса зовут тебя. Не знаю даже, что и сказать тебе. Будет трудно.

Белая Тень. Тем не менее, как бы там ни было, интересно. Слышишь. Прислушайся-ка, слышишь?..

Дух (Черной Тени). Ты, как всегда, заранее все знаешь. Откуда тебе знать, как будет? «Будет трудно». Откуда знаешь? Слышу я. Конечно, слышу.

Черная тень. Я знаю. А ты вроде бы немного...

Дух. Ты сам разве не боялся, когда звали тебя?

Черная Тень. Странно, но поначалу я заблудился. Но сейчас все забыл. И ты забудешь.

Белая Тень. А меня еще пока ни разу не звали. Наверное, очень интересно.

Голоса, голоса... Они словно напевают игриво и мелодично: «Приди незрим для моих глаз. Я призвал тебя, не ленись, иди. Я плачу, не упирайся, приди. Приди, приди, приди». Голоса постепенно усиливаются.

Черная Тень. Сейчас и ты испытаешь муки, которые испытал я, когда призвали меня. Эти голоса твои. Только твои.

Дух. Знаю. Впервые их слышу. Ну когда же, наконец, откроется эта дорога?!

Черная Тень. Потерпи. Она откроется. Откроется. И ты уйдешь. Думаешь, все так просто: позвали – ушел, увидел, вернулся... Смотри, смотри, видишь? Как красиво!..

Из далекой дали, откуда доносятся голоса, начинает струиться молочно-белый луч, постепенно достигает их, и замирает.

Белая Тень. Как красиво, прекрасно. Это и есть дорога?

Черная Тень. Это и есть дорога. Путь тебе открыт.

Белая Тень. Какой ты счастливый...

Черная Тень. Он уведет и вернет тебя обратно. Это тот самый путь. Сейчас тебе будет слово. Будь внимателен. Оно обращено не к нам. (*Белой Тени.*) Мы пойдем.

Белая Тень. Да будет светел твой путь.

Черная Тень. Да будет открыт твой путь. Идем.

Белая и Черная Тени исчезают, словно растворяются в воздухе. Вновь тот же Дух, тот же белый луч, те же зовущие голоса, но они звучат гораздо настойчивей, каждое слово стучит, как удар сердца. Постепенно эти голоса начинают затихать. И в этом полубезмолвии совсем близко доносится отчетливый и усталый голос. Этот голос, звуча, незаметно обтекает все стороны, будто доносится отовсюду.

Голос. Ты, кажется, готов?

Дух. Да, я готов.

Голос. Прекрасно... Тогда слушай меня. Слушай меня внимательно. Вот он, твой путь. Ты возвращаешься... Тебя зовут. Тебя хотят услышать. Ты понимаешь, что это значит?

Дух. Что я должен сказать им?

Голос. Зависит от вопроса. Зависит от того, что они захотят спросить. Но... ты не волнуйся. У тебя будут ответы на все вопросы. Я же должен предупредить тебя ...

Дух. Я слушаю.

Голос. Мы не знаем, что они скажут, о чем спросят. Пока не знаем. Но, если...

Дух. ...если...

Голос. Если тебе будет предложено остаться там, не возвращаться сюда...

Дух. Знаю. Я не должен остаться.

Голос. Да. Ты не должен оставаться. Но ты и не сможешь не остаться. Надо, чтобы им и в голову не пришло предложить такое. Если предложат, то ты останешься. Нельзя. Никак нельзя.

Дух. Как я должен сделать это?

Голос. Не знаю. Я тоже не знаю. Кричи, сквернословь, подними шум, пусть они тебя возненавидят. Чтобы в следующий раз им и в голову не пришло призвать тебя. Это только лишние сложности. И для тебя, и для нас. Однако, если вдруг предложат остаться, ты останешься. И больше никогда не вернешься сюда. Двери для тебя закроются навсегда. Ты будешь бродягой кружить в черных пустотах. Слышишь? Это недопустимо. Еще ни один дух не оставался внизу. Все ушедшие возвращались. Слышишь голоса? Слышишь?

Зовущие голоса постепенно усиливаются, бьются, как стук сердца.

Дух. Слышу.

Голос. Ты должен вернуться. Таков порядок.

Дух. Я вернусь.

Голос. Они уже теряют терпение. Хотят тебя. Твой путь открыт. Иди.

Дух. Я иду. *(Ступает на полосу белого луча.)*

Голос. Иди и возвращайся.

Дух. Иду и возвращусь.

Белый луч поглощает его, Дух тоже исчезает. Смолкают и голоса. После недолгой тишины будто всю землю окутывает мрак, поглощающий и холмики, и тени. Безмолвие. Но это не тишина. В этом безмолвии могут переговариваться пугающиеся друг друга голоса.

Загорается на сцене свет. В богато украшенной комнате сидят Караванбаши и Евнух, поджав под себя ноги, друг против друга.

Караванбаши. Не явится.

Евнух. Явится, о свет моих очей.

Караванбаши. Не явится. Я не верю в это. Если бы явился, то это было бы в прошлый раз, под открытым небом, усеянным звездами, если б явился, это было бы на той дороге. Помнишь, сколько молил ты его?! Я помню, Его Величество тоже однажды хотел вызвать дух своего отца. Но сколько колдун ни старался, дух не явился. Я с тех пор в такие дела не верю. И чего это я снова тебе поверил? А того колдуна – чтобы ты знал – казнили.

Евнух. Потерпи. Что-то подсказывает мне, что в этот раз он явится. Ты пока что посиди тихо, помолчи, свет очей моих, успокойся, тише...

Караванбаши. И мой дар, ты конечно, вернешь.

Евнух. Да, да, верну. Да, да... Бог любит терпеливых. Он в пути. Идет. Незримым мне явись. *(Тишина.)* Я

плачу, не упирайся. *(Тишина.)* Пожалуйста, не ленись. Явись! Явись, явись, явись, явись. *(Встает, словно видит вдали кого-то незримого, вновь садится.)* Незримым мне явись. Я плачу, не медли, приди. Пожалуйста, не ленись, приди. Наконец-то. Уфф... *(В луче белого света возникает Дух.)* Явился. Он здесь. Он здесь, свет очей моих, явился. Тысяча благодарностей тебе, Боже... Спрашивай о чем хочешь, я свое дело уже сделал. *(Устало пересаживается в угол.)*

Караванбаши *(подозрительно).* Говоришь, явился?! Если явился, то да упокоит Аллах душу твоего отца. Ты говоришь, он явился, не так ли?!

Тишина имеет свои тайны, и если ничего дополнительно не видно, однако ясно, что это уже не прежняя обстановка.

Я могу уже спрашивать?! Ты здесь, мой господин? Здесь? Если это так, подай мне какой-нибудь знак.

Музыкой ли, раскатом ли грома, сверканьем молнии, на одно мгновение Дух выявляет свою реальность во всем своем величии, великолепии.

Караванбаши *(потрясенно).* Ты здесь. Мой господин. Это ты... Я так и представлял. Именно таким ты и был в моих снах. Знаешь, отец, каким ослепшим, беспомощным ты оставил меня?! Знаешь, не было ни одной ночи, чтобы я не повторял: «отец мой, брат мой»?! Ты знаешь это? Почему ты молчишь? Отец...

Дух. Ах, чтоб тебе всю жизнь проводить в горести.

Караванбаши. Боже милосердный. Как, как ты сказал? За что? Ты не узнал меня, отец? Ведь я Аллахверди, твой сын - Аллахверди.

Дух. Ты был слепым, слепцом и остался. Глупец, кто ты мне, в чем я провинился, что ты тревожишь меня?! Го-

вори же, зачем ты вызвал меня?! Глупец, и сын глупца, все вы с ума посходили, все. Что за дела? Ах, они плакали. А кто просил вас плакать? Плакали? Так не надо было плакать. Ну и что с того, что ты плакал. Что мне с того? Подумать только: не было ночи, чтоб ты не повторял «отец мой, брат мой». Пусть бы и были?.. Какое это имеет значение?.. Ты только на них посмотри...

Караванбаши. Да стану я жертвой Создателя, почему ты так сердит? В чем я провинился, что ты так разгневался?! В чем виноват?

Дух. «В чем виноват?», «В чем виноват?» Виноват. Почему не оставишь меня в покое?! Да кто ты такой, чего хочешь от меня, для чего вызвал меня? Это, видите ли, Аллахверди. Подумать только! Ну и что? Какое это имеет значение?.. «В чем виноват?» Виноват, виноват... *(Молчание.)* Дуралей...

Караванбаши. Да умру я у ног твоих. Это ты, мой отец. Да стану я пылью у ног твоих, отец! Да, это я. Дуралей. В детстве, когда я ничего не смыслил, именно так ты называл меня. Ты запомнил это. Это я. Дуралей. Твой Дуралей, мой отец. Отец, отец, отец. Да стану я жертвой твоего дыхания. Если б мне увидеть тебя хоть на миг...

Дух. Лучше тебе не видеть меня, дурак, идиот...

Караванбаши. Но почему ты так гневно говоришь со мной? Если б ты только знал, что со мной делает тоска по вас - по тебе и брату, если б ты только знал. Тоска по вам, ваша горькая судьба и по сей день изводит меня. *(Шепчет.)* Дай я тебя обрадую. Знаешь, отец, я разбогател. У меня есть огромные караваны, они ходят по всему миру, я привожу самые редкие товары. Знаешь *(еще тише)* я стал приближенным шаха. Многие боятся меня. Потому, что он всегда советуется со мной. У нас не тот шах, что прежде. Сейчас правит его сын. Знаешь, прежний, твой шах заболел,

десять лет назад скончался... Но нет мне покоя, отец. Из-за тебя и брата я потерял покой. Ты его главный палач и тебя так жестоко он наказал. Немыслимо! Вы по ночам снитесь мне, схватив за горло, душите меня, лиц ваших я не разбираю, но вы все время снитесь мне. Вы шепчете: «Месть, месть», отец. За что? Чего вы от меня хотите?

Дух. Только поглядите на него?! Что мне за дело, идиот, кто тебе снится. Нам нет дела до чьих-то снов. Он, видите ли, спать не может. Не можешь, не спи...

Караванбаши. Не говори так, отец... скажи мне...

Дух. «Не могу спать». Разве это так просто, лишиться сна?! Было время, когда и я не мог уснуть. Но у моей бессонницы была причина. Знаешь, почему я не мог уснуть? Не знаешь. Откуда тебе знать? Знаешь, кто был моей первой жертвой?.. Одна Женщина. Я столкнул ее в колодец. Я был очень молод. Но потом стало гораздо легче, я поступил на службу к шаху, стал официально палачом и очень многих отправил на тот свет. После той женщины все было просто. Иногда, я получал даже удовольствие, когда по приказу шаха отправлял людей на тот свет. Ну, как, нравится тебе? Эх ты, Дуралей, ну, как это тебе? Ты, видать, не знал этого, разве сплетни не дошли до твоих ушей?! Визирь Машдали жив еще?

Караванбаши. Отец, отец, да стану я твоей жертвой, не говори так. Не говори так, да буду я твоей жертвой. Ты убиваешь меня, отец. Я умру, отец. Скажи, в чем моя вина, в чем я виноват?.. Жив визирь Машдали, жив... Дышит еще, почему ты спрашиваешь о нем?? Кто была та женщина, о которой ты говорил?!

Дух. Визирь Машдали был другом моего отца, он был моим покровителем, это он помог замести следы убийства моей матери, моего первого убийства, и я смог снова

выйти к людям. Не то кости мои давно стали бы пищей для диких зверей в горах. Ты спрашиваешь, кем была та женщина? Я забыл. Что ты оторопело смотришь? И твою мать... я... Ты не знал?!

Караванбаши. Нет.

Дух. Я, я... никто другой, я спровадил ее на тот свет, с горы... обломал, как птице крылья и сбросил с горы... Она хотела взлететь, но не смогла, камнем упала на дно пропасти и осталась лежать неподвижно.

Караванбаши. Нет...

Дух. Говоришь, что ослеп от слез. Что по ночам я являюсь в твои сны. А мать, она не снится тебе? Эх, ты, Дуралей...

Караванбаши. Отец, отец, ты убиваешь меня, не говори так. Пожалей меня. *(Оборачивается к Евнуху.)* Что он говорит, о Боже? Может, это вовсе и не мой отец, господи, господи, кто это?!

Евнух. Это твой отец, свет очей моих. Это он. Будь тверд. Это твой отец.

Дух. Я твой отец. Ты плоть от плоти моей. Ты рожден, благодаря мне. Дуралей. Как же ты вырос. Совсем малюткой был, с ладонь ростом. Старуха бабушка твоя пела над твоей колыбелью: спи, спи, спи, если не уснешь, не увидишь сладких снов, не замолчишь – придет домовая и унесет тебя... эх ты, Дуралей. Я твой отец. Твой отец. Я твой несчастный отец.

Караванбаши. «Придет домовая и унесет». Потом, когда я подрос, больше всего на свете я боялся домового. Домовой. А моя старая бабушка не сказала, кто это такой. Все твердила: «Месть». «Месть». Может, ты пошутил со мной, отец?! Скажи, что ты обманываешь меня, пожалуйста, я поверю.

Дух. Эх... Ну что ты за человек?! Просишь обмануть

тебя. Нет, я сказал правду. Мы не умеем обманывать, даже захотим, не сможем. Ну, ладно, если у тебя больше ко мне ничего нет, то я пойду. Дуралей, Дуралей. Все вы дуралии...

Караванбаши. погоди, скажи мне, ради Бога не уходи, погоди минутку, скажи, ты встречаешь там брата? Несчастливого брата, безвинно убитого?

Дух. Не понимаю, о чем ты?! Я с ним не знаком, пойми ты, я не знаком с ним, там я забываю его. Не узнаю, всех принимаю за своих сыновей. Даже отца своего не узнаю. Думаю, что все мои отцы. Наша память оживает лишь, когда мы переходим сюда, видим вас и все вспоминаем. Я не узнаю его. И он не узнает меня. Эх... Ты действительно Дуралей. Говори, зачем вызвал меня, лишив покоя?! Что же ты, говори?! Я уйду. Ты слышишь? Уйду. Я пошел. И больше не тревожь меня. Никогда больше не вызывай меня.

Караванбаши. Когда ты жил на этом свете, когда строил свою жизнь, после того, как произвел на свет меня... потом, да, когда ты, лишившись рассудка, ушел куда глаза глядят, разве не подумал ты, что у тебя есть ребенок, сын, твой Дуралей – куда же ты ушел, оставив его?!

Дух. А зачем мне был нужен ты, кроха, если я утратил могучего Шахверена, зачем ты был мне нужен, об этом ты думал?! Знаешь, за что я твою мать... знаешь ли ты?! Слуги шаха как-то в полночь бросили перед моими воротами в мешке его отрубленную голову и тело. А знаешь, за что? Не знаешь. Из-за тебя. Из-за тебя. Когда ты родился на свет, я нарушил волю шаха, остался в том городе, том доме, не вернулся вместе с шахом, после похода его, вынужден был остаться, вот почему. Знай, что они наказали меня за тебя. Иначе твой брат Шахверен жил бы до сих пор...

Караванбаши. Наказали его за меня, на меня, ничтожного...

Дух. Они отомстили мне за твое рождение, глупец. Я вместе с войском пришел в город, где жила твоя мать, но не вернулся с войском обратно. Хотя было высокое повеление шаха. Вот так. Я полюбил твою мать, ты знаешь это?..

Входит пылающий от ярости и раздражения, Шах. Он гневно смотрит и на Духа, и на Караванбаши. Они же Шаха не видят. Вдруг Шах застывает как изваяние и громко:

Шах. Кто вышел в поход вместе с войском, тот обязан вернуться вместе со мной в нашу общую столицу, пусть только посмеет ослушаться. У того же, кто решит поселиться в этой покоренной стране, захваченном городе, будет уничтожен весь род, потому что здесь и воздух, и камни, и вода, и хлеб, одним словом все, что познало поражение, все оскотлено. *(Голос его отзывается эхом: оскотлено, оскотлено... оскотле... оско...)*

Шах исчезает так же неожиданно, как появился.

Евнух. Смотри, смотри, это был шах, сам покойный, отец нашего шаха...

Караванбаши. Кто это был?

Евнух. Шах был. Дух покойного шаха.

Караванбаши. Отец Его Величества, что-то сказал и ушел.

Дух. Знакомый голос.

Шах снова выходит на свет. Перед ним склонившийся в поклоне визирь Маидали.

Шах... Только тот, кто не любит меня, может пожелать остаться в этом проклятом, оскотленном городе.

Визирь. Он пришел и сказал мне нет, хозяин, я не стану возвращаться, пойду, говорит, паду в ноги к Повели-

телю, пусть выделит мне землю, клочок земли, я останусь здесь, в этом возрасте я хочу только обрабатывать землю. Он просил, чуть не плача: замолви за меня словечко, попроси, мол, за меня Его Величество.

Шах (гневно). Вот как... Палач Мамедгулу рано или поздно должен был явить свою низость, вот и проявил. Жаль, очень жаль. Значит, он считает, что служба у меня недостойна его. На что он рассчитывает, визирь, может, ты знаешь? Ты не можешь не знать, или ты забыл, что именно ты навязал его мне? Коротка же твоя память! А я не забыл. Его следовало повесить, мы же поступили неправильно, сделали его человеком, взяли его на службу. Если старший палач оказался предателем, чего же ждать от остальных?! Что молчишь?.. Или, может, думаешь, я не прав, визирь, ты думаешь, я забыл его историю? Он же был убийцей родной матери... И вот благодарность за мою доброту! Жаль, очень жаль. Твое молчание мне тоже подозрительно.

Визирь. Что сказать, что я, несчастный, могу сказать, лучше бы мне умереть. Свет очей моих, что сказать мне тебе, о, наместник Бога?! Я виноват. Я только и виноват. Вы верно изволили сказать, свет очей моих, этот безродный, обнаглел, перешел меру...

Шах. Перешел.

Визирь. Говорит, достаточно и того, что сын мой остается на службе. Вот, что позволяет себе этот наглец. Свет очей моих... конечно, я виноват...

Шах. Он имеет в виду отпрыска этого ублюдка, предателя Шахверди? Это же даже не сын ему. Ты же помнишь. Я не убил щенка Шахверди, да будет проклят его род, передал ему, потому что вдруг пожалел мальчика. Так он теперь пригрел на груди сына моего врага? Хочет оставить его вместо себя? Этот наглец еще будет указывать, как мне следует поступить... Визирь! Я не могу и я не хочу те-

рять свое время на такие пустые дела. Но я желаю, однако, проучить этого змея, чтобы другим было неповадно. Ничего, на сей раз он получит сполна. Подойди ближе. Так, говоришь, он очень любит своего пасынка, да? Любит, как родного? Раз так, схватите его приемного сына, разрубите его на две части и бросьте у ворот его дома.

Визирь. Да, да, да... А его самого, свет очей моих?

Шах. Самого? Ничего с ним не делайте. Пусть живет. Хочет, пусть остается в этом городе.

Вновь свет над Шахом и Визирем гаснет.

Караванбаши. И ты был наказан?!

Дух. Да, меня наказали. По справедливости. Я ослушался приказа. И должен был понести наказание.

Караванбаши. А брат? Его то за что?

Дух. Такова была воля Повелителя мира.

Евнух. *(в сторону).* Все мы в руках Божьих, что еще можно сказать, все мы в руках Божьих.

Дух. И больше не спрашивай меня о Шахверене. Слышишь, не спрашивай. Они не пощадили моего сына - богатыря. Я своими руками вырыл ему могилу, знаешь это?! Эх, да что ты знаешь. Ты же Дуралей, не Аллахверди, а Дуралей. Ха-ха-ха *(На него нападает кашель, и уже не ясно смеется он, кашляет, кричит или стонет.)*

Евнух. Честное слово, это какой-то дурной, больной дух. Как ты думаешь, свет очей моих, может, довольно?! Может, прогоним его, пусть убирается? А?

Караванбаши. Нет, погоди. Сделаем так. Ты выйди! Я хочу кое о чем спросить его наедине.

Евнух. Свет очей моих...

Караванбаши. Пожалуйста, выйди ради Бога, дай мне хоть один миг остаться с ним наедине. Мне хочется кое о чем спросить его.

Евнух. Что ж, разве я могу послушаться? Только я буду поблизости, свет очей моих. Далеко не уйду. *(Выходит.)*

Караванбаши оглядывается по сторонам. Где же Дух? Кажется, Духа и след простыл.

Дух *(внезапно появляется).* Ну, так спрашивай, что ты хотел спросить. Ты богат, у тебя есть дом, товары, ты можешь дойти до самого Шаха. Мир у твоих ног. Что еще ты хочешь?

Караванбаши. Отец, знай, я отомщу за вас обоих.

Дух. Отомстишь? Кому ты будешь мстить? О чем он болтает?

Караванбаши. Я сказал, что сказал.

Дух. Нет, ты что-то темнишь. Объясни, что ты хотел сказать?

Караванбаши. С детства, с тех пор, что я стал что-то сознавать, я живу только этой мыслью. По ночам я засыпал со словом «мечь» на устах, по утрам просыпался с мыслью о мести. Моя бабушка, засыпая, шептала это слово мне на ухо, умирая, она взглядом пояснила: «мечь». «Вдруг, внучек, ты забудешь о мести», говорил мне ее взгляд. Я ответил: «уходи спокойно, не забуду». Если забудешь, сказала она, домовою унесет тебя. Я помнил, сначала со страхом. А потом помнил, как о воздухе, которым дышал, как о хлебе, который ел, о воде, которую пил...

Свет еле мерцает, в постели, на полу лежит Бабушка, рядом с ней молодой Караванбаши.

Бабушка. Ты должен знать, от твоего отца остался кувшин с золотом. Я впервые говорю тебе об этом. Я вырастила тебя в нищете, но кувшина не тронула. Сейчас открываю тебе это, потому что уже на пороге смерти. Тот кувшин хранится в выемке стен колодца. Выемка укрыта

сухими ветками, там птицы свили гнездо, золото твоего отца хранится там. Убийца твоего отца и брата... (Кашляет.)

Караванбашни. Кто, кто их убийца?

Бабушка. Оф... Ах... дай мне передохнуть. О чем я говорила?!

Караванбашни. Ты говорила, что я должен отомстить за смерть моего отца и брата. Кому, бабушка, кому?

Бабушка. Внучек, твой отец, палач Мамедгулу был одним из тех, кто вошел в наш город с шахским войском. Он был доверенным человеком шаха. Стоял на постое в доме по соседству с нашим. Окно его дома выходило прямо в наш маленький дворик. Сейчас уже того окна нет, отец заложил его камнем, когда переехал жить к нам. Твоя мать, Перниса, ох, о Боже, когда я вспоминаю о них... ох, ох... она влюбилась в твоего отца. Он по вечерам при лунном свете стоял у окна и смотрел на наш дворик, а она – со двора – в окно. Ждали, пока скроется луна и наступит ночь. И еще ждали, когда я усну. Но я не засыпала, только притворялась уснувшей... А что мне было делать, она – молодая вдова, как я могла сдержать ее жаркое, призывное томление: «Приди, приди»?..

Свет гаснет. Окно наверху и маленький дворик озаряются лунным светом. В окне Палач Мамедгулу, во дворе Прекрасная Перниса. Перниса развешивает белье.

Прекрасная Перниса. Снова он смотрит, Господи, опять уставился на меня, и ни слова не скажет, ну, почему он так нем, о, Господи?! Но до чего же, до чего же он расстроен... Боже, Боже, неужели и он верует в Бога, откуда у палача столько милосердия на лице...

Бабушка (из комнаты). Перниса, где тебя черти носят? Что ты все никак белье не развесишь, иди скорей

спать, проклятая, уже ночь во дворе, иди. Я уже сплю... Перниса...

Прекрасная Перниса торопливо развешивает белье и хочет быстро убежать, но у входа в дом вдруг останавливается. Возвращается под окно.

Прекрасная Перниса. Знай, что я не из-за тебя убегаю. Я тебя ни капли не боюсь. Думаешь, обманываю?! Все боятся, а я не боюсь.

Мамедгулу. Ишь ты, поглядите на нее. С чего это ты должна бояться меня? И правильно делаешь. Ты меня не бойся. Я тебе ничего плохого не сделаю.

Бабушка. Перниса, где ты...

Прекрасная Перниса. Иду, бабушка, потерпи же немного...

Мамедгулу. Слышишь, она зовет тебя? Наверное, бабушка беспокоится о тебе. Подумает еще...

Прекрасная Перниса. Ну и пусть. Никто не может требовать у меня отчета. Я сама по себе.

Мамедгулу. Однако ты языкаста, девушка, тебя ведь зовут Прекрасная Перниса?... А меня...

Прекрасная Перниса. Ты палач Мамедгулу, я знаю. В нашем квартале все тебя боятся. А я... не боюсь. Не знаю, почему, но не боюсь.

Мамедгулу. И не бойся. Пусть кто хочет, боится, а ты не бойся.

Прекрасная Перниса. Ты живешь один? А где твой сын? Тот рыжий парень ведь твой сын?

Мамедгулу. Сын. Он сам по себе, я – сам. Он остается с солдатами, он десятник. Ест и пьет с ними. Он храбрый малый.

Прекрасная Перниса. А ты чем хуже? Ой, что я говорю?... Скажи-ка лучше мне, твой меч, топор тоже

здесь? А сколько у тебя топоров? А у тебя есть топор, чтобы рубить головы? Покажи мне...

Мамедгулу. Ну и ну... поглядите на нее?.. Зачем тебе все это? Их нет здесь. Я не держу такие вещи дома. Все мое место

Прекрасная Перниса. В тот день глашатай на улице читал указ шаха. Ты слышал об этом указе? Там называлось и твое имя.

Мамедгулу. Что за указ?

Прекрасная Перниса. Шах сказывал, что они, то есть мы, ваши братья и сестры по вере. Говорил, они заблудились, им дали подзатыльник, вот они и опомнились. Сказывал, мол, это наша страна, наш народ, нас нельзя грабить. А мародер или солдат, на которого поступила жалоба, пусть не дожидаясь моего приказа, сам идет к палачу Мамедгулу, чтобы тот его наказал, он получил на это все права.

Мамедгулу. Ну что я могу сказать?! Наверное, так и есть. Бабушка твоя, кажется, заснула, уже ее не слышно. Видишь ту лестницу?

Прекрасная Перниса. Вижу, и что с того?

Мамедгулу. Возьми ее, приставь к окну.

Прекрасная Перниса поднимает лестницу ставит ее к окну.

Прекрасная Перниса. Поставила, ну и что?

Мамедгулу. А теперь осторожно поднимайся наверх.

Перниса. Ты это кому говоришь? Мне? Ни за что! Господи, сколько шума, она же сейчас проснется, проснется, погоди...

Говоря это, Прекрасная Перниса поднимается к по лестнице, Мамедгулу протягивает руку, обнимает ее за талию и легко переносит через окно. Теперь освещена

комната за окном. Мамедгулу обнимает Прекрасную Пернису.

Погоди же, послушай, думаешь, я боюсь тебя, знаешь, что я тебе сделаю, о, Боже, что ты делаешь?! Да ведь бабушка, если услышит, убьет меня, умоляю тебя,пусти,пусти меня, дай уйти, зачем я поднялась сюда. О, Боже! Ну, пожалуйста, давай встретимся завтра, она завтра уйдет в деревню, завтра, хорошо, Мамедгулу, а сегодня отпусти меня, позволь уйти, меня же камнями забьют, ты... ты... Боже, Боже, что со мной, Боже, ой, отпусти меня, ну, пожалуйста, отпусти меня несчастную, бедную, пожалуйста, отпусти... Почему, почему я? Ты слышишь, я с тобой говорю, почему я? Что тебе мало женщин в таком большом городе?!

Мамедгулу. Я хочу тебя, только тебя. Как увидел, сразу полюбил. Как только ты взглянула на меня. Молчи. Слышишь, молчи, пожалуйста, молчи...

Прекрасная Перниса. Погоди, наберись терпения. Нет у тебя терпения, Боже, почему ты так нетерпелив?.. Завтра, завтра в это же время, слышишь, завтра в это время...

Прекрасной Пернисе удается кое-как вырваться из объятий Мамедгулу и она спускается вниз. Добежав до дверей, останавливается, машет в сторону окна рукой, входит в дом. Свет вновь освещает Бабушку и Молодого Караванбаши.

Бабушка. Каждый день, едва наступала ночь, какая-то тучка закрывала ясную луну. словно и луна была с ними заодно. Весь двор погружался в темноту. Твоя мать поднималась по лестнице к твоему отцу, входила в его комнату. И им было уже все равно, сплю я или нет...

Снова свет сквозь окно освещает комнату и падает на сидящую на полу Прекрасную Пернису и положившего к ней на колени голову Мамедгулу.

Прекрасная Перниса. Любишь?

Мамедгулу. Люблю.

Прекрасная Перниса. Не любишь.

Мамедгулу. Люблю.

Прекрасная Перниса. Вот уйдет шах, и ты уйдешь вместе с ним?

Мамедгулу. Я его слуга, я не смогу остаться.

Прекрасная Перниса. Вот теперь мне ясно: не любишь.

Мамедгулу. Поедешь и ты со мной.

Прекрасная Перниса. Нет, ты оставайся, не уезжай. Ну, пожалуйста, пообещай мне, пообещай, что не уедешь.

Мамедгулу. Но ведь я должен буду уехать.

Прекрасная Перниса. А я?

Мамедгулу. Что ты?

Прекрасная Перниса. Я. Разве ты меня не любишь?! А ведь клялся в любви?!

Мамедгулу. Люблю? Я? Ладно, что ж, люблю. Раз я так говорил, значит, люблю. Что-нибудь придумаем. Аллах милостив.

Прекрасная Перниса. Господи, господи, и он заговорил об Аллахе. Вы только послушайте, он говорит об Аллахе.

Мамедгулу. А что, ты не веришь мне?

Прекрасная Перниса. Нет, дай слово, и я поверю. Дай слово, дай. Или... *(Кричит.)* Знаешь, что я с тобой сделаю?

Мамедгулу. Слушай, не кричи так, оглохнуть можно от твоего крика. Ты ведь знаешь, все должны вернуться?

Прекрасная Перниса. Ну и что, пусть, кто хочет, уходит, а кто хочет, останется, я не отстану от тебя, слышишь, мне нужен муж. Мне не нужен странник – сегодня здесь, а завтра там. Мне, кроме тебя, никого не надо, слышишь, ты меня не бросишь, не сможешь бросить, никуда от меня не убежишь, я права Мамедгулу? Ты ведь не бродяга...

Мамедгулу вдруг вскакивает, выпрямляется во весь рост.

Мамедгулу. Что за голос послышался мне. Я словно снова услышал ее голос.

Прекрасная Перниса. Что с тобой? Что ты услышал?

Мамедгулу. Ничего. Ничего. Знаешь, была одна Женщина. Теперь ее нет, умерла. Когда ты говорила, мне показалось, что я слышу ее голос. Господи, что это было?!

Прекрасная Перниса. Как ты изменился в лице... Кем была тебе та женщина? Когда она умерла?

Мамедгулу. Я в то время был совсем юношей. Знаешь... Кем она была? Моей матерью, она была моей матерью...

Прекрасная Перниса. Что с тобой? О чем ты задумался? Твоя мать?!

Мамедгулу. Моя мама, была очень красивой, статной женщиной. И знаешь, в один прекрасный день, она изменила отцу с внучатым племянником отца, купцом Забуллой. У одноногого Забуллы был дом по соседству с нашим. Отец тогда недавно умер. Знаешь, мой отец был путешественником. Он ездил по разным странам, писал книги, кое-

чем торговал... Его называли Путешественником, Путешественником Гасаном. Месяцами его не бывало дома. И в тот раз он недавно вернулся. Мама взяла меня, и мы пошли на базар. А на наш дом напали грабители, убили отца. Я заметил тех грабителей, стал следить и как-то ночью увидел под забором их обоих с Забуллой, они о чем-то договаривались. «Завтра, приходите завтра и забирайте остальное», - говорил им Забулла. Я насторожился. Всю ночь я не спал, сон не шел мне. И вижу, как эта женщина, то есть моя мать, встала, вышла из дома... Я пошел за ней...

Свет гаснет и загорается во дворе. Под большим деревом растелена постель и на ней лежат одноногий Забулла и Женщина.

Забулла. Я сказал им, чтобы они за остальными деньгами приходили завтра.

Женщина. Не надо было так говорить.

Забулла. Иначе нельзя было. Они бы убили меня. Это для них, как глоток воды выпить. Отправили бы и меня к Путешественнику.

Женщина. Не говори так. Не дай Бог.

Забулла. На месте бы прикончили. С такими лучше по-хорошему. Как договаривались.

Женщина. Ну что ж, тебе видней.

Забулла. А что твой парень подделывает? Ничего не говорит?! Вчера, когда я с теми договаривался, показалось, будто с вашей стороны какая-то тень мелькнула. Вдруг, думаю, что заподозрит.

Женщина. Нет, да разве такое возможно? Бедный, целыми днями оплакивает отца. Постоянно твердит: я все переверну, а найду грабителей. Не жить им, говорит, на земле. Только одно и повторяет: «Мечь, мечь».

Забулла. Думаешь, он сможет выследить грабителей?..

Женщина. Да... уверяет... А что?

Забулла. Ничего... Ничего... Убрались бы они поскорей отсюда...

Женщина. Уберутся, уберутся, уже немного осталось. Слава Богу, все закончилось, все будет хорошо. И Мамедгулу, даст Бог, поступит на шахскую службу. Визирь Мешдали обещал это... его отцу. А потом и мы с тобой поженемся, да, Забулла?

Забулла. Да. Да. Я ни за что не отдал бы тебя этому Путешественнику. День был с тобой, а годами бродил по разным странам. Туда-сюда, туда-сюда. Разве ты жила нормальной жизнью? Этот вопрос мы с тобой уже решили с Божьей помощью.

Женщина. Слава Аллаху, слава Аллаху, решили... Да упокоит Аллах его душу.

Забулла. Да упокоит Аллах его душу.

Свет падает на окно. Мамедгулу шепотом рассказывает Пернисе.

Мамедгулу. А теперь слушай внимательно, вот сейчас она произнесет те самые слова, которые мне слышались. Прислушайся. Спокойней, не бойся. Сейчас, сейчас она запечатлеет их в моем сердце. Нет, нет, я, кажется, поспешил, сначала мне слышался голос отца, моего несчастного отца. А потом мать сказала те слова.

Из темноты доносится голос.

Голос. Сын мой, сын мой, разве ты не мой сын, как же ты можешь спать по ночам, зная, что эти негодяи сговорились и убили твоего отца. И каждую ночь ложатся в одну

постель, оскверняя его могилу. Как ты можешь терпеть это, Мамедгулу?! Я жажду мести, сын мой, я жажду мести.

Мамедгулу (*Прекрасной Пернисе*). Вот сейчас, сейчас. Прислушайся.

Женщина. Туда-сюда, говоришь, Забулла. Даже если б он не уезжал. Я бы не смогла жить без тебя. Пусть кто хочет, уходит, кому хочется- приходит, а я не оставлю тебя, ты знаешь это? Мне никто, кроме тебя, не нужен. Ты слышишь меня, ты же не бросишь меня, ведь ты же не бродяга. Мне бродяга не нужен. Даст Бог, ты не бросишь меня, не сможешь бросить. Это дело навсегда соединило нас. Ты никуда не сможешь убежать от меня, никуда от меня не денешься, разве я не права, Забулла?.. Забулла, Забулла...

Забулла. Мне что-то пить захотелось.

Женщина. В нашем колодце вкусная вода. Сейчас принесу.

Забулла. Принеси.

Женщина выходит. Свет гаснет, а когда он загорается вновь, мы видим Женщину у колодца. Она наклоняется набрать воду. Сзади к ней подкрадывается Мамедгулу.

Женщина (*неожиданно оглядывается*). Это ты, Мамедгулу? Почему ты не спишь? Что ты так стоишь, посмотри на меня, посмотри мне в глаза. Почему ты отводишь глаза, сынок?

Голос. Я жажду мести, Мамедгулу. Я жажду мести.

Женщина (*тоже слышит голос*). О Боже... Господи... Ой... Ла иллаха иллаллах... (*Смирненно поворачивается спиной к Мамедгулу.*)

Мамедгулу сталкивает Женщину в колодец.

Мамедгулу (*опускается на землю*). Боже, боже, что я натворил, что я натворил?! Я достойный смерти негодяй, подлец, убийца...

Свет гаснет, а когда загорается, Забулла под деревом один. Мамедгулу осторожно подкрадывается к нему.

Голос. Я жажду мести, Мамедгулу.

Мамедгулу вонзает в спину Забулле кинжал.

Забулла. Это ты? А... (*Падает.*)

Свет снова направлен на Мамедгулу и Прекрасную Пернису.

Прекрасная Перниса. Успокойся, успокойся, слышишь? И никогда больше не поддавайся этим черным мыслям. Не было ничего этого, не было, слышишь, никогда не было...

Мамедгулу. Поздно, ты ступай, а я хочу побыть немного один, завтра с утра у меня много работы.

Прекрасная Перниса. Ухожу, свет очей моих, ухожу, а ты поспи, отдохни немного. Успокойся, найди в душе покой...

Мамедгулу. Знаешь, завтра я хочу пойти к визирю Мешдали. Скажу ему, что хочу остаться в этом городе. Пусть он замолвит за меня словечко перед шахом.

Прекрасная Перниса. Свет очей моих, свет очей моих. Мамедгулу, жизнь моя...

Свет гаснет. Когда он загорается, мы видим визиря Мешдали.

Визирь. А ну-ка, иди сюда.

Входит Главный служитель.

Кто сегодня дежурит у ворот?

Главный служитель. Десятник Рамазан.

Визирь. Прикажи ему никого ко мне не пускать.

Главный служитель. Слушаюсь. Хозяин, днем приходил палач Мамедгулу.

Визирь. Чего он хотел? В каком он был состоянии?

Главный служитель. Он ничего не сказал. Спрашивал тебя, говорил, что ждет от шаха ответа. Когда узнал, что тебя нет, сказал, что зайдет вечером.

Визирь. Сегодня у меня что-то голова разболелась. Я буду спать. Не хочу никого видеть. Слышал?

Главный служитель. Слышал, хозяин.

Визирь. Если снова явится Мамедгулу, его и близко не подпускать. Нет меня.

Главный служитель. Да, хозяин, я все понял.

Визирь. И слугам скажи, пусть сегодня покрепче запрут все двери. Если хоть один из солдат заснет, я сам накажу его. И ты ответишь за это.

Главный служитель. Да, хозяин. Будь спокоен, господин. Отдыхай, хозяин. *(Выходит.)*

Визирь. О, Господи, помоги нам. Избавились мы от этой напасти, слава Богу, опасность миновала, слава Богу. Я сам во всем виноват. Ну, с чего это я стал докладывать шаху каждое слово?! Желаете остаться, Мамедгулу?! Вот ты, вот — шах, иди сам и проси его о чем хочешь. А что не так, тебя же и накажут. Вот так и должно быть.

Свет гаснет. Когда он загорается, мы видим лежащих рядом Мамедгулу и Пернису.

Мамедгулу. Если б у нас родился сын, мы назвали бы его Аллахверди. Раз уж Аллах даровал мне тебя, он обя-

зательно дарует и сына. Шахверену подойдет Аллахверди. Как ты думаешь?

Прекрасная Перниса. Что я могу сказать. Все будет, как ты пожелаешь.

Снаружи слышится цокот коней. Цокот приближается и вдруг замолкает у самых ворот. Мертвая тишина. Что-то с шумом падает на землю.

Прекрасная Перниса. Что там такое? Ты слышал?

Мамедгулу. Тише. Тсс...

Голосснаружи. Предатель Мамедгулу! Предатель Мамедгулу! Получай награду за свое предательство. Вот тебе ответ, предатель Мамедгулу, предатель Мамедгулу, предатель, предатель...

Цокот копыт удаляется. Мамедгулу встал, застыв как изваяние. Наконец он берет себя в руки, идет к воротам.

Прекрасная Перниса. Что случилось, куда ты? Не уходи. Пожалуйста...

Мамедгулу подходит к воротам. У ворот лежит большой мешок. Мамедгулу бессильно опускается на колени.

Мамедгулу (шепотом). Шахверен, это ты?

Прекрасная Перниса. Ой, о, Господи, о, Господи...

Мамедгулу. Шахверен, сынок...

Свет гаснет. Когда он загорается, мы снова видим Духа и Караванбаши.

Дух. Ты совсем утомил меня. Ну что, теперь твое сердце успокоилось?

Караванбаши. Я отомщу за вас. Говори, что хочешь, но я отомщу.

Дух. Кому ты будешь мстить, Дуралей? Ты все бормочешь, брат, брат, а ведь он даже не был тебе родным.

Караванбаши. Не имеет значения, это не имеет никакого значения, я все равно отомщу за него. Знаешь, отец, я ничего не могу с собой поделатъ. Бабушка так и умерла со словами о мести. Даже сейчас она каждую ночь является мне и шепчет: «Смотри же, помни о мести, отомсти... Иначе... придет домовая и унесет тебя».

Дух. Ха-ха-ха... Мечь. Поглядите на этого мстителю. Он мести хочет.

Караванбаши. Да, я хочу отомстить. Я этого хочу. Не ради кого-то, а ради себя. Только для себя. Хочу спокойно спать по ночам! Разве ты не отомстил за своего отца? Отомстил.

Дух. Из-за этого и вся моя жизнь прошла впустую. Нельзя жить жаждой мести.

Караванбаши. Бабушка, умирая, передала мне кувшин с золотом, сказала, что это мое. Что это ты оставил его мне. Она говорила: враг твой могуч, богат. Не транжирь это золото, а приумножай. Только силой золота ты сможешь отомстить.

Дух. Ишь ты, старая карга оказалась не воровкой...

Караванбаши. Она вырастила меня, поставила на ноги. Драгоценностей не тронула. Не говори так о ней.

Дух. Она на меня всегда смотрела косо. За все время мы с ней даже двумя словами не перемолвились. Я всегда думал, что она ненавидит меня. Однако, она оказалась верной...

Караванбаши. Ты говорил, что это не твое золото...

Дух. А кто владеет до конца своим золотом? Говоришь, ты богат. Смог приумножить оставленное мной богатство. А разве это богатство твое, Дуралей?

Караванбаши. А чье же, если не мое?

Дух. Нет, не твое это богатство. Оно накоплено благодаря милостям шаха. Значит, принадлежит ему.

Караванбаши. Нет, нет, отец, не говори так, умоляю тебя, не говори так. Ведь шах мой самый главный враг.

Дух. Вот как? «Враг».... А за что? Может...

Караванбаши. Да, отец. Из-за тебя, из-за брата.

Дух. Что ты болтаешь, щенок?

Караванбаши. Да, отец. Правда, это не он причинил вам столько зла, а его отец, но знай, что я не оставлю кровь неотомщенной. Я отомщу ему. Не дам остаться брату неотомщенным!!! Не позволю. Разве впустую я стонал по ночам, думая о брате. Мой бедный брат, мой несчастный брат, мой злосчастный брат, бедняга... И никакие твои слова не убьют в моей душе братскую любовь, знай это.

Дух. Ты... ты... ты действительно Дуралей...

Караванбаши. Пусть будет, Дуралей - так Дуралей. Знаешь, о чем я думаю, отец?! Ведь я караванбаши. Торгую в дальних странах. Лунные ночи, долгие, нескончаемые дороги, звон колокольчиков верблюдов, собаки, бегущие за караваном и иногда воющие на луну... Много разных мыслей приходит в пути. Вот увидишь, если Бог даст, если Бог даст, я отомщу за вас. Даже если этот шах умрет, я отомщу его сыну...

Дух. Как ты будешь мстить, несчастный?

Караванбаши. Отомщу. Ты же знаешь, что я один из самых доверенных его лиц. Главный советчик. Исполняю все поручения его жены, детей. (Оглядывается.) Я отравлю его. И он тихо умрет. Будет мучиться, как собака,

и никто не догадается, чьих рук это дело. Ну и что же, что умер тот шах?! Сын должен ответить за грехи своего отца.

Дух. Ты был грудным младенцем. Ты был так красив, когда припадал к белой груди своей матери. Дуралей. Не делай этого.

Караванбаши. Никто не догадается. Я подарю ему замечательную трость. В краю неверных есть город венедов посреди воды, я привез ее оттуда. Погоди-ка, посмотрю, не подслушивает ли этот бездельник?! *(Подходит к двери.)* Нет, кажется, все тихо, никто нас не слышит. Короче, эта трость изнутри наполнена отравой. Всякий раз, когда он будет бить тростью о землю, яд будет испаряться и проникать в его грудь. Ему эта трость очень приглянулась. Прямо глаз оторвать не может. Ведь он в детстве упал, и с тех пор хромает. Его собака упала в воду, он прыгнул, чтобы спасти ее, вот тогда и повредил ногу. Да, отец, это очень умно придумано. Конечно, я убью его.

Дух. Но за что? Ты хоть подумал – за что? Ты же сказал, что его отец, тот шах, умер, а этот чем виноват? К тому же что мне за польза от того, что ты совершишь?! Ты хоть раз задумался о том, что там сейчас мне, может быть, гораздо лучше, чем с вами здесь?! Почему же ты хочешь мстить за меня? Это глупость, сынок. Глупость.

Караванбаши. Нет, нет, не глупость. Это в отместку за все твои муки. На этом свете свои расчеты. Может, там вы все с ума посходили, обо всем забыли, может быть. Этот мир ни о чем не забывает, отец, не может забыть. Вина шаха велика, конечно, велика.

Дух. Ты рассказываешь сказки. Каждый в чем-то виноват. Кто из нас безгрешен? Разве я претерпел столько мук просто так? Нет, за свои грехи. Я нарушил приказ повелителя, и понес наказание. Рано или поздно я должен был быть наказан...

Караванбаши. А мой брат?

Дух. Я же говорил, он тебе... Если хочешь знать, и он погиб из-за меня. Бедняга пожинал то, что я посеял. Он ни в чем не был виноват.

Караванбаши. Видишь?! Видишь, ты сам говоришь, что мой бедный брат ни в чем не был виноват...

Дух. Да, он ни в чем не был виноват. Но ведь был совершен грех, сынок. Мой грех, его грех, твой грех – какая разница чей. Был грех. Твой брат погиб из-за меня... Не делай этого, сынок. *(Кладет руку на голову Караванбаши, словно хочет погладить его.)*

Караванбаши *(прижимается к нему).* Отец, да стану я твоей жертвой, отец, благослови меня.

Дух. Послушай меня, сын мой... Послушай меня хорошенько. Ты... еще молод, какие твои годы?! Ты должен продолжить род. Наш род, мой род, род моего отца. Погаси в сердце пламя мести, скинь этот груз, иначе, что за жизнь ты проживешь? Говоришь, у тебя есть все, деньги, богатство... Но где же твой покой? Нет его. Нет. Мне... знаешь, жаль тебя...

Караванбаши. Отец, ты говоришь, чтобы я этого не совершал, выбросил желание мести из головы, из сердца, но ведь если я не сделаю этого, то я умру. Мне не будет ни минуты покоя.

Дух. Думаешь ты обретешь покой, если совершишь это?!

Караванбаши. Да, я знаю, так и будет.

Дух. Не обретешь. В этом нет покоя. Знай, то, чего нет – не найти. Ты обречен на это, постарайся сжиться со своей болью, договорись с ним, привыкай. Все муки насылает нам Бог, сынок. Пусть он сам воздаст каждому. Ты в дела Бога не вмешивайся.

Караванбаши. Нет, ты опять не прав, а как же справедливость? Почему ты не говоришь о справедливости? Ведь для чего я вызвал тебя?.. Для чего я вызвал тебя?.. Ах, надо было вызвать тебя после того, как все было бы закончено. Ты обрубаешь мне крылья... ведь... знаешь... я ту трость... говорю... я уже подарил шаху. Отец... что же я сделал?.. Боже милостивый, почему я так несчастен! Боже милосердный... Как же он радовался, отец, когда получил трость. Как же теперь забрать подарок обратно?.. Он так понравился шаху. Видел бы ты, какая тонкая работа. Что сделано, то сделано, отец...

Дух. Дуралей, дуралей... Что ты наделал, сынок... да разве смеет раб Божий поднимать руку на наместника Аллаха на земле?! Ты не раб Божий.

Караванбаши. Отец, сейчас ведь даже не те времена. Его жестокость известна всем... Все только и говорят о его бесчеловечности... Знал бы ты сколько очагов, сколько родов он уничтожил... Его отец перед ним бледная тень. Я правильно поступил, отец.

Дух. Я отрекись от тебя, если ты не пойдешь, не падешь в ноги шаху и не станешь молить о пощаде. Моли, умоляй, пока он не простит тебя. Сам все расскажи ему, я знаю, он простит тебе, если ты сам во всем покаешься... может быть.

Караванбаши. Что ты говоришь, да он сдерет с меня заживо кожу...

Дух. Моли. Или же нет, сделай так. Сделай так, чтобы тот посох украли. Сломай его на мелкие кусочки, уничтожь это творение безбожников. Сделай это.

Караванбаши. Поздно, уже поздно, отец.

Дух. Ах, попалась бы мне в руки эта твоя старая бабушка, мы бы с моим чернокожим рабом нашли для нее достойную казнь, я сам бы расплавил свинец и по капельке

вливал ей в горло. Сколько узоров я выколол бы иглой на ее языке, нашептывающем тебе о мести. Старая карга, она оказалась настоящая каргой. Отомстила мне, наконец, будь она проклята. Отомстила... за дочь...

Караванбаши. Отец, да стану я жертвой их речей, отец, отчего ты так переживаешь за меня? Господи, как я счастлив, Господи, ты знаешь, отец, как я счастлив?!

Дух. Кто же у меня здесь есть, кроме тебя? Никого не осталось. Конечно, я горюю о тебе. Но я повторяю: даже твой старший брат не одобрил бы твоего поступка – хочу, чтобы ты знал это.

Караванбаши. Не одобрил бы?! Тогда выходит, что я зря жил все это время?!

Дух. Встань, не плачь, как Женщина. Вставай, поспеши к шаху. Пока не раскрылась тайна трости, поспеши...

Караванбаши. Нет, я не могу пойти. Как же я посмотрю ему в глаза, отец?! Никак не могу. Что там за шум?

Снаружи слышатся крики: «Предатель, предатель, открывай, открывай ворота». Раздаются удары в ворота.

Голос евнуха. Свет очей моих, свет очей моих. Пришли стражники шаха. Шах требует, чтобы ты немедленно явился к нему.

Караванбаши. Говоришь, стражники пришли? Ну, вот. Значит, тайна раскрыта. Вот так-то...

Дух. Если он прислал стражу, то не ходи. Поздно, теперь он накажет тебя. Прикажет пытать. Я знаю, что ждет тебя. Беги. Не задерживайся. Беги, куда глаза глядят, куда несут ноги, исчезни, спасайся... Что ты стоишь, Аллахверди, что с тобой?

Караванбаши. Знаешь, отец, не думай, что я говорю это потому что ты явился, но смерть — хорошая вещь... В те далекие ночи, покачиваясь на верблюде, я изо всех сил старался представить ее, но не получалось...

Голос евнуха. Свет очей моих, они очень нетерпеливы, хотят сорвать ворота, говорят, мол, если ты... захочешь бежать, они перебьют нас всех...

Караванбаши. Скажи им, что я иду, пусть потерпят немного, сейчас приму омовение и пойду, куда мне бежать?! Иду. Прости меня, отец, прости. Наверное, это наша последняя встреча.

Дух. Старуха, старая карга. Не дала ты ему жить на земле, отомстила мне, отомстила.

Караванбаши. Ты слышишь меня, отец, прости меня. Я хотел тебя обрадовать. Не получилось. Прости меня. *(Подходит, открывает дверь, в комнату вбегают перепуганный Евнух.)* Иди сюда, иди, успокойся, выслушай меня, успокойся, я должен кое-что сказать тебе. Слушай меня как следует. Ты не забыл, что я спас тебя от смерти?!

Евнух. Да разве я могу забыть такое, свет очей моих?!

Караванбаши. Вот и хорошо, сейчас я выйду к стражникам. Доверяю тебе своего единственного ребенка. Хватай все, что сможешь унести и беги из этого дома. В этой бумаге написано где хранится мое золото, драгоценности *(Передает Евнуху лист бумаги.)* Возьми это, иди, забери ребенка и уходи, не стой больше здесь, спеши... *(Евнух падает ему в ноги.)* Постой, сначала скажи им, что я иду, никуда бежать не собираюсь. Вот так-то. Ну, прощай. Пошевеливайся.

Евнух. Свет очей моих, свет очей моих... Прощай, прощай свет очей моих.

Евнух выходит.

Дух. Ты, кажется, принял решение?!

Караванбаши. Отец, отец, я всю жизнь прожил, тоскуя по вам. О матери ни разу и не вспомнил. Только — ты и мой брат. Нет у меня никакого решения. Приговор мне вынесет шах. А вот сейчас, отец, мне вспомнилась мать. Я даже лица ее не помню, бедняжки, несчастная моя мама, почему же все так случилось, отец?!

Дух. Я... не знаю, сынок.

Караванбаши. Назови меня Дуралеем, отец, скажи, что я Дуралей.

Дух. Но нет, дай я расскажу тебе. Был совершен грех, сынок. И твоя мать должна была искупить смерть той несчастной. Я остался в городе из-за твоей матери. А было это так. Мы совершили грех, сынок, Дуралей... Была ночь... Твоя мать мирно спала. Я разбудил ее, сказал: "поднимайся".

Свет снова освещает комнату Мамедгулу. Прекрасная Перниса спит. Мамедгулу сидит подле нее, поджав ноги.

Мамедгулу. Поднимайся. Слышишь, пора.
Прекрасная Перниса *(сонно).* Мамедгулу, что такое?

Мамедгулу. Пора.

Сон тут же оставляет Прекрасную Пернису, она быстро вскакивает, одевается.

Мамедгулу. Ты готова? Знаешь, мы должны уйти.
Прекрасная Перниса. Побеспокойся о ребенке.
Мамедгулу. Пойдем?
Прекрасная Перниса. Идем.

Они выходят из комнаты. Выше них возвышается нечто, похожее на скалу, Мамедгулу, а за ним Прекрасная Перниса поднимаются и встают на скалу.

Мамедгулу. Аллаху - акбар.

Перниса. Аллаху Акбар. Нет Бога, кроме Бога...

Мамедгулу берет Прекрасную Пернису на руки, поднимает над головой.

Мамедгулу. О Боже, прости нам наши грехи.

И вдруг Прекрасная Перниса исчезает, а руки Мамедгулу так и остаются вознесенными к небесам. Свет гаснет. Когда он загорается, мы снова видим Караванбаши и Духа.

Дух. Теперь ты все знаешь. Ничего не осталось. Ничего. Беги, беги, ты тоже беги, спасай свою жизнь.

Караванбаши. Отец, отец... что ты говоришь, отец. Нет, если я убегу, они станут преследовать нас и не успокоятся, пока всех не схватят. Пусть они уйдут довольные. Чем виновен ребенок?! Это я во всем виноват. Я и понесу наказание. Сам. Им я нужен. Так-то, отец. Я хочу...

Голоса снаружи звучат громче. Стражники начинают ломать ворота.

Я здесь, Боже милостивый, здесь. Иду. Потерпите. Боже милосердный.

Дух. Чего, сынок, чего ты хочешь?

Караванбаши. Я хочу, чтобы ты привиделся мне в явь...

Дух. Это... невозможно, сынок. Я не... смогу этого, ты должен знать...

Караванбаши. Да, ты говорил это, мы не узнаем друг друга... даже, если будем стоять рядом. Это невозможно.

Дух. Невозможно.

Караванбаши. И брата я не узнаю, отец?

Дух. И его не узнаешь.

Караванбаши. Тогда, отец, значит, мы пропадем, исчезаем, растворяемся?

Дух. Мы есть. Мы существуем.

Караванбаши. Отец, я хочу увидеть свою мать.

Дух. Поздно, сынок, скоро уже они ворвутся в дом. Ты опоздал, сынок, Аллахверди, ты опоздал.

Караванбаши. Назови меня Дуралеем, отец, Дуралеем.

Дух. Дуралей... Знаешь, что?! Сними этот кинжал, висящий на ковре. Возьми, да не дрогнет твоя рука. Вот так. Возьми и сделай это.

Караванбаши срывает со стены кинжал.

Теперь не бойся. За каждый грех следует наказание. Неизбежно. Не бойся. Вонзи его себе в сердце, да не дрогнет твоя рука, пусть тебе кажется, что ты возвращаешь что-то... На свое место. Вот так.

Караванбаши. Что-то... (Вонзает кинжал в свое сердце.) возвра... щаю? (Умирает.)

Дух. Прощай, сынок.

Снаружи шум и крики, но по мере того, как уменьшается свет, затихают и звуки, они остаются где-то далеко, и мы снова видим холмики, окутанные белым туманом, Белую Тень и Черную Тень. Входит утомленный Дух.

Черная Тень. Вернулся?

Дух. Вернулся.

Белая Тень. Добро пожаловать. Хорошо, что ты вернулся... Но почему ты... так грустен?

Черная Тень. Ты выглядишь усталым. И, кажется, немного напуган?!

Дух. Нет, это не так. Вам это только кажется.

Черная Тень. Все в порядке?

Дух. Все в порядке.

Белая Тень. Ты расскажешь нам, что происходит внизу?

Черная Тень. погоди, не торопи его.

Белая Тень (обращаясь только к Духу). Кто вызвал тебя? Ты узнал его?

Дух. Когда попал туда, узнал. Сейчас – не помню. Я все расскажу. Не беспокойся, если вспомню, расскажу. Дай перевести дыхание, если вспомню, обязательно. Конечно...

Так, беседуя, они уходят и скрываются за холмиками и, когда начинает звучать тоскливая мелодия, наступает этот никак не желающий приходить полный покой

Конец

1997

ШАХ ИСМАИЛ, ИЛИ ВСЕ, ВОЗЛЮБИВШИЕ ТЕБЯ ДАВНО УЖ ЗДЕСЬ!..

*мистическая и реальная история
из прошлого и настоящего
в двух действиях*

Действующие лица:

Профессор – Наставник
Девушка – Таджлы ханум
Шумер – Шах
Египтянин – Шах Исмаил
Врач – Визирь
Электрик – Стражник
Главный Стражник

Действие первое

Один угол сцены представляет собой полутемную комнату – библиотеку. Книжные полки диван, стол, стулья... На диване усталый, полусонный профессор. Девушка сидит на стуле и читает книгу. Другая сторона сцены совершенно затемнена, но эта темнота в любую минуту может ожить и наполниться светом.

Профессор. Не пришли... Наверное, уже и не придут. А жаль. Ну что за люди?! Как они не понимают, что сегодня – особый день, последний?! Время... время...

Девушка. Ну, что ты беспокоишься?! Это их дело – захотят, придут, не захотят... ну их... Папа, пожалуйста, ты с утра ничего не ел. Давай я принесу тебе поесть... И лекарства свои ты не принял.

Профессор. Не пришли. Уже поздно, не придут... ничего не хочу, ничего. Ни есть, ни пить, ни спать... ни... жить... ни умереть. Не приставай ко мне. Читаешь, вот и читай. Не отвлекайся.

Девушка. Все, что приключилось с тобой, из-за той книги. С нее все и началось. Да что там такого, что ты глаз не отводишь?!

Профессор, поднявшись с дивана, вглядывается в темноту так, будто хочет что-то различить в ней. Но темнота погружена в безмолвие, но в то же время словно тяжело дышит. И, кажется, кто-то шевелится в той темноте.

Профессор. Вроде что-то мне показалось. Вот там, погляди. Ты ничего не видишь?

Девушка. Отец, иди, ложись и успокойся. О, господи, господи...

Профессор снова ложится на диван.

Профессор. Снова ты повторяешь свое. Доченька, дорогая, зеница глаз моих, ведь это совсем иное. Это же не шутка! Должен же я передать кому-то эту книгу или нет?.. Пойми. Самой большой ошибкой было то... что я вначале утаил ее от всех.

Девушка. Ну, довольно, папа. Оставь эти разговоры. Опять принялся за свое. Ааа, я тебе еще про свой сон не рассказала?

Профессор. Кто о чем! Сон?! Расскажешь еще, не беспокойся.

Опять он тебе снился? Знаю... Вот здесь (*указывая на книгу*) ты и найдешь все свои сны. Найдешь, если захочешь.

Девушка. Папочка, это было так интересно. Господи, после того разговора, эта книга просто фантастика. Но опять та же проблема. Я снова не могу двинуться дальше той точки. Ну, просто смешно. Не могу и все. Возвращаюсь, снова открываю начало. Это от меня не зависит. Я словно не в себе. А он... правда... стал мне самым близким человеком... Я имею в виду шаха...

Профессор. Я же тебе говорил. А ты? Прицепилась ко всякой детской болтовне. А знаешь, что мне открывается? Этот правитель был совсем другим шахом. Я чувствую это.

Девушка. Расскажи мне.

Профессор. Ты читай. Читай внимательно, увидишь, там все написано. Я тоже не могу одолеть ту страни-

цу. Странно, кажется, все дело не в Шахе. Шах умирает, шах остается – все это пустое, как бы сказать, это нечто другое. Истина в том, что каждый человек, умирая, где-то блуждает, бродит, кружит, а потом вновь оказывается в материнской утробе, утробе своей матери, и мать должна быть готова к этому, она тоже находится в движении, она тоже, претерпевает множество превращений, кружит, возвращается... Так же и он. Всякий раз шах, и всякий раз Шах Исмаил. И каждый раз тот же Путь. Его как магнитом тянет в одну точку. Тот же уход. Та же игра. Тот же лабиринт и тот же Путь выхода из него. Ему тоже ну... осторчертело все это. (*Указывает в темноту.*) Видишь, молчит. Кружит пока. Ищет путь к лону. Вновь рождается, и будет бесконечно переживать одно и то же. Разве это не мука?!

Девушка. Папа, а если они придут, они, говорю, ... ты веришь, что они поймут... чего ты хочешь?

Профессор. Поймут или нет – не это главное. Пусть поверят. Этого довольно. Эта книга – истинный клад, ты же понимаешь.

Девушка. Я? В последний раз, помнишь, они чуть не огрызли друг друга.

Профессор. Их надо подвести к порогу книги. Книга сама примет их в свое лоно.

Девушка. Я никогда не забуду. Господи, до чего они вдруг стали похожи друг на друга...

Профессор. Странно, раньше такого не бывало. А после того, как ты сказала, вижу, что да...

Девушка. Папа, может, дать тебе поесть?! Они не придут. По-моему, испугались. Решили, что ты сведешь их лицом к лицу, устроишь очную ставку...

Профессор. Что сказать... Может быть... А откуда (*показывает на темноту*) уже ни звука не доносится... Впрочем, нет, прислушайся, кажется...

Девушка. Папа, ты снова за свое?! Нет, никакого «оттуда», нет. Не гляди туда. Ну, что еще? Что с тобой?

Профессор. Ты слышишь? В дверь звонят. Звонят. Открывай. Кажется, пришли.

Девушка. Нет, я не слышала...

Профессор. Пришли...

Девушка выходит и приглашает в комнату Шумера и Египтянина.

Девушка. Проходите. Он давно ждет вас.

Профессор. Пришли. Ну, наконец-то. Вы чуть не опоздали.

Шумер. Простите, в дороге немного...

Египтянин. Сначала опять не могли найти дом.

Профессор. Ничего. Садитесь. Садитесь. Чай, кофе? Хорошо, что пришли. Как хорошо... А может... Кто знает?..

Египтянин и Шумер. Нет, нет, спасибо. Чай... кофе... если не трудно... мы причиняем вам хлопоты...

Девушка. Никаких хлопот. Ничего, я сейчас...*(Выходит.)*

Профессор. Ну, так... теперь, наконец, можно начинать. Как знать, может, это и будет финалом?! Времени осталось совсем мало. *(Смотрит в темноту.)* Как будто... он собирается начать двигаться. Смотрите, смотрите. Там словно кто-то есть. Вы видите? Интересно, слышат ли они нас? Вы ничего не слышите?

Египтянин. Я не слышу. Не вижу.

Шумер. И я не слышу. Там темно.

Профессор. Ничего, не станем спешить, всему свое время. Так. Подождем. Смотрите – вот она *(показывает*

книгу). Вот книга, которую я хотел показать вам. До вас ее никто не видел. Вы первые, кому я показываю ее. «Книга богатств». Век XVI. Гаджи Мир Гасан ага Сейях. Век спустя, благодаря Зейналабдину Эльбейи она обрела другое название – «Приключения тайн». На самом же деле это второе издание. С предисловием, дополнениями, картами... Эльбейи проделал очень большую работу. Собственно, и «Книга богатств» стала известна после него. В философии, географии она известна как «Приключения тайн». Хотя ее настоящее название «Книга богатств». Вот она – «Книга богатств». Вроде, что-то слышалось. Нет?! Вы там ничего разглядеть не можете? По-моему...

Входит Девушка с чаем и кофе.

Девушка *(Тихо Египтянину и Шумеру).* У меня к вам просьба. Может, вы сможете уговорить его принять лекарства. Врач строго-настрого наказал. Сейчас он и сам придет.

Египтянин. Знаете, профессор, после вас я просмотрел пару книг. Вам не время выпить лекарства?!

Шумер. Вечереет. Смеркается. Время. Где ваше лекарство, профессор?

Профессор. Мое лекарство? Какое вам дело до лекарств?.. Никогда в жизни я не принимал лекарства. И вам не советую. Вы знаете, когда в первый раз мне попала в руки «Книга богатств» – я думал, что попал в царство сновидений. *(Девушке.)* Кстати, вспомнил. Не забудь. Я имею в виду твой сон... расскажешь... потом.

Девушка. Папа, ну, прими лекарство, ну, пожалуйста... *(Протягивает ему лекарство.)*

Профессор. Нет, потом, позже. *(Гостям.)* Да... я не мог понять, во сне я или наяву, была такая тишина. Вы пейте чай. Стынет.

Египтянин. Знаете, профессор, этот вопрос несколько сложен.

Шумер. Просто, профессор, по-моему, все очень просто... Здесь нет ничего сложного.

Египтянин. Есть.

Шумер. Нет.

Девушка *(Профессору).* Папа, они снова стали походить друг на друга.

Профессор. Да, стали. Не обращай внимания. Я в таких вещах не разбираюсь. И не хочу. Однако, как вы сказали?! Да, да. Да, да. Но с одним условием: одновременно. Это и просто и сложно. И прекрасно и безобразно. И ангел, и дьявол. И шах, и поэт. Возьмем, к примеру, Шаха. Я имею в виду Исмаила, Хатаи... *(Указывает на книгу.)* Здесь все написано, все... Вы увидите. Сами... увидите. Уже немного осталось. Сейчас.

Девушка *(гостям).* Вы... ваш чай стынет. Папа, может быть...

Профессор. Эльбейи верно назвал книгу. Это истинное приключение. Приключения тайн. А эпоха Шаха Исмаила – венец этой книги. Взгляд с другой стороны. Невидимой для нас. И оказывается, что эта таинственная и невидимая сторона и есть настоящее. Она обретает речь, рассказывает, и тебе все становится ясно – все. Отчего мы такие?! Отчего линия тянущаяся к нам от предков, где-то теряется, исчезает, обрывается?! Сейчас, сейчас и вы все увидите. Сейчас он начнет. Вы увидите все своими глазами. И прежние ваши страсти – ты все твердил Шумер, Шумер, а ты, нет, ты твердил Шумер, а ты – Египет... А там *(Направляется в темноту.)*... Как сердце... бьется. Эта темень – на

самом деле не мрак, она уже излучает свет... свет. Как эта книга...

Звучит грустная мелодия. Темнота и впрямь начинает наполняться светом и возникает Дворец. В одном углу различим трон, в другом – что-то, похожее на приемную. Тени. Потом все опять погружается во тьму. В комнату входит электрик.

Профессор. Ну что, увидели? Увидели.

Электрик. Э л е к т р и к а вызывали?

Девушка. Вызывали. Это вы?

Профессор. Вы видите? Ну... *(В сторону, быстро)* Три дня назад вызывали, явился только сегодня.

Электрик. Столько вызовов, что... Просто неудобно даже. *(Указывает на темный угол.)* Почему там так темно? Проводка перегорела...

Девушка. Нет, не там. Пройдемте в эту комнату. Начнем оттуда. У вас много работы. Здесь всегда пахнет горелым. От этой проводки. Смотрите...

Проходят в смежную комнату.

Профессор. И он увидел. Странно. Ну, что вы можете сказать?

Шумер. Ничего. Нет. Я не видел.

Египтянин. Так себе. Мне показалось. Вроде что-то шевельнулось. Там тоже ваша квартира?

Шумер. Хотите, я... ну, знаете... но ведь там прежде всего нужен ремонт... Капитальный!..

Входит Девушка.

Девушка. Папа, у нас есть провода? У этого мастера, кажется, ничего нет...

Профессор. Откуда? Ишь ты, провода.

Электрик (входит). У вас нет маленького стульчика? Я просил... провода.

Девушка. Сейчас. Идите сюда.

Выходят.

Профессор. Пустое. Вы все равно потом забудете, все, что увидите. И ты. И ты. А она (*показывает на книгу*) останется. Все ответы вот здесь. У шаха была тайна. Все кроется в тайне шаха. И я хотел, чтобы вы прознали про это. Когда меня не ста...

Египтянин и Шумер. Ну что вы такое говорите? Не дай Бог. Что вы такое говорите...

Египтянин. Я вам признаюсь, в последний раз мне многое открылось.

Шумер. И мне. Вы помните, тот, последний раз... Когда мы пришли, вы сказали, что...

Профессор. Ей (*указывая в сторону дочери*) тоже стали сниться сны. Все начинается со снов. Все. Я тоже поначалу видел сны. И знаете, кто чаще всего снился мне?! Вы и представить себе не можете. Гусейн бек Леле.

Шумер. А кто это?

Египтянин. Гусейн бек... Леле?... Ага.

Профессор. Честно говоря, это я свел ее с ума. И эта книга. Никак не кончается. Прямо, бесконечная. Бесконечная. Все читаешь, читаешь... А когда доходишь до места, о котором я говорил, обнаруживаешь, что незаметно для себя вновь вернулся к началу. Вот так-то. Раз за разом. И с ней происходит подобное. Читает. Запоем. Днем и вечером. Днем и вечером. Днем и вечером... Так вы спрашиваете, кто

такой Гусейн бек Леле? И я не знаю. Точнее, не знал. Не знал настоящую истину. А теперь знаю. Конечно, про Шаха. Шах Исмаил. Хатаи. Поэт и Шах. Шах и Поэт. И тайна их двоих. Представляете – с одной стороны, Шах Исмаил... С другой – Хатаи. Вот здесь-то и начинается тайна. Был ли это один человек или это были разные люди? Вы только задумайтесь. Можно сказать, что все книги той эпохи пишут, будто после Чалдыранского сражения с турками Шах Исмаил лично не предводительствовал ни одним военным походом – а они были, были военные походы. Дух его был подавлен. После поражения его жены Бахруза ханум и Таджлы ханум были взяты в плен. Правда, Таджлы ханум, как-то удалось вырваться из плена, добраться назад, а о Бахрузе ханум никаких вестей не было...

Входит Девушка.

Девушка. Ты произнес имя Бахруза ханум, может не надо, он сейчас придет. Доктор.

Профессор. Его только не хватало... Да. Мы не знаем, что переживал в душе Шах...

Девушка. Снова «Приключения тайн?» Папа, ну что ты изводишь себя...

Египтянин. Очень интересно. Только знаете...

Девушка. Отдай им эту книгу, чтобы навсегда закончить с этим.

Шумер. Нам... книгу? А как же...

Девушка. Он сам этого желает. Зачем же тогда он пригласил вас?! Где у нас отвертка?.. (*Выходит.*)

Профессор. Да ну ее. Слушайте. Все приближенные Шаха погибли при Чалдыране, некоторые сгнили в плену... Вы этого больше нигде не прочтете. Об этом написано только в «Приключениях тайн». Только в «Книге бо-

гатств». Гусейн бек Леле... Вы знаете, кем он был? Кто такой Леле? Смотрите, смотрите (*указывает в темноту*) уже можно кое-что разглядеть, вертится, вертится, приближается... к своему концу. Какая скорость, Господи, какая скорость... Конечно, каждый предмет, любая, даже самая мелкая вещь, должна, вращаясь, отыскать свою единственную точку бытия. Представьте, там вращается весь мир, а каждая вещь должна найти свою точку еще и во времени. Это не просто так... Вращается, видоизменяется... Ровно через десять лет, только через десять лет, ближайший соратник Шаха, бывший его наставник, никогда не покидавший его в военных походах, ближайший советник Гусейн бек Леле смог вернуться из турецкого плена. И все, вошло в свой последний этап. Здесь написано, что это возвращение было решающим. И именно в это время раскрылась тайна Шаха. Собственно, эта тайна и поныне скрыта за тюлевым занавесом. Для кого-то вновь вращается, проходит метаморфозы... Но уже в другом временном отрезке, с другой скоростью. Эту тайну постичь невозможно. За ней можно лишь наблюдать со стороны... но вам и этого довольно. Лицом к лицу, глаза в глаза, на одном дыхании... Но тайна. Единственная тайна. Только после этого понимаешь, то есть постигаешь, что...

Египтянин. Профессор, после прошлой встречи с вами мне показалось, что вам уже нечего сказать нам... Но все же...

Шумер. И мне так показалось. Если б все это Вы сказали в прошлый раз...

Профессор. Ты погоди, ты слушай. Времени мало. Времени. Послушай. В некоторых старинных книгах ошибочно, конечно же, по ошибке, пишут, будто Гусейн бек Леле, этот храбрый, отважный человек один на один бился при Чалдыране сразу с несколькими турецкими сол-

датами и был затоптан копытами вставшего на дыбы коня. И голова его отделилась от тела. Но нет... Будто бы солдаты облепили его, как муравьи. Сильным ударом турецкого янычара срубили голову, нанизали ее на копье, а тело пропало. Но нет, это выдумки. Все было не так. А как было? Эх...

Входят Девушка и Врач.

Девушка. Вот, папа, теперь отвечай сам. (*Врачу*) Сколько я ни просила, он так до сих пор не принял лекарства.

Врач (*бодро*). Здравствуйте, здравствуйте. «Не принял»... Ну, не выпил, так не выпил. Мир рухнул? Нет? Вот и я говорю, нет. Сейчас выпьем. Еще как выпьем. (*Будто став серьезней.*) Ну, как дела, как здоровье? Сегодня... никаких болей... не было... Отлично. Проверим-ка пульс... (*Садится, проверяет пульс. Снова Девушке, бодро.*) Мне не запрещено, как некоторым, пить крепкий чай...

Девушка. Ну конечно. Пожалуйста. Сейчас. Ну, как?

Врач. Шучу. Неплохо. Аритмия вроде бы уменьшилась?

Профессор. Сказать правду или то, что ты хочешь?!

Врач. Ах, профессор. Ну, кому нужна эта правда? Да простят меня эти молодые люди, но кто слышит правду, кроме этих четырех стен?

Девушка. Как его пульс?

Врач. Пульс... Нормальный. Не тревожься. Нормальный...

Девушка. Слава Богу. Но вы, пожалуйста, скажите ему, чтобы он меня слушался. (*Выходит.*)

Врач. Ты все понял? Не заставляй дочь беспокоиться. Ты же мудр.

Профессор. Спасибо. Спасибо. Хочешь, и ты послушай. Я тут кое-что рассказывал им. Чего уж там, садись поближе. Время у тебя есть?

Врач. Только... может, я... Не помешаю? Ладно. Я не против. Время у меня есть. Этого добра у меня сколько угодно.

Профессор. Значит, так. Слушай. Не отвлекайся. На чем мы остановились? *(Девушка хочет войти с чаем. Девушке.)* А ты иди к электрику.

Шумер. Вы рассказывали о Гусейн беке Леле.

Врач *(Девушке).* Потом, потом. А кто это?

Египтянин. Наставник Шаха Исмаила.

Врач. Да. Он... Ясно.

Профессор. На самом деле Гусейн бек Леле не погиб во время Чалдыранского сражения. Это убедительно доказывает живший в то время историк Гаджи Мир Гасан Сейях в своей «Книге богатств». Смотрите, вот эта книга. *(Врачу)* Где она? Исчезла? Нет ее. *(Прячет книгу среди других книг на полке)* Гасан Сейях писал, что Гусейн бек Леле не погиб при Чалдыране, а лишь попал в плен, и когда турецкие войска, войдя в Тебриз, отошли затем в сторону Арзрума, один из турецких военачальников, некто Абдулла бек Момин увез его в Турцию. Несколько лет спустя Гасан Сейях гостил у этого Абдуллы бека и увидел там Гусейн бека Леле. Об этом в XVII веке пишет Зейналабдин Эльбейи в своих «Приключениях тайн». Это мы установили. Значит, так. Идем дальше. Что делал десять лет в плену Гусейн бек Леле, мы не знаем. Знаем только то, что он привел в порядок библиотеку Момина и все. И через десять лет, наконец-то, он обрел свободу и прибыл в Тебриз. Уже оста-

лось немного, совсем немного. Так вот, Леле приехал в Тебриз. И только одного он опасается.

Египтянин. Чего? Я сам чуть было...

Шумер. Приключения тайн... Что с тобой?!

Профессор. Время! Что с вами? Пора. Вы готовы? Нет, вы погодите. Вы же не готовы. Мастер! Мастер, мастер, не стой там, иди сюда.

Врач. Успокойся немного. Тебе же нельзя волноваться. *(Входит Электрик)* Ты постой. Подойди. Видишь эту темноту?

Электрик. Да. Это ваша комната? Сейчас ведь там свет горит. Но слабо. Исправим.

Профессор. Горит, значит, и он увидел свет. Теперь слушай меня. *(По мере приближения Электрика свет во Дворце становится ярче.)* Уфф. Наконец-то *(Оживленно)* Гусейн бек Леле прибывает в Тебриз. И только одного...

Электрик. У вас... случайно нет алюминиевых проводов?..

Профессор. Не спеши. Есть, есть. Все есть... Все будет. Потом. И только одного страшился Леле: «Что я отвечу, если повелитель, мой светоч, чьей жертвой я готов стать, то есть мой шах спросит: «Леле, почему ты... почему ты не погиб при Чалдыране, почему не стал шехидом?»?! Какой ответ могу дать я, подлый, несчастный своему повелителю?! Что мне ответить? Я покрыт позором на этом и том свете?!» Я иду, и ты не задерживайся...

По мере монолога профессора начинает звучать музыка и световое соотношение между комнатой и темным пространством начинает меняться. Во время этой перемены и Электрик, и Профессор проходят в приемную Дворца, и Электрик превращается в Стражника. А Профессор становится Леле. Слово ни одного из них только что не было в библиоте-

ке, и до превращения Стражника снова в Электрика, а Леле – в Профессора осталось еще очень, очень много, а может, очень мало времени – все это еще предстоит. Пока не стихнет музыка. Музыка молчит.

Стражник. Ты каждый день твердишь, твердишь одно и то же. Надоело уже. Все повторяешь и повторяешь. Ну, что ты мог сделать?! Ведь в Чалдыране творилось бог знает что. Наш повелитель сам немало врагов разрубил...

Леле. Разрубил, разрубил. Да стану я жертвой разящей руки моего повелителя. Как ты думаешь, сегодня я увижу его?

Стражник. Откуда мне знать, Леле? Я кто? Простой стражник. Откуда мне знать?! Во всяком случае, подожди, посмотрим, что скажет визирь. А ты действительно был начальником личной стражи?

Леле. Был, сынок, был... Визирь... Да что он может сказать? Были бы мои прежние годы... Ничего. Мне бы только Шаха увидеть, все встанет на свои места. Мне есть, что сказать ему. Знаешь, смотри только, чтобы никто не знал, я привез весточку о Бахрузе ханум.

В библиотеке беспокойно ворочается Врач.

Врач. Бахруза ханум?! Откуда они знают Бахрузу ханум?! Позвольте, одну минутку, минутку...

Врач тоже торопливо переходит в сторону Дворца. И по мере перехода, движения его становятся плавными, он на глазах превращается в Визиря. Подходит к Стражнику и Леле.

Визирь. Доброе утро, Леле. Что нового? Как ты? Сегодня наш шах опять сверх головы занят. Я хотел сегодня устроить тебе встречу с ним. Но прибыли послы из дальней Франции. Как только добрались сюда – одному Богу ведомо. По этим дорогам... Расскажи лучше, Леле, как ты смог выбраться из плена? Это же очень загадочно. Молодец. Воистину, тысячу раз молодец.

Леле. Господин визирь. Я уже пять раз рассказывал это твоим людям. Разве ты не знаешь?!

Визирь. Да, да. Рассказывал. Как же не знать – знаю. Но Леле, ты тут упомянул имя Бахрузы ханум. Сказал, у тебя весточка о ней. Этого же ты не рассказывал?

Леле. Да, ты прав, не рассказывал. Как же быстро тебе донесли?! Да. Это я скажу только своему повелителю. Ты только сделай так, чтобы я попал к нему... *(Про себя.)* Кажется, поверил...

Визирь. С Божьей помощью, Леле, с Божьей помощью. Не беспокойся. Аллах любит терпеливых.

Голоса. Наш светоч, мой повелитель, наш владыка. Наш светоч, наш повелитель, наш владыка, наш светоч...

Трубят фанфары. Ярко вспыхивает свет. Из библиотеки Шумер быстро переходит во Дворец и трясет Леле, уже превращающегося в Профессора. Профессор - Леле как во сне.

Шумер. Профессор, профессор, очнитесь, очнитесь, этот, вроде бы шах или кто он, приближается, если он увидит вас здесь, честное слово, вам не сдобровать, идите, идите, возвращайтесь на свое место, идемте.

Профессор. Если увидит меня?... Кто приближается? Шах? Разве дают встретиться... разве дадут встретиться этим двоим. Эти визири, стражники, эмиры, дервиши... Ес-

ли б только эта встреча состоялась... Интересно, поверили визирь? (Стражнику) Будь здесь. Я вернусь.

Страна дворца вновь темнеет. Звуки фанфар все тише. Луч света выхватывает Профессора и ведущего его под руку Шумера. Они усаживаются на свои места. Профессор словно во сне.

Профессор. Эльбейи утверждает, ссылаясь на Гасана Сейяха, что Леле солгал визирю о Бахрузе ханум, чтобы наконец добиться встречи с Шахом. А визирь в это поверил. Он остался там?

Шумер. Вы чуть было не перестарались. А вдруг они что-то заподозрят. Я говорю о Бахрузе ханум. Профессор... Очнитесь. Все закончилось. Прошло.

Профессор. Ты погоди. Я... здесь, а...электрик? Да нет. Где Стражник? А куда делся врач?.. Погодите. Ведь он сейчас придет. Время. Нельзя время упустить. (*Хочет пройти к Дворцу.*)

Египтянин. Куда? Зачем? ...

Шумер. Постой. Да, постойте же вы, я хочу что-то сказать вам. Ладно. Нет так нет. Черт... Держись за мою руку, не падай, вместе пойдем. Что я могу поделаться?..

Шумер точно так, как незадолго до этого уводил Профессора в библиотеку, теперь снова ведет его в сторону постепенно освещающейся приемной Дворца.

Шумер. Ты сам захотел. Отпусти, отпусти мою руку, я не останусь, я уйду. Не пускает. Он же сейчас придет... Шах... Шах Исмаил. Отпусти меня, дай уйти... Ради Бога, я должен уйти... Это все не по мне...

Шумер отпускает Профессора, точнее уже ставшего Леле, а сам у нас на глазах превращается в Шаха. Откуда-то берет и надевает золотой шлем и словно только теперь входит во Дворец. За ним следует Визирь.

Шах. ...встретиться с купцами – почему бы и нет? Но только после французов. Визирь, где ты там, приблизься. Что ты там говорил? Погоди. А это еще кто? Леле, это ты? Да нет же. Ведь... ты? Леле, ты ли?

Визирь. Мой шах...

Леле. Это я, мой славный повелитель, это я, несчастный. Уже целый месяц я жажду коснуться губами пыли ног твоих, но меня не допускают до тебя ... Мой повелитель, вождь, владыка...

Шах. Иди-ка, иди сюда. Так ты жив? Леле, Леле... Всем выйти. И ты ступай, визирь. Сказал, ступай.

Все выходят. Шах снимает шлем. Теперь это уже Шумер.

Шумер. Профессор, это я. Я. Я. Очнись. Профессор, пойдем. Пойдем отсюда, они, кажется, решили, что я – Шах. Сейчас самое время. А то придет настоящий Шах. Иди сюда. Этот Шах точно казнит тебя, честное слово. Пойдем пока есть возможность ...

Леле. За что Шах должен казнить меня?!

Шумер. Вставай. Идем. Идем, пожалуйста. Вставай ты, раб божий. Вставай, поднимайся же...

Переходят в сторону библиотеки. Снова освещение меняется.

Профессор (*словно очнувшись от сна*). За что этот Шах должен был казнить меня? Еще неизвестно, шах... настоящий или нет... Но... Если шах настоящий...

Девушка. Отец, довольно.

Шумер. Как это, если Шах настоящий или нет?! Тссс... Родной мой, разве может быть история такой?! Вот в древнем Шумере...

Профессор. Тссс... Ты еще вспомни древний Шумер. Я вам вот что скажу. Теперь уже можно. У Шаха Исмаила был двойник. Этого мало кто знал. Леле знал. Леле сам нашел этого двойника из какого-то горного селения. Этот двойник внешне, движениями, статью был вылитый Шах. А стоило ему надеть шлем, даже Леле не мог отличить, кто из них Шах. А кто... Этот двойник к тому же был Поэтом. По вечерам, ночами он писал стихи. И по утрам давал их читать Шаху. И псевдоним у него был... Хатаи. Хатаи... то есть... виновный то есть... да...

Шумер. А зачем он был нужен... ну, этот двойник. Господи, во что мы вляпались!

Египтянин. Точно. Вляпались! Ничего подобного не было. Что еще за двойник?

Профессор. Это дело государственной важности. Иногда было необходимо, чтобы шах одновременно оказывался в двух разных местах. Иногда шах должен был быть в каком-то опасном месте. Иногда...

Египтянин (*Девушке*). Вы хоть что-нибудь сообщаете? Ваш отец всегда таков?

Девушка. Нет, просто сейчас дело во времени... у него мало времени... (*всхлипывает*).

Профессор. Спасибо. Днем этого двойника держали в потаенном месте. По крайней мере, так написано в «Книге богатств». Никто не должен был его видеть. Лишь иногда по вечерам ему позволялось выходить. Прогули-

ваться в одиночестве в саду. Причем разрешение мог дать только Гусейн бек Леле. Без него Хатаи словно и не было. А иногда и сам шах любил побеседовать с этим молодым человеком за партией в шатрандж. Шатрандж – это шахматы. В эти часы рядом с ними не было никого, кроме Гусейн бека. И насколько шах был суровым, решительным повелителем, безжалостным, демонстрирующим всем свою власть и величие, настолько же Хатаи был приветливым, миролюбивым человеком. У него был мягкий голос, нежное сердце. Временами Леле жалел его и думал: «несчастный человек». Как-то, прильнув к его плечу, этот молодой человек стал вспоминать свою родную деревню, дом, родителей и горько заплакал. С тех пор, как еще в детстве Леле похитил и привез его во дворец, близкие считали его пропавшим. И в самом деле, двойник шаха был несчастным человеком. Во всяком случае, так написано в «Книге богатств».

Шумер. Ну, хорошо, но ведь Гусейн бек Леле погиб при Чалдыране или, как оно там называлось... Надо еще выяснить, что на шумерском означает слово Чалдыран... Так что же, выходит, Леле не погиб? Остался жив, находился в плену. Предположим, что все так и было. Леле возвращается из плена. А потом? Вот явился Шах. Увидел Леле, но ведь... Его десять лет не было на родине, при дворе. А что же стало с двойником шаха? С поэтом?!

Египтянин. Действительно. Где же был он – Хатаи?

Профессор. Очень умный вопрос. Главный вопрос. Вся суть тайны заключена в этом вопросе.

Девушка. Господи, папа, снова тайна?

Шумер. Тайна? Какая тайна? Что вы так на меня смотрите? Знаете что?! Профессор, ради Бога, давайте оставим все это. Если тайна когда-нибудь способна раскрыться,

значит, она изначально не была задумана как тайна. Но я скажу вам одно...

Египтянин. Нет, вот что скажу я. При виде Леле настроение шаха переменялось.

Профессор. И ты почувствовал...

Египтянин. Конечно, почувствовал. Отсюда все отчетливо было видно. Он растерялся...

Профессор. Леле был взволнован, напуган. И больше всего боялся одного. Боялся, что Шах спросит его: «Почему ты не погиб за веру при Чалдыране, Леле?». На этот вопрос у него ответа не было. На любой вопрос мог ответить Леле. Однако на вопрос: «Почему ты не погиб при Чалдыране?» – ответа не было.

Шумер. Да, это так, верно. Вы правы. И мне так показалось. Самым большим желанием Леле было в последний раз пасть Шаху в ноги и просить о помиловании. Не так ли? А потом будь, что будет. Пусть шах хоть казнит его. Он сам искал смерти. Иначе зачем же вернулся во дворец? Хотел, чтобы шах лично наказал его за то, что остался жив. Он хотел принять смерть только от руки шаха. Да. Именно так.

Профессор. Но и визирь был всезнающ и хитер. Конечно, он не хотел, чтобы Леле снова появился при дворе, снова пользовался почетом и влиянием. Визирь презирал Леле. Потому что не знал тайны.

Шумер. Визирь был всезнающ. Однако тайну он не знал. Увы, тайна была известна только Леле. По сути, эта тайна принадлежала шаху, кроме того, это была тайна и Леле, только Леле знал начало этой тайны, а конец ему был неизвестен. Леле пришел, да, это ты? Леле...

Профессор и Шумер, разговаривая, как ни в чем ни бывало, переходят на дворцовую сторону. Шумер становится Шахом, Профессор превратившись в

Леле, опускается перед ним на колени. Появляется Визирь. Снова виден Стражник. Дворец полностью освещается. Одновременно освещена и библиотека, откуда за происходящим наблюдают Девушка и Египтянин.

Шах. Визирь, ты еще здесь?! Разве я не приказал тебе уйти, мне с Леле... с Гусейн бекком надо поговорить наедине?! Что с тобой?

Визирь. Моя святыня, повелитель...

Шах. Поторопись, скорей, не тяни. Именем бога прошу, уйди.

Визирь. ...владыка, французские послы вот уже сколько времени ждут твоего приема. Леле здесь. Ведь он никуда не убегает...

Шах. Французские послы?

Визирь. Да, мой повелитель, французские послы.

Леле. Мой повелитель, я здесь. Я пришел, насовсем, чтобы принять здесь смерть. А государственное дело – это государственное дело. Я буду ждать, сколько прикажешь. *(падает на колени)*

Шах. Ладно. Встань, встань, Леле. Визирь, может, с ними позже? Потом? Ну что ж. Так... Леле, они нас вдвоем не оставят. Что же делать?! Леле... Леле... Как же это так получилось, что ты...

Леле *(торопливо шепчет).* Как же это так получилось, что ты не погиб в бою? Как же это ты не погиб, шакал и сын шакала?! Господи, Господи, убей меня, Господи.

Шах. Встань пока. Как это хорошо, что ты не погиб, остался жив, Леле. Как хорошо, что ты смог прийти и снова быть с нами. Знал бы, как ты нас обрадовал, Леле. Мы считали, что ты погиб. Думали, что ты уже в раю. Завидовали тебе. Слава тебе, о, Создатель. Леле, слава Богу. Добро пожаловать.

Леле в растерянности хочет приподняться. Шах снимает шлем и вновь превращается в Шумера, который, разговаривая, приводит в библиотеку ничего не понимающих Леле, Визиря, Стражника. Свет во Дворце гаснет, зато освещается библиотека.

Проходите. Проходите. Здесь снова светло. Проходите. Хорошо, что с этим покончено. Видите, Профессор? Вот так. И это есть его тайна? Вы получили ответ? Теперь вы спокойны?

Врач. Профессор, я ничего не понял.

Девушка. Папа, он прав, папа. Ну что это за игры? Я вся извелась. Твоя жизнь висела на волоске... ты понимаешь, на волоске. *(Электрику)* Там еще работы осталось, вы... займитесь своим делом.

Электрик. А что я делаю? Я и так занят своей работой. *(Выходит.)*

Профессор. Гаджи Мир Гасан ага Сейях. «Книга богатств». Страница 424, пятая строка сверху: «Шах Исмаил, увидев павшего перед ним ниц Гусейн бека Леле, повелел ему встать. Леле не встал и оставался перед ним коленапоклоненным. И тогда Шах сам встал с трона, подошел, взял Леле за руку, поднял его, и сказал: «Леле, поднимись. Как хорошо, что ты не погиб, остался жив. Наверное, Создатель услышал наши молитвы. Слава Аллаху».

Шумер. А Леле? Что ответил Леле?

Египтянин. Что ответил Леле, профессор?!

Врач. А что за человек этот Визирь?.. Я ничего не понимаю.

Профессор. После этих слов шаха Леле с трудом смог подняться с колен. Он едва не потерял сознание. Что могло быть прекрасней этого?! Как хорошо встретил его шах. Леле возвращался во дворец, возвращался в лоно вла-

сти. На лице визиря появилась униженная улыбка. Но Леле стоял на ногах. Вдруг весь мир словно переменялся для него. Вы спрашиваете, что Леле ответил Шаху? А как повашему, что он сказал?

Шумер. Я... я не знаю... сказал, наверное, что-то?

Египтянин. Я тоже не знаю.

Девушка *(Врачу)*. Подать вам чаю?!

Врач. Чай?! А что за человек этот визирь...

Профессор. Чай? Ну что ж?! Чай так чай. Давайте оставим и Леле, и визиря. Попьем чаю. Не знаю, как у вас, но когда я в детстве ходил с родителями в гости, все казалось таким вкусным. Принеси чаю, посмотри, какие есть сласти... варенье, конфеты...

Египтянин и Шумер. Не стоит беспокоиться. Честное слово, ничего не нужно. Ну зачем все это?

Девушка. Сейчас, сейчас принесу. *(Выходит.)*

Врач. Такие, значит, дела. Сердце, пульс, со всем этим... ясно. Значит...

Профессор. Значит...

Врач *(привстав)*. Не забыл, значит. Знал. Держал в тайне. Я имею в виду Бахрузу, значит, ты знал, профессор?

Профессор. Ты пока посиди. Успеешь. Пусть она подаст чай. Попьем чаю. Не спеши. Ну, чего ты вечно спешишь?! Что за нетерпение?! Посмотри на меня. Видишь, как я спокоен.

Врач. Да, ты спокоен. Но я тебе не прощу этого. Значит, ты знал.

Профессор. Тебе нужна правда или... желаемое?

Врач. Мне ничего не нужно. Ну и ну, как же я верил тебе!

Египтянин. Профессор, честное слово, не надо беспокоиться, может и в самом деле, чай ни к чему. Может, мы...

Шумер. Ваш рассказ...

Профессор. Нет. Я вас никуда не отпущу. Никуда. Разве не говорил я вам, что всему свое время?! Этот час настал. Мой час. И час того мира. Они совпали. *(Врачу)* Ты верил мне?! Ты?!

Врач. А что, зачем мне врать?! Я верил. Разве не ты твердил: «О Бахрузе нет ничего, никаких известий»?! Если б я знал, что есть хоть малейший просвет... малюсенький... вот такой, я... Какой же я – дурак. Во всем виноват я, только я.

Профессор. Ты... ты все еще не забыл?!

Врач. Сказать тебе правду или желаемое?..

Профессор. Ты все еще не забыл. Говоришь, Бахруза? Кто она? Я сейчас вспоминаю, да, кажется, и ее так звали – Бахруза... Я... как же преспокойно забыл. Как глоток воздуха. Где мы, и где она... Я о ней ничего не знал. Говорил же тебе...

Врач. Говорил. Конечно, говорил. А сейчас выясняется, что ты знал. Разве не в этом ты признался только что? Признался или нет? Не говорил? Там. Там не сказал?

Шумер. Профессор, не обращайтесь внимания. Он не в себе. Еще, думаю, не вернулся... оттуда.

Египтянин. Что же нам теперь делать?.. Профессор, может доктор...

Девушка вносит чай.

Профессор. Какой еще доктор? А это кто по-вашему не доктор? Вот он, и доктор... Вы не беспокойтесь. Вы чай пейте. Ни о чем не беспокойтесь. Главное еще впереди. Вы знаете, о чем я. Осталось совсем немного, чуток. Вы пейте чай. Придите в себя. Электрик. Где Электрик? Послушай, где ты? Ты тоже иди сюда, выпей стакан чая. Потом, позже закончишь работу. Работа не убежит.

Девушка. Эх, папа, знаешь, сколько там работы?!

Электрик *(входит)*. Вы со мной?

Профессор. Иди, садись. *(Девушке)* Ты... его не тебе.

Электрик. Спасибо. Только я...

Профессор. Садись. Садись. Мы так толком и не поговорили. Времени не было... там... Откуда ты все это знаешь.

Электрик. Что? О чем? Что я такого сделал?! Я ничего не знаю.

Профессор. Ничего? Ладно, занимайся своим делом. Пей чай. Свет там... будет гореть? Есть надежда?

Электрик. Будет, будет, не беспокойтесь.

Профессор *(всем)*. Слава Богу. Как же я счастлив. Если б вы только знали, как я счастлив.

Врач. Конечно. Тебе-то что. Как это он смог? Как запутал меня. Теперь говорит, нет, ничего не знал. А я... я... Я до сих пор не могу забыть ее. Бахрузу. Исчезла, улетела. Ни знака, ни весточки. Умерла, пропала, куда делась?.. Сгинула, сгинула...

Профессор. Ты должен знать, что ничто не исчезает само по себе. Оно где-то вырывается, выходит наружу. Ладно, ладно, успокойся. Может, теперь мне твой пульс проверить?! Проверить?! Дай руку. Дай руку...

Врач. Оставь меня. Ты не сможешь втянуть меня в эту игру. Ты не сможешь играть мной. Ты... Ты, знаешь, кто ты?

Профессор. Бахруза любила тебя.

Врач. Знаешь, кто ты такой?

Профессор. А я любил Бахрузу. Вот и все.

Египтянин. Кто же кого любил?! Шах что ли, любил?!

Профессор. А что я мог сделать? Не мог же я собственными руками вручить ее тебе. В последний раз она

молила, чтобы я сказал тебе, где она находится, чтобы ты пришел. Забрал ее. А я? Я не в счет?! Никогда. Такого быть не могло. У меня на такие глупости нет ни времени, ни желания. Тебе, действительно, интересно это?

Врач. Ты... Ты знаешь кто ты?!

Электрик. Пора, пойду проверю свет на этой стороне.

Профессор. Пора, говоришь?! Пора, так пора. *(Врачу.)* Знаешь, пора. А этот разговор... если пожелаешь, мы закончим позже. Может, тогда тебе все станет ясно. В ином обличье, в ином месте?! Продолжим? Что скажешь? Хочешь знать, что это была за весточка?

Врач. Хочу. Рано или поздно, я должен знать это. Я узнаю. А ты...

Девушка. Папа, помнишь, что я говорила тебе...

Профессор. Что ты говорила? Про свой сон?

Девушка. Нет, папа. *(Указывая на Египтянина и Шумера.)* Они опять стали очень похожи друг на друга.

Профессор. Дааа. Но у обоих очень умный взгляд. У них глаза как у людей мыслящих... Но, не обращай внимания. Знаешь... там... они подобие друг друга. Ну что, пойдём? Может...

Девушка. Папа, пожалуйста, не проходи на ту сторону. Я боюсь.

Врач. Что случилось? Ты идешь?

Профессор. Идем. Не бойся, дочка, не бойся. Я скоро вернусь. Идем. Время. Час истины. Вот и та самая минута. Сейчас. Сейчас. Гаджи Мир Гасан ага Сейях. «Книга богатств», страница 399. Третья строка сверху *(Закрывает глаза)*. «Пленение Бахрузы ханум и ее высылка в Турцию очень плохо подействовали на Шаха. Поначалу он писал письма Султану, просил его вернуть Бахрузу ханум, но это не возымело действия. Постепенно Шах стал забывать Бах-

рузу ханум, но стал избегать и Таджлы ханум, посвящая свои дни охоте, пирам. Писал стихи. Прославился под псевдонимом Хатаи. Стал больше заниматься внутренними делами государства. Пополнял свою библиотеку. Он совершенно изменился. После Чалдырана это был уже не тот извергающий лаву вулкан. Некогда жаждавший крови повелитель. Теперь он пишет стихи, организует музыкальные вечера, проводит состязания, старается повысить благосостояние подданных. Разве это был прежний Исмаил?! Конечно, здесь кроется какая-то тайна. И когда-нибудь эта тайна раскроется. Ибо сказано: если тайна когда-нибудь перестает быть тайной, значит, Господь изначально не создавал ее как тайну. Во имя Аллаха...»

Профессор еще продолжал как бы ожидая, что сейчас что-то произойдет. И в этот миг, как спасительный глоток воздуха наступает

Конец первого действия

Действие второе

Оживление во Дворце. Шах, Визирь, Стражник. Отовсюду доносятся голоса: «Повелитель, владыка, к тебе взываем о помощи...»

Голоса. К тебе взываем о помощи. Мы пришли увидеть твой светлый лик. Милосердия, милосердия... спаси нас. Повелитель, владыка, государь... О властитель времени, прикажи умереть во имя тебя, прикажи... *(Голоса затихают.)*

Шах. Ладно, оставим этот вопрос. Отложим на потом. Ступайте. Вы идите. Я тоже приду.

Визирь. Мой шах, он сказал, что принес весточку о Бахрузе ханум.

Шах *(после паузы)* Прямо так и сказал?

Визирь. Именно. Так и сказал. А что за известие, не сказал. Собирался сказать тебе. *(Стражнику)* Ты выйди.

Стражник. Мой шах, повелитель...

Шах. Иди.

Стражник. Повинуюсь, мой шах... *(Выходит)*

Шах. Что теперь нам делать?

Визирь. А что мы можем сделать? Пусть он придет. Посмотрим, что скажет. Мне он ничего не скажет. Он будет говорить только с тобой. Может, действительно, у него есть какое-то известие...

Шах. О Бахрузе ханум?

Визирь. Может быть...

Шах. Ну и пусть себе. Зачем оно мне нужно, визирь, это известие?! Оно мне нужно? Может, тебе оно нужно?

Визирь. Сейчас, во всяком случае, собрались люди, пусть знают, что ты озабочен...

Шах. А может быть...

Визирь. И я подумал об этом. Но сначала послушаем, что за известие... Сделай вид, будто случайно увидел его. Направляясь к трону. Неожиданно. Чтобы другие ничего не заподозрили. С ним наедине нельзя. Ни за что.

Шах. Леле... Интересно, изменился ли он за эти десять лет?! Это же чудо! Как же... Леле... Леле...

Шах вдруг проходит, останавливается на границе с библиотекой, начинает внимательно всматриваться в темноту.

Шах. Ты на той стороне ничего не видишь?! Мне что-то показалось.

Визирь. Где? Нет. А что?

Шах. Ничего. Ничего. *(Возвращается)*

Визирь. Ну, что скажешь?!

Шах. А что я могу сказать?! Пусть будет, как ты сказал. Пойдем. Настало время намаза, во имя Аллаха.

Голоса *(снова звучат громче)*. Повелитель, светоч, владыка...

Разговаривая, проходят в сторону библиотеки. Соотношение света и мрака меняется. Голоса умолкают. В библиотеке Профессор, Девушка, Врач, Шумер, Египтянин, Электрик.

Девушка. Все закончил?

Электрик. Нет. Нет. Здесь я закончил. Осталась только та сторона. *(Указывает на дворцовую сторону, куда вглядывается и Профессор.)* Там где-то обрыв в линии. Придется... долбить стену.

Профессор *(Девушке)*. Отправь его. Отправь, пусть уходит. Пока зажжем там лампу, посмотрим, что выйдет.

Электрик. Ну, как хотите. *(Уходит)*.

Египтянин. Вы забыли, профессор.

Профессор. Что? Что я забыл?

Египтянин. Вы забыли про нас. Про меня. Эта история... очень меня... потрясла.

Профессор *(Шумеру)*. Что он хочет сказать?

Шумер. Меня в это дело не вмешивайте. Я ничего не знаю.

Профессор *(Египтянину)*. Выражайся яснее. Чего ты хочешь? Что с тобой?

Египтянин. Что Леле ответил Шаху, профессор?!

Профессор. Неужели это так интересно?

Врач. Говори, что хочешь. Никто не поверит.

Египтянин. Что Леле сказал?

Профессор. Однако, вы правы. Почему это не должно вызвать интерес? Вы все вправе требовать ответа. И вдруг словно Гусейн беку Леле открывается тайна, и от ужаса этой тайны, глаза Леле темнеют, и он едва не теряет сознание. Слова шаха, его голос, волнение и теплота в голосе... Гусейн бек Леле медленно поднялся с земли, на которой был распростерт.

Профессор и Шумер решительно переходят на дворцовую сторону. Шумер надевает илем. Профессор, став Леле, падает ниц.

Шах. Встань. Встань, Леле. Как хорошо, что ты не погиб. Как хорошо, что ты жив, Леле. Слава Аллаху. Знал бы ты, сколь ты меня обрадовал. Встань, Леле, поднимись.

Леле. Хорошо, что я остался жив?! Во имя чего? *(Медленно приподнимается, внимательно смотрит на шаха.)* Ты. Да ты же, конечно, не шах. Ты не шах.

Шах. Леле... Тише. Молчи. Уходите все. Подальше. Подальше. Скорей. Леле, что с тобой? Ты не в себе? Мы рады приветствовать тебя, слышишь, Леле?!

Леле. Ты не шах. Что с моим повелителем, моим светочем? Что ты сделал с шахом, подлый поэт?! Я узнал тебя. Я узнал... тебя.

Шах. Говоришь, узнал. Ладно. Пусть так... Зачем же мне тогда скрывать лицо за шлемом? *(Снимает илем.)*

Леле. Да, это ты и есть. Я бы тебя узнал и со шлемом, по одному только голосу, негодяй.

Шах. Молчи. И не переходи границу. Те дни прошли, Леле, прошли. Теперь шах – я. Я – повелитель. Достаточно одного моего слова, одного жеста, чтобы... тебя... *(Падает ему в ноги.)* Леле, клянусь единым Аллахом, Леле, я ни в чем не виноват.

Леле. Что вы сделали с шахом, проклятый Богом?! Говори.

Шах. Во всем виноват он сам. Шах.

Леле. Не болтай глупостей, болван. Что с шахом? Он жив или... Говори правду, правду!

Шах. Ты помнишь Чалдыран, Леле?!

Леле. Почему ты спрашиваешь? Разве можно забыть Чалдыран?

Шах. Ты велел мне надеть боевые доспехи шаха. И я надел. Ты помнишь это? Ты атаковал. Шах тоже не мог устоять на месте. Бросился в гущу врагов. Как он разрубил надвое Малбашоглы! Такого богатыря. Ты помнишь? Я наблюдал за битвой из просвета в шатре. Когда он подбежал к шатру, из-под его доспехов сочилась кровь. Но этого никто не видел. Я хотел разорвать его одежду, перевязать рану, но он не позволил. Послушай *(оборачивается в сторону Египтянина, глядящего на них из библиотеки)*, что ты там попусту сидишь, пора, иди сюда, мне нужна помощь, иди, иди, это тебе не Древний Египет, посмотри на меня, посмотри, раскрой глаза пошире, иди, иди сюда, что это, это же кровь, твоя одежда в крови, мой шах, повелитель, светоч...

Пока Шумер говорит, Египтянин бессознательно переходит на сторону Дворца и превращается в Шаха Исмаила. Надевает илем.

Шах Исмаил (Шумеру). Чего ты от меня хочешь? Отстань, отстань, говорю тебе. Не трогай меня. Оставь, говорю. Да, отойди, дай полежать чуть-чуть. Сними с меня шлем, возьми, надень сам. *(Снимает илем, надевает его на Шаха.)* Так. Ну, вылитый я. А теперь слушай, что я скажу. Слушай, как следует. Эта рана пустяковая. Вот уже и кровь

прекратилась. Со мной ничего не случится. Не бойся. Видишь, я совершенно здоров. Во имя Али, властителя душ.

Шах. Мой шах, повелитель, отпусти и меня, пожалуйста, позволь и мне стать твоей тенью, сражаться за тебя. Неужели мне только суждено наблюдать из просвета в шатре?!

Шах Исмаил. Погоди. Не спеши. У меня к тебе другое дело.

Главный Стражник (входит). Мой шах, мой шах, левый фланг дрогнул.

Шах Исмаил. Халилу Султану Зюльгедеру повелеваю. Срочно идти на помощь левому флангу.

Главный Стражник. Повелитель, мой владыка...

Шах Исмаил. Ну, чего тебе, говори скорей!

Главный Стражник. Зюльгедер оказался предателем. Мой шах. Зюльгедер бежал.

Шах Исмаил. Бежал? Изменник! Ступай. Скажи чтоб нашли Устаджлы Абдулла хана. Пусть бросится на помощь левому флангу. Скорей же, не тяни.

Главный стражник выходит.

(Шаху) Слушай меня. Времени уже совсем мало. Слушай внимательно. Только что я едва не попал в плен. Враги со всех сторон окружили меня. Лошадь упала, подмяла меня под себя. Знаешь Султана Али Афшара?! С криком: «Я шах, я шах» он бросился в самую гущу врагов, и те навалились на него. Слушай меня как следует. Если он чудом спасется, щедро награди его. Он спас тебя.

Шах. Повелитель, светоч... Что значит – спас меня?

Шах Исмаил. Эта битва окончена. Для меня. Мне надо уходить. А ты остаешься.

Главный стражник (снаружи). Мой шах. Левый фланг! Левый фланг разгромлен, мой шах.

Шах Исмаил. Иди сам. Иди со своими телохранителями. Во имя Аллаха. Идите! *(Шаху)* Ты готов? Сейчас ты выходишь на арену. Нет ни меня, ни Гусейн бека Леле. Никто, ни одна душа о тебе не знает. Ты. Только ты, ты. Это сражение забудется. Пройдет немного времени. наступит новый день, и государство будет твоим. Я передаю тебе огромное государство. Тайно от всех. Об этом никто не будет знать. Слышишь? Ты станешь мною. А я – ничем. Ты готов?

Шах. Кого мы обманываем, мой шах?

Шах Исмаил. Никого. Это что-то наподобие шатранджа. Ну, все. Поторопись.

Шах. Я боюсь. А вдруг Леле...

Шах Исмаил. Не бойся. Леле пропал. Исчез. Погиб. Леле.

Леле (в слезах). Нет, мой шах, нет светоч, нет, повелитель. Я, подлец, остался жив. Я подлец...

Шах Исмаил. Леле умер. Да будет уготован ему рай.

Леле. Боже, убей, казни меня, Господи, Господи.

Шах Исмаил. Отныне ты свободен, поэт. Но не забывай слов, которые я часто повторял тебе за шатранжем. Старайся... проникнуть в мозг, душу соперника, старайся стать им самим. Это главное правило игры. *(Пристально смотрит в сторону библиотеки.)* Там действительно темно или?!

Шах. Мой шах... Повелитель...

Шах Исмаил (резко). Не перебивай меня, не смей! Холоп. *(Ласково.)* Не перебивай меня, мой шах. Я не смог уберечь такое государство от беды. Поэтому исчезаю. Знаешь, с небес мне был глас. Совсем недавно: «Что же ты за-

держиваешься там? – услышал я. – Ты же все сделал. – Это был очень властный голос. – Иди сюда, тебя ведь уже ждут здесь. Здесь все, кто тебя любит». Больше пусть никто не ищет меня. Если Аллах позволит, я сейчас брошусь в самую гущу боя, так, чтобы ни пылинки моей не осталось. А ты не бойся. Никто не опознает мой труп. Живи. Да здравствует. Да здравствует Шах Исмаил...

Голос Главного Стражника: «Мой шах, правый фланг... правый фланг разваливается...»

Шах Исмаил. Ну, иди. Теперь твой выход. Тебя ждут, мой шах. Убегай. Ты еще понадобишься государству после войны, а я жить не могу. Я совсем не хочу жить. Поверь мне, совсем не хочу.

Шах. Я... нет, мой шах. Ты... *(Снимает шлем.)*

Шах Исмаил. Надень, надень шлем. *(Опять надевает шлем на Шаха.)* Тебе все знакомо, ты все знаешь. Ты – это я. Хвала тебе, о, Создатель. Конечно, ты – это я. Со шлемом или без – не имеет значения. И еще скажу я тебе... Теперь и ты должен знать...

Шах. Что ты хочешь сказать?

Шах Исмаил. К сожалению, мое имя Шах Исмаил. Сам я не Шах Исмаил. Сам я... Я тоже когда-то был потрясен, так же как ты.

Шах. Я ничего не понимаю.

Шах Исмаил. Я утомился. Честное слово, я уже устал. Смотри. Смотри, вновь я слышу этот глас. Он говорит мне: «Здесь все, кто любит тебя». Иди же, иди, мой шах. Спасай себя. Будь славен. *(Уходит.)*

Главный Стражник *(входит).* Шах, повелитель, властелин. Армия разбита. Враг приближается. Время бежать, мой светоч. Беги, беги, мой шах...

Шах. Кто? Я? Как? Что же теперь делать? Хорошо. Говоришь, бежим? Бежим. Я с ними еще разберусь. Однако.

Где же Мухаммед Хан Устаджлы? Дев Султан Румлу? Где они? Пусть играют горн, собери всю охрану. Пусть все, все соберутся. Где мои верные воины? *(Вдруг сникает.)* Уходите. Все. Все уходите... Все. Идите. И ты иди. *(Главный стражник уходит.)* Леле, клянусь Аллахом, истина такова, как я сейчас рассказал тебе, клянусь духом повелителя, я ни в чем не виноват. Ты веришь мне, Леле?! Ведь это ты, ты создал меня, Леле. Клянусь памятью повелителя...

Леле. Да проклянет тебя дух повелителя. Десять лет. Десять лет как он покинул этот мир. Десять лет ты... правишь. Я породил тебя... Конечно, я! Ты ведь давно умер. Да ты, негодяй, должен умереть. Ты – мой грех. Получай же. Получай же что тебе причитается. Получай же, мерзавец. *(Наносит удар кинжалом.)*

Шах. Леле... ты сделал это. За что? Ты же погубил государство. Ведь я умираю, Леле. Клянусь, я ни в чем... *(Падает на трон.)*

Леле, оглядываясь переходит в сторону библиотеки. По пути сталкивается с Врачом и Электриком, Леле уже Профессор, Врач – Визирь, Электрик – Стражник. Дворец. Входят Визирь и Стражник.

Визирь. Что за шум? На помощь, на помощь, шаху плохо! Бегите сюда. Скорей. Скорей. Шах умирает. Повелитель, светоч... скончался. Кто был здесь?

Стражник. Во имя Аллаха Всемилостивого. Шах был не один, с ним был Гусейн бек Леле.

Визирь. Ты с ума сошел, дурак? Здесь, кроме нас, никого нет. Кто такой Гусейн бек Леле? Гусейн бек Леле? Да, помню, был такой. Но когда?! Ты, небось, слышал о Чалдыранской битве? Там Леле погиб от рук врагов, это видели свидетели. Он был наставником нашего шаха, преданный, отважный человек... С чего это ты сейчас вспом-

нил про Гусейн бека Леле? Что-то ты мне не нравишься... вид у тебя...

Стражник. Клянусь Аллахом, не знаю. Но здесь что-то происходило. Я ничего не знаю, клянусь Аллахом. Но с этой стороны слышался чей-то голос – вроде это был голос моего отца. Он взволнованно кричал: «Мой шах, правый фланг, левый фланг...» Это был мой отец. Или мне слышалось. Я ничего не понимаю.

Визирь. Уходи отсюда, нельзя долго стоять рядом с трупом. Что случилось? Пусть все соберутся перед дворцом. Все. Шейхи, мюриды, дервиши. Пусть придут все. (*Голос его постепенно приобретает официальные нотки. Подходит к окну, вещает, обращаясь наружу.*) Пусть все облачатся в черное. Пусть в государстве объявят траур. Наш светоч, наш повелитель, наш властелин Великий Шах Исмаил ибн Гейдар ибн Динейд Сефевид сегодня в 27 день месяца раджаба 930 года хиджры скоропостижно покинул нас и этот мир, предавшись во власть Всевышнего, и направил свои священные стопы в рай. Дело его будет жить вечно. Да упокоит душу его милостивый Аллах.

Голоса снаружи (повторяют). Боже, наш повелитель, боже, наш светоч, наш властелин...

Дворец погружается в темноту. В Библиотеке свет освещает Профессора и Девушку.

Девушка. Папа, папа, чуть не забыла. Мой сон. Рассказать?

Профессор. Расскажи, дочка. Посмотрю только, куда же они все делись?

Девушка. Ушли. Не беспокойся. Значит так. Папа, ну садись же. Куда ты глядишь?

Профессор взглядывается в сторону Дворца, пытается что-то рассмотреть там.

Девушка. Папа, раз шах умер, то есть упокоился, что же мне теперь рассказывать сон только тебе? Я сейчас вспоминаю, мой сон был связан с его смертью. Да что там такое?

Профессор. Ну, дочка, теперь перескажи свой сон. Все тихо. Ну, так что же тебе приснилось? Куда? Куда ты?

Девушка. Он так и остался лежать. Я забыла, хотела что-то сказать ему. Я... Я сейчас... вернусь.

Дворец начинает освещаться. Девушка движется навстречу свету. Подходит к упавшему на трон Шаху. Превращается в Таджлы ханум.

Таджлы. Вставай, мой шах, поднимайся. Вставай же, мой шах. Мне сегодня такое приснилось, такое приснилось...

Шах (встает). Это ты, Таджлы бегим?!

Таджлы. Это я, я. Хочу рассказать тебе, мой шах. Мне приснилось, что ты бросил меня. Ушел, оставив меня одну. Будто ты говоришь, что тебе был голос, который сказал: что ты там делаешь, иди, иди сюда. Мол, все уже здесь все, кто любит тебя. Не опаздывай. О Боже, Боже... Не приведи Господь, Не приведи Господь. Ради Всевышнего...

Шах. «Здесь все, кто любит тебя?» Что еще приснилось тебе?

Таджлы. Приснилось, что ты убегаешь от меня, мой шах. Приснилось, что ты бежишь от меня. Ты мой. И в то же время - не мой. И мой, и не мой.

Шах. И этому наступит конец. Что еще?

Таджлы. Приснилось ... Нет, не могу рассказывать. Мне страшно.

Шах. Что? Что тебе приснилось? Говори.

Таджлы. Приснилось... Упаси Боже. Ничего мне не приснилось. Ты сегодня считаешь мне стихи? Ну ответь же, что с тобой?

Шах. Сейчас не время стихов. Но я отвечу. Настала пора ответа. Да, это был Леле. Недавно я заметил мужчину. Похожего на Леле. Так что же приснилось тебе?

Таджлы. Сон в руку. Леле – через десять лет? Мне приснилось, что над головой твоей кружат вороны, мой шах. Над тобой нависла беда, пожалуйста, не ходи сегодня никуда, не выходи из покоя. А может пойдешь на охоту? Нет. Тоже нет. Значит, Леле. Он преследует тебя как дичь. Он тебя... Боже, не отнимай его, у меня пожалуйста, не отнимайте его, моего шаха, моего светоча, повелителя. Пожалуйста! Не отнимай его, Леле. Сколько ему лет?! Ведь он опора веры, государства. Мой шах, мне приснилось, что стая воронов закрыла луну. Не ходи сегодня никуда. Не ходи. Пожалуйста...

Шах. Нет, отойди. Я должен идти. Вечером встретимся. Я считаю тебе новые стихи.

Таджлы. Почитай сейчас. Ну, пожалуйста, почитай сейчас.

Шах. Нет, вечером. Когда вернусь.

Таджлы. Не пушу.

Шах. Отойди, девчонка. Там собрались все, кто любит меня. Отойди.

Таджлы. Мой шах, мой повелитель, мой любимый, единственный мой.

Профессор. Кого ты любишь, кого? Иди. Возвращайся наконец.

Шах ложится на прежнее место. Таджлы с рыданиями падает ему на грудь.

Тяжело ступая, Профессор проходит на ту сторону и, взяв за руку, возвращает девушку в библиотеку. Девушка обессилено садится на свое место.

Профессор. Снова он. Опять Гаджи Мир Гасан ага Сейях. И снова «Книга богатств». Страница 950. Третья строка снизу: «Однажды шах выехал на охоту. На охоте он почувствовал себя плохо. И никому не захотел говорить, что его мучает. Прервав охоту, он вернулся во дворец. Призвал к себе Таджлы ханум. Таджлы ханум явилась к нему. Она какое-то время оставалась с шахом наедине. Таджлы ханум сказала ему, что ночью ей приснился дурной сон, и просила шаха не выходить. Однако сколько она ни просила, все было бесполезно. Шах кое-как поднялся и направился в диван, и очень скоро там он отдал Богу душу. Один из стражников рассказывал, что незадолго до смерти, шах принимал некоего Гусейн бека Леле. Больше этого человека никто не видел. Гусейн бек Леле бесследно исчез. Вот так умер шах. Через год после его смерти Таджлы ханум, так и не оправившаяся от потери, тоже скончалась». Вот и все.

Молчание.

Девушка. Папа, а куда они все исчезли? Неужели ушли? Как хорошо, когда тихо.

Профессор. Ушли, дочка, ушли.

Девушка. Ты отдал им книгу?

Профессор. Словно и не было их. Нет, не отдал. И думаю, хорошо, что не отдал. Где она, эта книга, ты не видела ее? И была ли она здесь?

Девушка. Ты и так все рассказал, зачем им книга?! Кажется, не было никакой книги.

Профессор. Нет. Без книги... все пустое. Никто не поверит. Какая тишина! Вновь все возвращается, перемеща-

ется... Все обновляется. Нет. Нет. Словно и не было никогда.

Девушка. Словно и не было. Сверкнули, как молнии и исчезли. Как Шах Исмаил. Тишина.

Профессор. Да, тишина.

Девушка. Он так и сказал: «Давно уж там все, кто возлюбил меня».

Профессор. Загадка? Да, загадка. Но мы смогли. Мы увидели. Увидели.

Девушка. Папа, папочка. И ведь вправду увидели. Ты что-нибудь видишь там? Какая темень! Ты видишь, папа?!

Профессор, а за ним Девушка подходят к границе дворца в надежде что-нибудь разглядеть. Тишина. Пока темень Дворца не растворится в окружающем его свете

Конец

ШПИОН

эпический детектив

в 2-х частях

12-ти эпизодах,

с принудительным прологом

и необязательным эпилогом

Фигуранты:

- Дедé Гор Гут** – Великий Шаман, прорицатель,
демиург и Отец народа
- Газзán Хан-Салур** – Великий Вождь племени
Здеишние Огузы
- Бурлá Хатун** – Благоверная Газзан Хана,
Дочь Верховно го Хана Всех Огузов Байандур Хана
- Брюхатая** – эпическая блудница
- Бей Рек** – достославный герой
- Арру́с** – По прозвищу «Могутный», вождь племени
Тамошние Огузы, дядя Газзан Хана
по материнской линии
- Шер Шамс ад-Дин** – Достославный герой,
доверенное лицо Газзан Хана
- Бекул** – Достославный герой, предводитель рода
Рубежных Огузов

От автора:

По эпическим соображениям имена героев – персонажей литературного памятника древних тюрков «Книга Деде Гор Гута» - сохранены, однако все события, мотивы поведения и характер взаимоотношений персонажей вымышлены и являются плодом творческой фантазии автора, так что всякие возможные (?) совпадения, а также вероятные (?) аллюзии и неизбежные (!) трактовки целиком и полностью предоставляются постановщикам и отпускаются на усмотрение зрителей, буде таковые объявятся.

Действие происходит в архаические времена в ареале проживания Здеишних и Тамошних Огузов – предков древних азербайджанцев.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ПРОЛОГ

Над колышущейся гладью степной полыни в всполохах зарницы сквозь грохот барабанов и рёв труб прорываются голоса.

Начальственный голос. Живо! Живо! Гости уже съехались!.. Сейчас Газзан выйдет к народу!!... Поторопитесь, олухи!... Куда прешь?! Забыл, что ли – белый шатер сюда, напротив зелёного...

Витиеватый голос. ...Какое величественное зрелище! Да возрадуются души предков! Живы, живы традиции! Сегодня вновь, в который раз наш хан Газзан все своё добро... все богатство... все благо, кроме благоверной своей супруги, конечно, венценосной Бурла Хатун – отдаст на разграбление народу!

Ехидный голос. ...А куда он денется? Сказано: «благо вождя – на благо народу!» Ох и разгуляемся!.. Грабь не хочу!!!

Предостерегающий голос. Кабы чего не вышло... Что-то не вижу гостей из братского племени тамошних Огузов... Не позвать родного дядю на сабантуй – не к добру это, ой, не к добру...

Начальственный голос. Где черный шатёр? Черный, говорю, где? Ставь живее, что столпились как бараны?! Ставь черный позади зелёного!!!

Простодушный голос. Скажи-ка, дядя, к чему на празднике черный шатёр? Он как-то не вписывается в разноцветье весеннего пробуждения...

Недовольный голос. Очередное новшество Газзана... Взбрендилось Великому Вождю собрать тех, кто родил сыновей, в белый шатёр, а тех, кому и так не повезло,

кому Всемогущий Тенгри не дал сына, велел сидеть в черном шатре...

Простодушный голос И, что? Достославные герои пойдут на этот позор?

Ехидный голос. А куда они денутся?! Против силы не попрешь! Подчинятся, как миленькие!

Предостерегающий голос. Попридержи язык, болтун! Неприятностей захотелось?

Звонкий голос. Славься, славься, Огузский народ! Да пребудет в веках грозное имя Здешних Огузов!!! Клинки остры и кони наши быстры! Никому никогда не срубить Могучее Древо Огузов!!! Вур, эй! Вур, эй! Вур, эй!!!

Задумчивый голос. Знать бы, чем всё это кончится?...

Ехидный голос. Кому надо, тот знает. Сказано: «знающий знает про то, что знает, незнающему знание знать ни к чему...»

Испуганный голос. Оставь нас в покое, любезный, от тебя бедой пахнет!..

Начальствующий голос. Все по местам!

Рёв труб, пронзительный визг свирелей, бой барабанов, топот и ржание коней, лязг клинков и крики толпы поглощают голоса. Во внезапно наступившей пронзительной тишине звучит печальный голос Деде Гор Гута.

Голос Деде Гор Гута:

– Куда подевались воспетые мною герои?

Убиты судьбою; укрыты землёю сырою...

Конец притязаньям, безумным желаньям, надеждам

А мир этот бранный стоит – бесконечный как прежде...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«...Сколько верёвочке не виться...»

Эпизод №1

Жилище Газзан Хана. Сам хан нервно прохаживается, прислушиваясь к голосам снаружи. Входит Шер Шамсаддин.

Шер Шамс ад-Дин. Мой хан, скоро соберутся все приглашённые. Говоря «все», я, конечно же, имею в виду Здешних Огузов, как, собственно, было обусловлено ранее. Все готово, в том числе и чёрный шатёр, будь он неладен...

Газзан. А что Тамошние Огузы? Есть новости? Как ведут себя: волнуются или... как?

Шер Шамс ад-дин. Никак. Всё спокойно. Во всяком случае, пока спокойно. Заварушка начнётся позже, мой хан, после всего...

Газзан. Начнётся, безусловно, начнётся. Что ж, рано или поздно, но мы должны посадить их на место. Будь что будет. Чему быть, того не миновать. *(декламирует)* «Тому, что суждено случиться, не грозит случайность». Как сказано, а?! Золотые Слова!

Шер Шамс ад-Дин. Сегодня Деде изрёк новые Слова...

Газзан. Совсем новые Слова? Возможно ли сие?

Шер Шамс ад-Дин. Для него, мой хан, нет невозможного, ты же знаешь. Такие Слова изрёк, такие Слова... ну, просто, заслушаешься...

Газзан. Что за Слова? Почему я не знаю?!

Шер Шамс ад-Дин. Не успели доложить, потому как с пылу, с жару... Значит, так: речение новое по-

священо судьбе... ага, судьбе и... и... сейчас вспомню ... брэнному миру, если не ошибаюсь... «Убиты судьбою...» Совсем новые Слова, ещё не выучил...

Газзан *(нетерпеливо)*. «Убиты судьбою»? Ну, ну же... ну...

Шер Шамс ад-Дин. «Убиты судьбою», именно так, «укрыты землёю сырою...»

Газзан. «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою»? Дальше.

Шер Шамс ад-Дин. «А мир этот брэнный...», погоди, что же делает мир этот брэнный... *(вспоминает)* что же он, поганец, делает, а? Вспомнил! «Стоит»!

Газзан. Стоит?

Шер Шамс ад-Дин. Стоит, мой хан, как прежде!

Газзан. Поразительно и восхитительно! И откуда только он берёт такие вот Слова? Ну как тут не восславить Всемогущего Тенгри, дарующего вдохновение создателю новых Слов!!! «Судьбою убиты»...

Шер Шамс ад-Дин. «Убиты судьбою», мой хан...

Газзан. Да, да – «убиты судьбою»... «Укрыты»... Чем укрыты?

Шер Шамс ад-Дин. «Укрыты землёю сырою»...

Газзан. ...«А мир этот брэнный стоит бесконечный»...

Шер Шамс ад-Дин. ... «как прежде»...

Газзан. «Как прежде»! Слава тебе, о Небо! Срочно распространить эти новые Слова среди Здешних Огузов. Чтобы все прониклись великой мудростью нового речения! Ибо: всех нас убьёт судьба, всех без исключения, но вечно будет жить имя грозное О-о-г-у-у зз *(поперхнувшись кашляет)*

Шер Шамс ад-Дин. Конечно, мой хан, без вопросов.

Газзан. Узнай, собрались наконец Здешние Огузы или нет!

Шер Шамс ад-Дин. Ждем. Бей Рек вот-вот явится... если уже не явился. Пойду, взгляну.

Уходит

Газзан. Всё тщетно. Тщетно. *(достает из кармана мешочек с самоцветами, перебирает их)*. Делай, не делай, свершай, не свершай – всё канет в пустоту. Конец всего упирается... или опирается на смерть. «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою...» Какая глубина... Какой блеск... Какая красота... *(слышит шаги, прячет мешочек, застывает в задумчивости. Входит Шер Шамс ад-Дин)*

Шер Шамс ад-Дин. Хан мой Газзан!...

Газзан *(словно очнувшись)*. Да, мой верный Шер!

Шер Шамс ад-Дин. Все в сборе. Бей Рек в том числе.

Газзан. Что ж, идём.

Шер Шамс ад-Дин. Минуточку, мой хан. Бей Рек настойчиво просит встречи с вами. С глазу на глаз. Говорит, есть важный разговор.

Газзан. О Тамошних Огузах ... каких-нибудь сообщений нет?

Шер Шамс ад-Дин. Ничего, мой хан, всё тихо.

Газзан. Обманчивая тишина, ох, обманчивая!.. Так. Хорошо. Ладно. По-твоему, чего хочет Бей Рек? Что замыслил? Что за дело у него ко мне, да еще с глазу на глаз? А?!

Шер Шамс ад-Дин. Я поинтересовался – молчит. А сам какой-то... расстроенный.

Газзан. Так. Ладно. Хорошо. Зови. Нет, погоди. Ты сказал – «расстроенный»? Так?

Шер Шамс ад-Дин. Вроде как-бы... Как это сказать? ... Какой-то он не такой...

Газзан. Пусть приходит. Только быстро. Гляди, солнце уже перевалило за холмы. Иди потом перекричи горлопанов... будут вопить: «Раз в год устраивают для народа праздник и тот не могут организовать по-людски». *(Шер Шамс ад-Дин выходит. Газзан один)*. Попробовали бы сами справиться с этой оравой! *(входит Бей Рек)*. Добро пожаловать, Бей Рек! Узрел тебя – возвеселился!

Бей Рек. Рад видеть тебя в добром здравии, мой повелитель. *(Преклоняет колени, воздевает левую руку, набирает полную грудь воздуха, декламирует ритуальное приветствие)*. О, Хан Газзан, эгей! Горы твои грозные-высокие – да не обрушатся. Древо твоё мощное-могучее, да не...

Газзан *(обрывает его)*. Ладно, ладно, без церемоний... встань. Ну, что слышно? В смысле, что нового? Где ты пропал, удалой молодец? Сказывают, спать ты ложишься у Здешних Огузов, а просыпаешься у Тамошних. Выходит, ты и нашим и вашим? Ты глаз-то не прячь. Не прячь, говорю, знаю: за нас ты, за нас... А вот другая твоя сторона... с гнильцой оказалась. Имею в виду родственников жены твоей. Кстати, что слышно, что нового у родственников жены твоей, если ты понимаешь о чём я.

Бей Рек. Вестей о Тамошних Огузах не имею.

Газзан. Так. Не имеешь, значит. Ладно. Слышал, небось, Тамошние Огузы не приглашены на традиционное разграбление.

Бей Рек. Не знаю, насколько верно пренебрежение родней, мой повелитель, славный Хан Газзан.

Газзан. Нет, дело не в этом. Думаю, надобно испытать их, проверить. Думаю, раскроют они нутро своё, выложат перед нами всеми истинные намерения свои. Ты-то как считаешь? Стоит испытать их?

Бей Рек. Сказано: в суровых испытаньях мужество нужно. Что же касается, скажем, Арруса – сколько его не испытывай, всё тот же он Могутный Бранный Конь.

Газзан. Верно, верно говоришь. Так, именно так. Ладно. «В суровых испытаньях мужество нужно». Чьи это Слова, имею в виду, кто сказал? Деде?!

Бей Рек. Нет, мой хан, мои это слова, прости, коли ни к месту сказано...

Газзан. Твои Слова? Так. Шаманить вздумалось?

Бей Рек. Что ты, повелитель! Куда мне до него?! А вот Аррус – твой родной дядя. Кому как не тебе знать его. Тебе и только тебе достоверно известен нрав его. Для всех остальных он – в тайну погружен и тайною укрыт...

Газзан. Знакомые Слова. Ну, да ладно, слушай. Случилось это в твоё отсутствие, ну, когда ты был пленён кыпчаками. Помнишь?

Бей Рек. Как не помнить? Такое разве забудешь? Шестнадцать долгих-длинных лет томился я ... в...

Газзан (*перебивает*). Так вот. Собрались мы на большую охоту. Долгий предстоял нам путь, нелёгкий. Улучив момент, прямо при всех дерзко-нагло, спрашивает Аррус: «Кого оставишь верховодить ордой?» И глаз с меня не сводит. Отвечаю: «За меня останется брат мой Гара Гунн». А он промолчал, но отвернулся. И понял я: не от меня отвернулся Аррус. С того самого мига от Здешних Огузов отворотился Аррус. Такие вот дела. Ладно. Слово какое имеешь ко мне. Говори. Только ради всего святого, побыстрому...

Бей Рек. Мой хан! Среди Огузов объявился шпион.

Газзан (*рассеянно*). Как? Среди Огузов объявился шпион говоришь?!

Бей Рек. Именно так, среди Огузов объявился шпион...

Газзан. Скажешь тоже. Навет Хочешь, однако, поделись с Шер Шамс ад-Дином. Хотя, думаю, сейчас тебе под каждым кустом чудится шпион. Не обижайся, я имею в виду, что годы плена... слегка изменили тебя...

Бей Рек. Мой повелитель. Эту тайну мне раскрыли именно там – в подземелье крепости Байбурд. Я тоже не сразу поверил. Тоже счёл это вражеским наветом. Но потом вдумался, гляжу – не-е-ет, не навет, а чистая правда.

Газзан. Скорее – горькая правда...

Бей Рек. Именно так – горькая правда...

Газзан. А имя шпиона, конечно же, не назвали... Да они просто дурили тебя... скорее всего. Забудь, клевета это, причём самая что ни на есть наглая. Всё. Уходим.

Бей Рек. Мой повелитель, погоди. Помнишь, ты отправился в поход – неприятель тут же прознал про это. Налетел, разграбил кров твой, разорил очаг. Скажешь, не было этого?! Не увели в полон сына твоего, жену и мать твою в конце концов?!

Газзан (*ревёт*). Шер Шамс ад-Дин!!

Шер Шамс ад-Дин появляется мгновенно.

Шер Шамс ад-Дин (*с поклоном*). Мой хан...

Газзан. Шер Шамс ад-Дин, передай народу, чтобы начинали грабить без меня. Скажи, пусть войдут в моё жилище и каждый пусть возьмёт то, что ему приглянется. Ибо не мне принадлежит всё это богатство, всё это золото, парча, оружие и камни драгоценные ни что иное есть как народное добро и так пусть к народу же и возвращается оно. Пусть подтвердится то, что верность и приверженность обычаям всосал я с материнским молоком. Ступай!

Шер Шамс ад-Дин. Будет исполнено. *(Бей Реку)* Прошу, мой хан Бей Рек...

Бей Рек. Мне ни к чему добро и ценности Газзана, когда я жизнь свою готов пожертвовать ему! И камень, брошенный в него, в своём полёте встретит прежде голову мою! И если не пойду на смерть, когда пошлёт меня Газзан, последней буду... последним буду... Короче, я всегда и везде говорил, говорю и буду говорить то, что вы слышали!!!

Газзан. Бей Рек, Бей Рек, угомонись. Так. Ладно. Шер Шамс ад-Дин, ты ступай. Мне есть о чём поговорить с Бей Реком. А гостям скажи, что мы непременно явимся к пиршественному столу. Ты понял, о чём я?!

Шер Шамс ад-Дин. Мой повелитель, клянусь Небом, я тоже не из тех, кто зарится на твоё добро...

Газзан. Шер Шамс ад-Дин!! Ты, что, извести меня хочешь?! Ступай! Скажи народу, чтобы начинали грабёж!!! Слышишь?!!

Шер Шамсад-Дин. Да, повелитель, слышу. *(уходит)*

Газзан. Такие вот дела, брат. Так, говоришь, шпион? *(задумывается, что-то перебирает в уме, подсчитывает, загибая пальцы)* Так. Слушай, Бей Рек! Среди Огузов объявился шпион!

Бей Рек. Именно так, мой повелитель, именно так. Мне бы твою проницательность!

Газзан. Ах, он выблядок! Ах, подонок! Ах, тварь! Подлец! Кто же он? Кто он, Бей Рек, скажи мне, поведай! Кто шпион?! Что тебе открыли в казематах крепости Байбурд? Кто продаёт нас врагам нашим? Кто продает Отечество за презренное золото? Кто? Кто?! Среди Огузов объявился шпион... Среди Огузов объявился шпион... Кто бы

мог подумать? Я, конечно, подозревал, что в последнее время всё идёт как-то не так, но чтобы шпион!!!

Бей Рек. Да уж...

Газзан. Так. Все ясно. Ты тоже подумал об Аррусе? Говори что думаешь? Что подозрительно в его поведении? Говори же!

Бей Рек. Вроде он как-то не совсем так ведет себя. И говорит всякие такие слова. Мол, кто такой этот Газзан. Мол, мы не уступаем ему ни в родовитости, ни в удали, ни в мудрости...

Газзан. Знаю, знаю. Говорит. Говори-и-ит... Все эти слова он не просто говорит, он темяшит их в головы своих воинов. Вот почему их нет среди нас сегодня. Ты понимаешь, о чём я? Или думаешь мне не доносят?

Бей Рек. Что ты, мой повелитель, ты знаешь обо всём.

Газзан. А то как же? Даже не сомневайся *(задумывается)* Видишь ли, Бей Рек... Оно, конечно, Аррус дрянь еще та, но... Нет, шпионить Аррус не станет. И вот ещё что: ведь шпион предавал не только Здешних Огузов. Шпион пакостил и Тамошним Огузам. Не так ли?

Бей Рек. Выходит, что так. Мудрость твоя, мой повелитель, уступает только твоей же прозорливости.

Газзан. Что ты имеешь в виду? *(соображает)* Ну, да... ну, да... Так. Аррус повинен в другом, Бей Рек. Аррус заговорщик, это верно. Но Аррус не может быть шпионом. Ладно. Давай-ка мы сделаем так: мы возьмём и пошлём за Деде Гор Гутом. Пусть он явится и объявит нам кто шпион, а кто не шпион. Кому как не ему знать про шпиона? Объявит и дело с концом. Раз-два... и готово.

Бей Рек. Именно так, мой хан, именно. Знать всё — это его прямая обязанность. Вы приняли единственно верное решение!

Газзан. Знал бы ты, как утомительно бремя принятия решения! А слава приписывается Деде Гор Гуту. Ладно. Об этом потом. Идём, идём поглядим что мы имеем, что потеряли в этом брэнном мире. Все мы странники, Бей Рек. Все в землю ляжем. «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою...» И дело с концом... «А мир этот брэнный стоит, бесконечный как прежде...» ...Я тут давече слегка перегнул, ты не шибко бери в голову. Понимаешь о чём я? Безусловно, только и только Деде Гор Гут достоин славы мудрейшего из мудрых. Вот, послушай, это из его последнего речения: «Убиты судьбою, укрыты землёю сырою... А мир этот брэнный, стоит бесконечный, как прежде». Каково, а? То-то и оно! Идём, Бей Рек, идём. «Убиты судьбою...» Выходит, среди Огузов мог объявиться шпион? Шпион... Чтож, объявился, так объявился... Но и мы-то не промах. Мы ещё покажем недругам нашим силу карающей десницы нашей. Но сначала надо разобраться с внутренним врагом, как ты считаешь? Скрытый враг опасней явного неприятеля... Шпион!... Как обухом по голове! Шпион объявился... Да чтоб ты...

Уходят.

Эпизод №2

Вечер того же дня. Газзан в напряженном ожидании. Входит запыхавшийся Шер Шамс ад-Дин

Газзан. Разъехались?

Шер Шамс ад-Дин. Разъехались, мой хан.

Газзан. Довольны?

Шер Шамс ад-Дин. Довольны, мой хан, все очень довольны. С чего бы это им быть недовольными?

Растащили все, что могли унести. Главное, что всемогущий Тенгри благосклонен к тебе! Что касается меня, лично, хозяин, я, как бы это сказать... ничего себе не позволил, пальцем, так сказать, не коснулся... чтоб ты знал...

Газзан. Позови Бей Река. И сам приходи. Знаю я тебя...

Шер Шамс ад-Дин. Благодарствую, хозяин. Будет исполнено (*выходит*).

Газзан (*один, репетирует речь*). Как бы там ни было, разговоры про шпиона не беспочвенны... не пустой звук. Безусловно, надо принимать меры. Так. Значит, среди Огузов объявился шпион. Всё что угодно можно было ожидать от Огузов, но такое!.. Ладно. Вот награда за все мои труды и бдения!! Хорошо. Наказание... кара неизбежна, клянусь Небом! Доколе...

Входят Шер Шамс ад-Дин и Бей Рек.

Проходите. Садитесь. Оба (*рассаживаются*). Разговор предстоит долгий. Так. Шер Шамс ад-Дин!

Шер Шамс ад-Дин (*вскакивает*). Слушаю, хозяин.

Газзан. Сиди, сиди. Знаешь ли ты, что сообщил мне Бей Рек?!

Шер Шамс ад-Дин (*вскакивает*). Не знаю, хозяин. Мне он ничего не сказал.

Газзан. Да, сиди ты! Так вот – я тебе говорю: среди Огузов объявился шпион!

Шер Шамс ад-Дин. Как, как?

Бей Рек. Так, именно так.

Газзан. Среди Огузов объявился шпион, Шер Шамс ад-Дин! Куда твои глаза глядели, Шер Шамс ад-Дин?! Ты, чем ты занимался, Шер Шамс ад-Дин?!

Шер Шамс ад-Дин. Шпион? Среди нас? Среди Огузов? Невероятно! Уму непостижимо. Даже не знаю что и сказать... *(Бей Реку)* Шпион? Объявился?

Бей Рек. Так, именно так.

Шер Шамс ад-Дин. Право, не знаю...

Газзан. А должен бы знать! Не Бей Рек должен был сообщить мне об этом, а ты. Ты, Шер Шамс ад-Дин! Ты же мой хлеб ешь! Ты же мой человек! *(после многозначительной паузы)* Так дела не делаются...

Шер Шамс ад-Дин *(вскакивает)*. Мой повелитель! Клянусь немеркнущим светом всемогущего Тенгри. Клянусь мудрейшей головой хана всех Огузов сиятельного Байандур Хана, клянусь дражайшим здоровьем твоим, клянусь святым Словом Деде Гор Гута, клянусь матерью... не знал я!

Газзан. А должен бы!

Шер Шамс ад-Дин. А может всё это... слухи? Враги распускают?... Вроде как бы... в целях провокации... Всё может быть...

Газзан. Никакие не слухи. Верняк. Говори, Бей Рек.

Бей Рек *(встаёт)*. Мой повелитель...

Газзан. Сиди.

Бей Рек *(сидясь)*. Благодарствую. Итак, мой повелитель. Впервые про шпиона я услышал в заключении... в заточении, ну, вы знаете – в подвалах крепости Байбурд. Дело в том, что у наместника крепости была прелестная дочь и она... и я... и мы... как бы это сказать... между нами... прошу прощения... как это бывает... мне неудобно говорить об этом, но вы понимаете... вообще, мы были слегка близки... Так вот, она-то систематически и детально рассказывала мне обо всем, что происходит на воле, то бишь среди Огузов...

Газзан *(Шер Шамс ад-Дину)*. Слышишь? Систематически и детально! Они знали про нас всё и нападали в самые благоприятные для них моменты! Ты понимаешь? Ничего не понимает.

Шер Шамс ад-Дин. Понимаю, мой повелитель, понимаю. Но с чего бы ей откровенничать с заключённым... с узником?

Газзан. Говори, Бей Рек.

Бей Рек. Ясное дело, в благодарность за... ну, за это самое, о чём мне неудобно говорить. И потом, она была уверена, что я пожизненно... навечно заключён в крепость...

Газзан *(Шер Шамс ад-Дину)*. На это что скажешь?

Шер Шамс ад-Дин. А кто сообщал им про нас?

Газзан. Говори, Бей Рек.

Бей Рек. Увы, как ни старался, имени шпиона выведать не смог. Долго голову ломал, ничего не надумал. И если честно, я тогда не очень-то придал этому значения...

Шер Шамс ад-Дин. А с чего вдруг сейчас ты вспомнил про шпиона?

Газзан. Говори, Бей Рек.

Бей рек. Да всё с того, что в последнее время меня стало смущать поведение Тамошних Огузов. Сопоставил факты, да палец так и прикусил. Ну думаю, без шпиона тут не обошлось. И сразу же к хану нашему явился.

Шер Шамс ад-Дин. Это же голые предположения... Как бы – личные подозрения...

Бей Рек. Вот пусть хан и рассудит

Газзан. Уже рассудил. Так. Первое. Что касается тебя, Шер Шамс ад-Дин – если ещё раз подобное сообщение доставит мне кто-то другой, а не ты – обижайся на себя!

Шер Шамс ад-Дин *(становится на колени)*. Головой клянусь, хозяин, собственной головой!

Газзан. Ладно. Так. Второе. Среди Огузов объявился шпион – кто он? – ни ты, ни ... Бей Рек не знаете. Так? Так. Но кто-то должен знать! Так?

Бей Рек. Так, именно так!

Газзан. Предлагаю вызвать Деде Гор Гута. Как считаете? В силу сложившихся обстоятельств его присутствие крайне необходимо... Пусть явится и скажет свое веское Слово!.. Он же как никак ... этот... как его там... ага, Ведун, следовательно ведомо ему то, что не ведомо ни тебе... и не тебе... Тайна сия велика есть... только ему по силам распутать эту заморочку... если вы понимаете о чём я.

Бей Рек и Шер Шамс ад-Дин. Понимаю, мой повелитель!

Газзан. Вот и славно. (*Шер Шамс ад-Дину*) Найди его.

Шер Шамс ад-Дин. Деде?! Но как? Никому не ведомо где он обитает. Появляется внезапно... когда считает нужным... изрекает Вещие Слова и... так же внезапно исчезает... Куда. кто его знает?!

Бей Рек. Именно, так... Вот в чём загвоздка...

Газзан. Что бы вы делали без меня?... Ладно. Шер Шамс ад-Дин! Поди принеси мою шкатулку с заветным волоском...

Шер Шамс ад-Дин выходит.

Бей Рек. Что это за шкатулка с заветным волоском, хозяин?

Газзан. Когда был избран я на ханство всенародно и повелитель всех Огузов, мой тесть, Хан Байандур вручил мне символ власти – Бунчук Священный, Отец народа вещей прорицатель, шаман и демиург Деде Гор Гут на власть благословил и принародно мне вручил шкатулку с этим самым волоском. А на ухо шепнул: ты не особенно-то расслабляйся, мир полон неожиданностей и не всегда прият-

ных... В случае чего – сожги этот волосок, я тут же явлюсь, помогу чем смогу. Вот, случай и представился. Шибко интересно, получится или ... как?

Входит Шер Шамс ад-Дин со шкатулкой и плетущей головешкой.

Бей Рек. Должно получиться...

Газзан. (*Шер Шамс ад-Дину*). Давай сюда. Так. (*открывает шкатулку, копается в ней*) Ага, во-о-от он, да длинный какой и белоснежный, не иначе как из шкуры снежного барса. Раздуй огонь. Так. Хорошо. Начнем благославлясь. С именем великого Тенгри, дарующего нам огонь и влагу, которые...

Не договаривает, ибо волосок воспламеняется и после яркой вспышки наступает кромешная тьма. Когда же снова возвращается свет, ослеплённые герои не сразу замечают Деде Гор Гута, возникшего между ними. Чудесное явление слегка потрепало Деде: длинные белые волосы его растрепались, в бороде и усах застряли соломинки.

Газзан (*замечает Деде*). Отче... неужели явился?

Деде (*вычёсывая бороду*). Не видишь, что ли? Вызвал, я и явился. Иль не верил?!

Бей Рек. Я... я... много чудесного видел я. Такого я не видел в жизни.

Шер Шамс ад-Дин. Я... а я... и я... как он...

Газзан (*слегка оправившись*). Отец наш и оплот Деде Горгуд! Добро пожаловать! «Хош келдин» и так далее...

Преклоняет колени, воздевает левую руку, правой берёт руку Деде трижды целует её и прикладывает к глазам. При этом шепчет...

Деде... только острая необходимость вынудила потревожить тебя... А так бы – ни за что... Ты, конечно, понимаешь о чём я... (встаёт, отвечает глубокий поклон) Благословен будь твой приход.

По знаку Газзана присутствующие совершают ритуальное приветствие и застывают в поклоне)

Деде. Садись, Газзан.

Шер Шамс ад-Дин *(не разгибаясь)*. Мне выйти?

Бей Рек. Может мне подождать снаружи?

Газзан. Отец?

Деде. Нет, почему же? Пусть и они подойдут поближе. Садитесь. *(все рассаживаются, Деде всматривается в Бей Река)* Уж ни Бей Рек ли ты? *(Бей Рек вскакивает и застывает в поклоне)* Точно, Бей Рек... Удалой Бей Рек... Садись, герой. *(всматривается в Шер Шамс ад-Дина)* Погоди, погоди, сейчас узнаю... Ган Тур Алый... нет, нет, Басат ... нет, на Басата тоже не похож... Тьфу, ты! Да это же Шер Шамс ад-Дин... Старость не радость... Ты ли это, Шер Шамс ад-Дин?

Шер Шамс ад-Дин *(вскакивает, застывает в поклоне)*. Я! Я это, Деде! Я! Деде узнал меня, слава великому Тенгри... Что же касается старости, Деде, какой же ты старик? Я в том смысле, что ты вечно молодой, ты и теперь моложе всех... прошу прощения... молодых!

Газзан. Так. Ладно. Попрошу не отвлекаться. Дело больно щепетильное. Деде, знаешь почему я осмелился потревожить тебя?

Деде. Знаю, Газзан, знаю. Среди Огузов объявился шпион.

Газзан. Откуда знаешь? Ничего себе, кроме меня одного всем всё известно. Ладно. Хорошо. *(после паузы)* О! Когда б ты знал, как огорчило нас сие известие! Что делать нам? Кого подозревать?! Кого схватить, казнить и не поми-

ловать?! Не знаем мы! Поведай нам. Тебе лишь одному дарует Небо вдохновение! Открыто всё тебе вообще и мир по-тусторонний в частности. Лишь ты рассказываешь нам под перебор печальных струн гопуза чарующие были-небылицы. Лишь ты один нанизываешь перлы слов на нить повествования так, что слушатели верят не умом, но сердцем... Лишь ты... Ты... как его там... Ладно. Скажу прямо и откровенно... Первый раз в жизни говорю: ты единственная наша надежда. В том смысле, что на тебя одного надежда, Деде. Неприятно как-то знать, что среди нас объявился шпион...

Деде. Еще бы, конечно, неприятно. И недостойно Огузов. Ибо пятнает светлое имя рода-племени. Против правды не попрешь... Горько нам, горько...

Газзан. Деде, кто он! Я имею в виду шпиона... Никто кроме тебя не скажет правды!

Деде. Ты спрашиваешь – кто шпион? Так?

Бей Рек. Именно, так, Деде. Хан Газзан абсолютно верно ставит вопрос. Кто шпион?

Шер Шамс ад-Дин. Кто шпион? Положение сложное, Деде, сам понимаешь...

Деде. Так вы спрашиваете – кто шпион... Как я понимаю, вы хотите знать кто шпион... Боюсь, что узнав имя шпиона, вы так расстроитесь, что пожалеете о своей стойчивости.

Газзан. Нет, Деде, речи об этом быть не может. Повторяю со всей ответственностью: мы должны знать именно сейчас... Во имя грядущей безопасности Огузов... А грядущее – это... это... Ну, да ты сам знаешь... В общем, говори, Отец, говори!

Деде. Да-а-а, припер ты меня к стене, Газзан. Чтож, будь по-твоему. Слушай же! Есть среди Огузов женщина, по прозванию Брюхатая. Не делайте наивные глаза, не претворяйтесь: вам и только вам обязана она прозванием своим

— «Брюхатая от сорока любовников блудница»! Вспомнили, поди?! По молодости лет желанною была, хотя красавицей особой не слыла и обрюхатить мог её любой, кто был на то способен. Но увы! Родить смогла лишь одного ребёнка — сына родила от блуда Брюхатая блудница. И нерастраченную нежность, ласку и любовь, и все свои надежды на сына обратила бедная женщина. И без отца, чьё чадо перед нами, а имя неизвестно, растила, как могла она. Я тайну открываю днесь, владей и пользуйся, Газзан... *(после паузы)* Сын Брюхатой — вот кто шпион. Знайте.

Газзан. Сын Брюхатой шпион?! *(деловито)* Шер Шамс ад-Дин!

Шер Шамс ад-Дин. Слушаю, хозяин.

Газзан. Сейчас же, возьми Бей Река, найдите мне этого ублюдка и бросьте его в яму. Я сам буду судить его. Да, до поры, до времени шума не поднимайте. Я имею в виду, чтобы никто ничего не прознал. Верно, Деде?

Деде. Я своё дело сделал. Теперь и вопросы ставить будешь ты сам, и ответы на них будешь искать сам, только сам. *(после паузы)* Зря, ох зря принудил ты меня открыть тайну...

Газзан *(подручным)*. Чего застыли? Выполняйте! *(Бей Рек и Шер Шамс ад-Дин уходят)* «Зря», говоришь, Отец? Почему — «зря»?!

Деде. Газзан.

Газзан. Что?

Деде. Какое наказание грозит несчастному?

Газзан. «Несчастному»? С чего это вдруг он стал несчастным? На этом негодяе кровь многих достославных героев. Из-за него я чуть не потерял единственного сына... Предатель и вдруг несчастный... Как-то не вяжется, ты, конечно, понимаешь, о чём я...

Деде. Понимать-то понимаю... И всё же — несчастный...

Газзан. Опять ты за своё, прошу прощение за резкость. Что же касается наказания — пока не знаю, но думаю, что этот «несчастный» достоин такого наказания, чтобы впредь другим неповадно было шпионить. Его наказание послужит уроком всем врагам — как внешним, так и внутренним.

Деде. Боюсь, как бы тебе ни пришлось взять свои слова назад.

Газзан. Ни в коем случае, никогда! Ты же меня знаешь!

Деде. Я тебя хорошо знаю.

Газзан. Мы накажем его всем миром. Шер Шамс ад-Дин накажет. Бей Рек накажет. Бекил накажет. В конце концов — Аррус накажет. Я сам лично накажу его. Будь уверен, Отец.

Газзан. Да не ослабнет в битвах мощная твоя десница. Я ухожу. И всё же... зря ты вызвал меня, Газзан, ох, зря...

Газзан. Это будет первый и последний шпион среди Огузов. А это, как ты сам понимаешь, залог наших грядущих побед. Грядущее Огузов...

Деде. Я ухожу. Лишь бы тебе не пришлось раскаяться *(делает руками пассы, исчезает)*.

Газзан. О, Небо! Исчез. Опять исчез. *(кричит в пустоту)* Никогда! Никогда не придётся раскаиваться мне в делах и свершеньях моих! Особенно в этом деле! Так. Ладно. Единственный сын Брюхатой. Попадешь ты мне в руки. Ты мне за всё ответишь. Сдохнешь ты и сгниёшь, как и все враги Огузов. *(становится на колени)* Да будет к нам благосклонно Небо! Сохрани в славе грядущие дни Огузов, о ве-

ликий Тенгри. *(встаёт с колен)* Но только со мной, слышишь ты, со мной *(посмеиваясь, уходит)*.

Эпизод №3

Жилище Брюхатой. Сама она, сидя на корточках, перешивает пестрое лоскутное одеяло.

Брюхатая. Не к добру, ой, не к добру... Чует моё сердце... недаром с самого утра ноет... ноет... Ой, беспокойно мне... очень... очень беспокойно... Словно конец света близится... или что-то ещё хуже... Никогда со мной такого не было... Не билось так сердце... сама с собой не разговаривала... Что за напасть – единственного сына растить... Куда пошёл, где запропастился? Уйдёт и не скажет, а ты сиди и гадай... И где искать – не знаешь, и сил тех уж нет, чтобы броситься на поиски. *(стук в дверь)* Ночь за полночь, кого принесла нелегкая? Чур... чур меня, сердце обрывается от страха. Не открывать, что ли? *(стук в дверь)* Кто там? *(подходит к двери)* Кто стучится в дверь ко мне?!

Как всегда внезапно и ниоткуда в комнате появляется Деде Гор Гут.

Деде. Погоди. Не спеши. Дверь, говорю, не спеши открывать.

Брюхатая. Ой, тошно, мне! Кто это?.. Кто? А? Кто?

Деде. Я это, я. Успокойся.

Брюхатая *(вглядывается)*. Деде?! Ты ли это?!

Деде. Узнала наконец...

Брюхатая *(преклоняет колени, воздевает левую руку)*. Отец наш Горгуд, эгей! Горы твои грозные-высокие...

Деде *(Поднимает её с колен)*. Довольно, сейчас не до церемоний... Отойди от двери... Не бойся...

Брюхатая. Так стучат же... Неровен час выломают дверь. Кого это принесло на ночь глядя, не знаешь? *(опомнившись, снова бухается на колени, хватая руку Деде, целуя бормочет)* Светлые-пресветлые воды твои... да не оскудеют... не высохнут... воды ...

Деде. Да перестань ты, наконец, вот наказание *(делает пассы, стук прекращается)*. Идя сюда. Сядь. Выслушай...

Брюхатая. *(прислушивается)* Ушли, что ли?

Деде. Никуда они не ушли. Я приостановил их время.

Брюхатая *(не слушая его)*. А вдруг вернутся?

Деде. Да, чтоб тебя! Не ушли они. Застыли... замерли на время.

Брюхатая. На какое время?

Деде. Тьфу ты, мать честная! Сидеть! *(Брюхатая садится)* Слушай, баба ты стоеросовая! *(Брюхатая прикладывает руку к уху)*. Не ласы точить с тобой явился я сюда. Слушай внимательно.

Брюхатая. Слушаю, Деде, слушаю. Не нервничай, в нашем возрасте это вредно...

Деде. Слушай! Ребёнок в беде!

Брюхатая. Ребёнок? Какой ребёнок? Чей ребёнок?

Деде. Твой. Единственному сыну твоему грозит беда великая!

Брюхатая. Ой, лихо! Чуюло мое сердце! Опять о нем ни слуху, на духу! Что с ним? Где он? Скажи, Деде, открой, Деде, сердце моё успокой, Деде!.. *(становится на колени)*... Воды твои светлые-пресветлые...

Деде. Опять ты за своё! Не время сейчас. Знай: сын твой единственный недругом стал для Огузов. Не сносить ему головы – за ней явились те, за дверью.

Брюхатая (*вскакивает*). Что-о-о? За что-о-о? Что он натворил такого?! Не может быть!! Подставили дитятко мое единственное лихие людишки, подставили! Напраслину возвели, подлые! Оклеветали дитятко моё ненаглядное... безответное... бесталанное!.. Ой, да что же это такое! Ой, да что же за напасть! Дитятко мо-ё-о-о-о! (*воет*)

Деде. Прекрати... Не время выть...

Брюхатая (*заполосно*). Не жить мне, Деде, не жить! Ооо-о-о!

Деде. Молчать! (*Брюхатая мгновенно умолкает*). Напраслина, говоришь? Как бы ни так: Газану достоверно известно, что сын твой шпионил против Огузов. И ты знай: правда это. Скоро, очень скоро всех известят. (*после паузы*) Да, вот ещё: я тут ни при чём и ничего поделатать не могу... Вот.

Брюхатая. Так это по его душу явились незваные ночные гости... Пришли схватить, руки заломить, скрутить, на голову мешок и в ночь, как стерво утащить... (*жестко*) И ты ничего поделатать не можешь. Как же, ведь это не ты подкидывал сыночка вверх, не ты приговаривал «чадо, чадушко моё». Или я что-то путаю? Не ты ли говорил, что этот...

Деде. Да, погоди ты! Выслушай до конца, имей терпение! Надо что-то предпринять. Предпринять надо что-то. Если что-то не предпринять – беды не миновать. Сына твоего... сына твоего схватят и бросят, как принято, в яму. Суд показательный устроят, а наказание – в назидание другим – будет ужасным...

Брюхатая. Что за страшные, холодные, тяжёлые слова уста твои изрекают, Деде? О ком ты так спокойно го-

воришь. уж не о сыне ли моем единственном? Тебе ль не знать, как я молила Небо, как жаждала и как в награду за все мучения и унижения я сына обрела?! Не ты ль, шаман великий, способствовал тому? И что теперь? Что делать мне? Заветнейшую тайну, которую я двадцать лет в своей утробе как могла хранила, мне изрыгнуть? Чтобы узнали все Огузы чей это сын?! (*с угрозой*) Или вместе откроем тайну – ведь тебе, Деде, достоверно известно, кто отец моего сына.

Деде. Лишь мать ребёнка знает – кто зачал его...

Брюхатая. Это точно... А надо ль знать об этом всем?..

Деде. Послушай меня, женщина. Ты же неглупая. Выслушай меня до конца, не заводись. Я пришел к тебе, чтобы... помочь... посодействовать. Из любого безвыходного положения есть выход, надо только суметь воспользоваться им. Слушай сюда. Исполнишь в точности всё, что скажу – избежишь беды. Не бойся. Все будет хорошо. Тайны не для того существуют, чтобы их раскрывать. Тех, кто тайны раскрывает ждёт...

Брюхатая. Все что скажешь, всё что прикажешь! Ты только путь мне укажи – не сверну с него! Будь так, как ты говоришь – ребёнок мой, мой, только мой, больше ничей. Лишь бы оставили в покое дитя моё единственное! Нет вины на нём, Деде, ты же знаешь – не может мой сын быть шпионом!

Деде. Твой сын... твой сын шпион, женщина, не спорь, это доказанный факт. Но дело сейчас не в этом. Надо спасти его от наказания. Существует один-единственный путь спасения. Догадываешься о чём я?

Брюхатая. Не совсем. Что это за путь, Деде? Укажи мне его, спаси и сохрани! В долгу не останусь.

Деде. Не болтай глупости! Слушай: сына твоего непременно схватят. Бросят в яму. Будут готовить судилище. Ты пойдешь к Газану, пойдешь к Шер Шамс ад-Дину, Аррусу, Бекилу. Поговоришь с каждым с глазу на глаз, только с глазу на глаз. Слушай внимательно. Каждому скажешь...

Тишину разрывает грохот взламываемой двери. Грохот заглушает слова Деде Гор Гута, который торопливо договаривает на ухо Брюхатой и делает насы. Исчезает. Брюхатая садится на корточки и сосредоточенно дошивает одеяло.

Эпизод №4

Внутренние покои жилища Газзана. Газзан в полудрёме возлежит на подушках. Неслышным шагом входит Бурла Хатун, крадучись подбирается к мужу.

Бурла Хатун (таинственным шёпотом). Шпион – Аррусссс.

Газзан (сквозь дрёму). Нет. Сын Брюхатой.

Бурла Хатун (прежним тоном). Это дело рук Аррусааа...

Газзан. Брюхатой. Преступая группа – мать и дитя. (очнувшись видит жену). А? В чем дело?

Бурла Хатун. А в том, сокол мой ясный, отрада очей и услада души моей, что больно часто ты стал произносить это имя.

Газзан. Какое имя? О чём ты?

Бурла Хатун. Да всё о том, голубь ты мой сизокрылый, всё о том. Не глухая – слышу, не слепая – вижу:

произнесёшь это имя раз, из глаз десяток сыплется!.. Что, конь ты мой буланый, молодость вспомнил? Гарцуешь?

Газзан. Кто? Я?

Бурла Хатун. А то я?! Думаешь, забыла, как ты ночами бредил этим именем?

Газзан. Каким именем?

Бурла Хатун. Да всё тем же! Иль вслух произнести?! Блудодей!!!

Газзан. Что ты болтаешь? И это подруга жизни... Ну, сколько можно ворошить старое, мы же закрыли этот вопрос, госпожа ханша! Сколько лет прошло, а ты... Не ожидал. Вот сейчас она почувствует всю тяжесть карающей нашей десницы. Не об этом ли ты мечтала, душенька?!

Бурла Хатун. Говори, говори, сказать можно всё, что угодно. Нет, дорогой, не об этом я мечтала. Послушай меня: шпион не её сын. Шпион не её сын. Шпион твой дядя Аррус. Аррус и никто иной...

Газзан. За что? За что? За что? За что мне это наказание. С утра пораньше... других тем нет, что ли...

Бурла Хатун. Что, не нравится?

Газзан. Супруга ты моя благоверная, мать детей моих! А вот как встану я да со своего-то места, да как возьму да в руку правую, руку тяжелую плеть свою семихвостую! Да как пройду-прогуляюсь да ею по спинушке твоей да по заднице! Слушай, не выводите меня из себя... Оф-ф! Знай: сам Деде Гор Гут сказал. Деде Гор Гут! Я тут ни при чём. Вчера пришёл.. нет, возник Деде и прямо сказал: шпион её сын.

Бурла Хатун. Когда это было? Я как-то не заметила.

Газзан. Не веришь мне, спроси у Шамс ад-Дина... Он был при этом...

Бурла Хатун. Вот ещё (*резко меняет тон, ласково*). Послушай, Газзан. Всё-таки... жалко её... эту несчастную женщину. Что ты так уставился? Да, мне жалко Брюхатую. Как-никак и она мать... «Весь мир пред матерью в долгу» - так говорил Деде Гор Гут, верно ведь?! Так почему никто не спешит вернуть нам долги? (*взрывается*) Кто вернёт мне долги?! Когда?!

Газзан. Опять ты за своё! Не болтай глупости, женщина! Кто тебе должен? Ладно. Кто отказывается от долгов своих?! О чём ты?! Вот, к примеру, именно по твоему настоянию я не пригласил на прошлый праздник дядю Арруса...

Бурла Хатун. Это я-то настояла?! Ладно. Так. Хорошо. Слушай же, муженёк и знай: это твой родной дядя Аррус зарится на трон твой! Это твой родной дядя Аррус зарится на твой бунчук и власть над всей ордой! И мы ещё должны его в дом свой пускать?! Грабь – не хочу?! Известно мне из первых рук: дядя твой Аррус постоянно наговаривает на тебя папе моему, интригует, во что бы то ни стало хочет сделать сына своего Басата предводителем орды. Понимаешь, о чём я?!

Газзан. И что папа?..

Бурла Хатун. А что папа? Совсем старый стал, силы уже не те...

Газзан. Не темни! Что сказал папа?

Бурла Хатун. Сказал – «посмотрим...» Да что ты пристал к папе?! Что тебе от него надо?!

Газзан. Мне?! Мне несчастну?! Ничего мне от него не надо!.. Так. Ладно. «Посмотрим...» Чтож, теперь я знаю, что мне надо... Я ещё покажу Аррусу! Жаловаться на меня? Ладно. Папа... Дядя... Тьфу!

Бурла Хатун. Он только тем и занят, что настраивает против тебя Тамошних Огузов. Просто так всё

это не кончится, супруг мой, тут межусобицей пахнет, расколом пахнет, войной...

Газзан. Чтож, пахнет, так пахнет. Я тоже не кто-нибудь – имя моё Газзан! Могучая птица Салур осеняет род наш своими крылами, ей мы поклоняемся, на неё уповаем в битве кровавой. Война так война. Очистимся от внутренних врагов, тогда и одолеем внешних недругов. Грядущее...

Входит Шер Шамс ад-Дин.

Шер Шамс ад-Дин. Хозяин, там Брюхатая просит принять её. Слово, говорит, важное имею, скажу, говорит, только Газзану и только, видите ли, наедине.

Газзан. Какое такое «важное слово»? Да ещё наедине... У меня ни от кого секретов нет. Небось, умолять пришла, клянчить. Ясное дело. Подумаешь, «важное слово». Зови.

Бурла Хатун (*в ярости*). Мне здесь делать нечего! Оставайтесь наедине, обменивайтесь важными словами!! Вспоминайте былые... любовные утехи!!! Может полегчает!!! Так. Ладно. А я, несчастная, стопы направлю к папе моему, и припаду в слезах к ногам его и поделюсь позором, которым ты покрыл меня, Газзан. Ты... А ты... Пускай по ветру черному всё то, что было между нами! Чтож, продавай меня за грош, как-будто я коза какая... Газзан, ах, Газзан! И если я коза, то кто же ты?! (*выбегает*)

Газзан. Чтоб ей пусто было! Мне это надо? (*Шер Шамс ад-Дину*) А ты что застыл, как истукан? Надо было тебе – при ней? Зови эту стерву! Не понял? Брюхатую, говорю, зови!!!

Бурла Хатун (*в дверях*). Вот так вот, да?! «Зови», значит?! Ладно. Будь ты хоть трижды Газзан, но я-то ни

кто-нибудь, я дочь Верховного Хана Всех Огузов Байандур Хана! Увидишь!! *(исчезает)*

Газзан *(Шер Шамс ад-Дину)*. Ты ещё здесь? Ступай. Нет, погоди *(прислушивается, ждет. Снова врывается Бурла Хатун, но не успевает она и рта раскрыть, как Газзан хватает плетью и замахивается на жену. Бурла Хатун убегает)*

Шер Шамс ад-Дин. Хозяин...

Газзан *(кричит вслед жене)*. Не буди во мне зверя, женщина! Уходи! Уходи куда хочешь! Дай мне заняться делами! *(Шер Шамс ад-Дину)* Зови Брюхатую! Погоди. Скажи, как там... в яме... ведёт себя её сын? Что делает, что говорит?

Шер Шамс ад-Дин. Ничего не делает, ничего не говорит.

Газзан. Как так?

Шер Шамс ад-Дин. Я в том смысле, что как легничком, так и лежит, не двигается – не ест, ни пьёт и по нужде не просится. Молчит, из ямы только слышится его тяжелое дыхание – вдох, выдох, вдох выдох...

Газзан. Так. Ладно. Как по-твоему: чего этой бабе нужно от нас? Она же прекрасно знает, что предателям, шпионам в том числе, пощады нет и быть не может. Слово важное имеет... На хрена мне её слово? Ладно. Иди. Нет, погоди. Всё-таки, что она собирается сказать, как ты думаешь?

Шер Шамс ад-Дин. Право, не знаю, что и думать, хозяин... А не прогнать ли ее вообще на...

Газзан. Нет. Зови. Послушаем, что скажет. *(Шер Шамс ад-Дин выходит, тут же врывается Брюхатая)*

Брюхатая. Мой повелитель! Мой повелитель, грозный хан Газзан!! *(становится на четвереньки и, причитая, движется по направлению к Газзану)* О милосердии молить пришла, на милость твою уповаю! О жалости молить пришла, на жалость твою уповаю! Не жить, но умереть у ног

твоих пришла, на избавленье уповаю! Пощады! Пощады, добрый хан Газзан!

Газзан. Встань, женщина. У каждого мгновенья свой резон. В недобрый миг пришла ты – беспощаден он... Скажи, как ты могла допустить такое? Разве не видела ты, что добром это не кончится? Сын твой Огузам из подлости тысячу бедствий содеял... Да встань же ты, наконец!

Брюхатая. Не видела. Не думала, не гадала. Не стану. На тебя вся надежда, Хан. Мой сын не шпион. Пощади.

Газзан. Это дело доказанное. Сын твой предал Огузов. За что и будет наказан. Таков глас народа. При чём здесь я? Я всего-навсего исполняю волю народа.

Брюхатая. Ты ещё и отец, Газзан...

Газзан. Верно, отец. Отец, который едва не лишился своего единственного сына из-за предательства твоего ублюдка! Прости за резкое слово, но кто сообщал врагам обо всём, что творится у нас, кто раскрывал им наши тайны, кто ввергал Огузов в страшные испытания, о которых так красочно, но вместе с тем абсолютно достоверно повествует Деде Гор Гут печальный перезвон струн гопуза?! Кто отвернулся от народа своего? Он – твой сын!

Брюхатая. Он твой сын, Газзан...

Газзан. Волосы дыбом встают, как подумаешь о том, что он еще мог натворить... Ты что-то сказала?... Да его четвертовать мало...

Брюхатая *(встает с колен)*. Неужели ты забыл меня, Газзан. Меня. юную, красивую, желанную...

Газзан. Тише ты, замолчи.

Брюхатая. Конечно, время не пощадило нас, но память не отшибло. Иль ты забыл, Газзан, лужок поодаль дома моего? Иль ты забыл, Газзан, про пса у изгороди дома моего? Ну, того серого волкодава... Барагчугом звали. Ну

вспомни, ты же сам назвал его. Только на тебя не лаял Барагчуг, за хозяина признавал. Вспомнил? Ну же ...

Газзан. Барагчуг...

Брюхатая. Вспомнил! Не забыл! Да разве можно позабыть те ночи, полные огня под крышей дома моего?!

Газзан. Тихо, тихо. Умоляю, говори потише. С чем ты пришла, о том говори... А то – «помнишь – не помнишь...» Дело не в этом. Ну, предположим, не забыл – что это изменит? Сын-то твой как шпионом был, так шпионом и останется...

Брюхатая. Сын-то – твой, Газзан.

Газзан. Сын твой шпион и будет сурово наказан. *(вдруг резко)* Что ты мелешь, баба ты глупая и старая?!

Брюхатая. Газзан. Долго, долго я молчала. Тайну нашу в утробе хранила. Деде сказал: лишь мать ребенка знает – кто зачал его... Ты отец сына моего... нашего сына. Теперь ты знаешь все и волен поступать, как знаешь.

Газзан. Что она несёт? Что она болтает? Так. Ладно. Хорошо. Скажи, разве ты не та самая блудница по прозвищу «Брюхатая от сорока любовников блудница»? От сорока! С чего это ребенок должен быть именно от меня? Скажи, пожалуйста!

Брюхатая. Сказано: лишь мать ребенка знает – кто зачал его. А я говорю: от тебя я понесла единственного сына. Теперь ты все знаешь, Хан Газзан.

Газзан. Да тише ты... Тише... Ты... ты бредишь! Нет? Так. А может ошибка какая вышла... в подсчётах, а? Нет? Ладно. А чего это до сих пор молчала, почему не сказала?

Брюхатая. А смысл-то какой? Ну, сказала бы – и что? Был бы он богатырского сложения и нрава удалого, дело другое – воином бы воспитала его для тебя и в битвах рядом бы скакал твой сын... Этот же уродился тихим,

скромным, мирным... Таким вот... мальчиком... ты поручил его мне на хранение... Всмотрись в его черты и вспомни старшего сына – как две капли воды похожи... Те же глаза – твои глаза, Газзан!

Газзан. В который раз прошу – говори потише... Так. Так. Так, так, так. Вот оно, значит, твоё важное слово!.. Знаешь, что ты сделала со мной, женщина?! Ты меня убила, ты вогнала клинок по самое сердце! Теперь я...

Брюхатая. Газзан Хан. Вот и всё, что я хотела тебе сказать. Не забывай наши встречи под луной, не забывай.

Газзан. Опять она за своё! Ничего я не забыл, успокойся! Заладила, как сорока, «не забудь, не забудь»... нет ничего из того, что можно позабыть... Как на духу говорю... Ах, я несчастный! Кто сказал, что птица счастья существует? Все, всё против меня! Хоть бы кто... хоть разок назвал меня ангелом...

Брюхатая. Сохрани сына, Газзан....

Газзан. А, ну тебя... Так. Ладно. Кто-нибудь ещё знает об... об этом?..

Брюхатая. Нет. Никто. И никто не узнает.

Газзан. А что если Бурла Хатун? Что тогда?

Брюхатая. Не узнает, мой хан, не узнает, мой повелитель!

Смилуйся, Газзан, не губи кровиночку.

Газзан. Стоп. Молчи. Молчи. Молчи, говорю тебе! Чтоб ни единой душе, ты понимаешь, о чем я?

Брюхатая. Еще бы. Это в моих интересах.

Газзан. О, великий Тенгри! В чём я провинился пред тобой?! В чём моя вина?!

Брюхатая. Не казни себя, Газзан...

Газзан. Так. Ладно. Вот что – ты ступай себе. Ступай. Завтра придёшь. Завтра. Понимаешь, о чем я? Приходи

завтра. Но смотри у меня! Если кто-нибудь... Никому, поняла, никому!

Брюхатая. Кто у меня есть кроме тебя, Газзан? Не губи сына.

Газзан. Ладно, ладно, ступай...

Брюхатая. *(целует Газзана в лоб)* Весь мир пред матерью в долгу... *(уходит)*

Газзан. *(обессиленно опускается на четвереньки)* О, великий Тенгри! Что мне делать? Я как чувствовал, что сегодня меня обязательно говном обмажут... Оказывается, это мой сын... Как мне быть, скажи, о великий Тенгри?! Да скажешь ты, наконец, хоть что-нибудь?... Эх! *(что-то бормоча под нос на четвереньках же уходит)*.

Эпизод №5

Ночь. Вокруг ямы для преступников прохаживается Шер Шамс ад-Дин.

Шер Шамс ад-Дин. Тишина, ах, какая стоит тишина... И поговорить не с кем... *(подходит к яме)* Эй, ты! Как ты там? Молчишь? Зря, парень, зря: все, кто попадают сюда, как правило, криком кричат, воем воют. Говорят, помогает... А ты – нем, как могила *(пауза)* Слышь, парень, мать твоя к хозяину приходила. О чём они там базарили, врать не буду, не слышал, но после встречи хан сам не свой сделался. Ай, да Брюхатая... Да-а-а, сейчас она, конечно, не та, что прежде и немудрено: годы своё берут, да и ты, прямо скажем, не подарок. Согласись, что не такое это уж легкое дело – быть матерью шпиона, да к тому же разоблаченного. *(в ночи слышится звук шагов)* Стой! Кто идёт?! *(из темноты выходит Брюхатая)*

Брюхатая. Доброй ночи, Шер Шамс ад-Дин...

Шер Шамс ад-Дин. Ты? Уж полночь скоро, чего это бродишь, как приведение? Хан спит давно. Завтра приходи. *(Брюхатая направляется к яме)* Эй, эй туда нельзя! Слышишь, женщина, нельзя!!

Брюхатая *(склоняется над ямой).* Дитя моё несчастное, дитя моё, дитя! Девять долгих месяцев в чреве моём тесном носила я тебя... Смотри, как посмеялась надо мной судьба-злодейка, доля горемычная!

Шер Шамс ад-Дин. Успокойся, женщина, приходи в себя. Туда нельзя. Иди домой, перетерпи до утра, приходи завтра. Глядишь, смилуется хан, позволит повидать сына...

Брюхатая. О, Шер Шамс ад-Дин! О, мой храбрый удалец! Всё знаешь о себе самом ты и ничегошеньки не знаешь обо мне. Хотя, постой, постой, мой друг Шер Шамс ад-Дин: и о себе самом тебе не всё известно... друг мой...

Шер Шамс ад-Дин. Чего ты бормочешь, баба?! Какой я тебе друг?

Брюхатая. Помнится, не так давно и ты был добрый молодец. Стройный как тополь, гибкий, как барс! Был ты красив лицом, глаза твои кипели страстью, уста алели, как маки на лужайке возле дома моего... Как молоды мы были, ты не забыл, Шер Шамс ад-Дин? А наши встречи под луной, ты помнишь их?!

Шер Шамс ад-Дин. Помнится, пса твоего сторожевого звали Барагчуг.. Да, да – именно Барагчуг... Как он лаял, когда лунными ночами я пробирался под крышу дома твоего... Ты была прекрасна, женщина.

Брюхатая. Из любви к тебе лаял Барагчуг. Только на тебя он лаял так.. особо. Прошли же дни, пролетели, промелькнули... Сейчас лишь на тебя уповаю, на тебя одного надежда... только на тебя...

Шер Шамс ад-Дин. Какая надежда, тетка?! О чём это ты?

Брюхатая. Да, те дни утекли, как песок сквозь пальцы. Но кое-что осталось. Понесла я в ту ночь от семени твоего. Все эти годы я скрывала это от тебя, мой герой. Хранила нашу тайну.

Шер Шамс ад-Дин. О какой такой тайне ты болтаешь? С ума свихнулась на старости лет, что ли?

Брюхатая. Нет. Не свихнулась. Тайна же заключается в том, что мой сын, брошенный в эту яму...

Шер Шамс ад-Дин. Мой... твой сын...

Брюхатая. Шер Шамс ад-Дин! Шер Шамс ад-Дин! Оговорился ты, но это не простая оговорка – ты отец моего сына. Он – плод нашей жаркой любви, он – подтверждение нашей страсти, он – дитя той лунной ночи. Дитя мое, дитя моё... моё дитя... Не губи наше дитя. Ведь ты – отец.

Шер Шамс ад-Дин. Как это? Как это? Постой, погоди!! Померкло всё в глазах моих! Мой сын – шпион?! Подлец я после слов твоих! Мой сын – шпион?! Готов был на кусочки разрубить, кровь алую безжалостно пролить, камнями до смерти забить, как пса, веревкой удавить – кого? Родную плоть и кровь свою... Или – шпиона, тварь дражащую и подлую?! Короче – сына своего, который стал шпионом! Ах, Брюхатая! Ах, Брюхатая! Не стоило тебе сообщать мне эту весть! Ах, Брюхатая! Ах, Брюхатая! Не стоило тебе мою поганить честь! О, всемогущий Тенгри! Просвети и направь на путь праведный! Встань-ка ты, Брюхатая, не сиди, Брюхатая, не терзай меня, уходи Брюхатая! Иди домой, слышишь?! Здесь не маячь. Да, уходи ты, жестокая, дай мне одуматься, собраться с мыслями...

Брюхатая. Не губи его, не губи того, чья плоть от плоти, кровь от крови твоей. Слышишь, мой Шер? Смилуйся. Не губи дитя. Не губи (*уходит*).

Шер Шамс ад-Дин. Теперь понятно. Понятно, почему он так странно смотрел на меня, когда я ему руки выкручивал... Словно... словно снег белый выпал среди лета и покрыл лицо его... Как печален был взгляд его чудных глаз (*в яму*) Сын мой! Дитя моё! (*прислушивается*) опять молчит... О, всемогущий Тенгри! Что мне теперь делать, как быть?! Как жить вообще и в частности?! Подскажи! Ты подскажи! Ну, подскажи, в конце-концов...

В ответ с небес гремит гром льётся дождь.

Шер Шамс ад-Дин ложится на отверстие ямы и плачет...

Эпизод №6

Брюхатая у себя дома. Сидит, закутавшись в лоскутное одеяло.

Брюхатая. Ты слышишь меня? Неважно, ты сам сказал: лишь мать ребёнка знает – кто зачал его (*пауза*) Остался Бекил, остался Аррус, Устала я, боюсь на Арруса сил не хватит. Как быть?

Из ниоткуда появляется Деде Гор Гут.

Деде. Делай своё дело.

Брюхатая. Явился? Сколько времени у меня осталось?

Деде. Время потихоньку-полегоньку растягивается. Сейчас твоё время, но – не медли, не упusti момента. Вставай. Надо поспеть к Бекилу.

Брюхатая. Но как, хозяин? Каким образом поспею? Ведь Бекил чуть ли не на том конце земли – погра-

ничье с Гурджистаном охраняет с кланом своим. Как попасть мне туда? Не птица я, чтоб взять, да полететь...

Деде. Не трать время попусту... Оглянись – ты уже у дома Бекила.

Брюхатая. Ну ты даё... ё... ёшь! *(Оглядывается – позади её жилище Бекила)* И впрямь – ты великий шаман. *(становится на колени)* Воды твои светлые-престветлы – да не высохнут... Горы твои...

Деде. Не дури! Вызови Бекила. Скажи ему, что надо. Ну!

Брюхатая. Слушаюсь, Деде, слушаюсь! *(подбирает с земли камень стучит в ворота)* Отзовись, герой досто-славный Бекил! Дома ли ты, мой Бекил, отзовись! Пришла к тебе, назад не возвращай! Слово есть до тебя! Выходи к воротам! *(ворота приоткрываются, в проёме силуэт Бекила)* Ты ли это, Бекил? *(оцупывает, узнаёт)* Он самый. Ведомо ль тебе, о мой Бекил, о том, что стряслось со мною? Взъярился хан Газзан, да приказал схватить единственного сына и бросить в яму. Жизни лишить собираются злыдни сыночка несчастного, слышишь Бекил?! Он не шпион, Бекил, поверь мне на слово. Он, горемыка, сирота да при живом отце, Бекил! Слышишь меня, Бекил? Помнишь меня, Бекил?! Стояла у ручья моя лачуга, помнишь? Лужок с зелёною травою... Барагчуга... помнишь? Те ночи лунные... те ночи жаркие – ужели ты забыл?! Ведь это я – твоя желанная! С тех самых пор хранила тайну, никто не знал, что понесла я от тебя. Теперь же знай, Бекил: мой сын не сирота, ведь ты отец его!

Силуэт Бекила с грохотом падает навзничь. Брюхатая переворачивает его, хлопает по щекам.

Брюхатая. Что с тобой, Бекил? Очнись! Гляди ты, вырубился... *(трясёт его)* Очнись, герой!!! *(Бекил стонет)*

Очнулся. *(громко втолковывает)* Ты всё понял, Бекил? Не дай погубить сына. Ступай к Газзану, не послушает – иди прямо к Байандур Хану... Моли, заклинай, убеждай, пусть пощадит сына, ведь не безотцовщина он безродный! Он – сын героя, защитника земли родной Бекила! Не позволяй им извести ребёнка, одна надежда на тебя, Бекил! Ведь ты не позволишь, не позволишь, ведь правда?! *(Бекил стонет)* Вот и славно... *(прижимает его к себе, ласкает, как ребёнка)*

Деде. *(появляясь ниоткуда)* Да оставь же ты его... Иди сюда! *(Брюхатая бросает Бекила и подбегает к Деде. Тот делает пассы)* Видишь, женщина, это дом Арруса Могутного

Брюхатая. Мы в земле Тамошних Огузов?! Не может быть? Ой, прости, прости глупую. Никак не привыкну к твоим чудесам.

Деде. Иди же! Делай свое дело. Ну!

Брюхатая подходит к дому Арруса. Деде исчезает.

Брюхатая. Аррус великодушный, как бранный конь могучий! Услышишь мой глас, услышь стенания матери и без ответа не оставь. На одного тебя, я уповаю, утешь меня в печали и горести моей! К стопам твоим я припадаю, не оттолкни меня, Аррус! К тебе взывает та, кого так страстно ты любил! Несчастливая старуха – вот кто нынче я! В былые времена, лаская, красавицей своею называл, кусал, щипал, душил в объятиях и снова ненасытно целовал, ты помнишь, не забыл? Ведомо ль тебе, о мой Аррус, о том, что стряслось со мною? Не знаю, за что так взъярился Газзан безрассудный, но вдруг приказал и схватили, скрутили и бросили в яму сыночка, назвали шпионом. Когда б ты знал всю подоплёку, погромче моего завыл бы. Не знаешь? Так слушай. Племянник твой Газзан задумал извести тебя: не пригласив на сабантуй хотел он уязвить твой дух. Теперь решил он в сердце поразить тебя. И знаешь как? Так знай:

ведь тот, кого Газзан назвал шпионом подлым и на смерть обрѣк – твой сын родной, зачатый нами под крышей дома моего. *(из дома, покачиваясь, появляется Аррус. Брюхатая бросается к нему)*

Аррус Могутный, ты ли это? *(ощупывает, узнаёт)* Он самый. *(прижимается к нему)* Ты не бойся, все эти годы я свято хранила нашу тайну. Ты уж прости, что и от тебя скрыла... Эх, не уберегла я сыночка нашего, не защитила от козней завистников. Так что, ты уж постарайся. И не верь злым языкам: мой сын... твой сын не шпион. Не дай погубить его. Ты же не позволишь какому-то там Газзану восторжествовать над тобой, ведь верно?! Ты такой сильный. Ты такой умный. Ты такой... *(появляется Деде Гор Гут, отрывает Брюхатую от Арруса, волочит за собой. В всполохах зарницы покачиваются и постепенно тают силуэты Бекила и Арруса.)*

Деде и Брюхатая в лачуге: Брюхатая без чувств лежит на полу, Деде хлопчет над ней).

Деде. Женщина... Женщина... Ты жива?! Отзовись. Да что это с ней?! Как бы не окочурилась...

Брюхатая *(слабым голосом)*. Где я?

Деде. Ты у себя дома...

Брюхатая. Я заболела? *(оглядывается)* Значит, я бредила...

Деде. Нет. Не в бреду это было. Ты побывала на границе с Гурджистаном, посетила кое-кого из Тамошних Огузов. Есть надежда...

Брюхатая. *(вскакивает)* Миленький мой Деде, родненький мой Деде! Повтори – что ты сказал?!

Деде. Никто не посягнет на твоего сына. Соберутся, устроят толковище, но о смертном приговоре никто не заикнется...

Брюхатая. Неужели... неужели получилось? Неужели все будет так, как ты сказал?

Деде. Не веришь – сама посмотри. Будет так...

Делает пассы, в мерцании неземного света являются герои, собравшиеся на Совет.

Газзан. ...Видите ли, в чём дело, достопочтенные... Тот, кого мы называем шпионом, в некотором роде, очень... очень молодой человек. А нам нужны молодые люди. Молодежь – наше будущее, если вы понимаете, о чём я...

Деде. ...Ты сделала своё дело, женщина. Погляди, что сейчас будет...

Аррус. Минуточку. Хотелось бы узнать, кто конкретно объявил его шпионом...

Шер Шамс ад-Дин. Если конкретно, то первым начал Бей Рек. Нам, конечно же, следовало принять во внимание тот факт, что уважаемый Бей Рек после шестнадцатилетнего заключения... прошу прощения... заточения в крепости Байбурд, мог, в определенном смысле, ... Ну, да ясно, чего уж тут...

Аррус. Вот именно. Стоило пробыть шестнадцать лет в плену, вернуться живым-здоровым, чтобы требовать наказания для кого-то другого. Ничего себе праведник!..

Бекил. Нет, оно конечно, Бей Рек славный воин и даже, я бы сказал, герой. Но и он должен, я бы даже сказал, обязан доказать обвинение. Мы не можем принимать необдуманные решения. Народ нас не поймёт, а впоследствии и не простит.

Аррус. Бей Рек герой? А в чём же его героизм, хотел бы я знать? Уже не в том ли, что он благополучно отсидел шестнадцать лет во вражеском подземельи? Может быть кто-то и видит героизм в весьма сомнительном поведении Бей Река в плену, но это не может служить достаточным аргументом... *(взрывается)* Где был Бей Рек в тот страшный час, когда Одноглазый Циклоп угрожал нашему

существованию? Известно где — в объятиях байбурдской шлюхи! Где сейчас были бы все мы, если бы мой сын Басат не сразил чудище?!

Газзан. Выбирай выражения, дядя! И вообще, речь сейчас не о всяких там Бей Реках, Басатах и шлюхах, прошу прощения. Мы тоже кое-что знаем, если вы, конечно, понимаете о чём я... Все уши прожужжали нам этим Циклопом, честное слово! Сейчас речь идет об этом... об этом молодом человеке, который томится в яме, ожидая решения своей судьбы. А ты, дядя, заладил «Циклоп... Циклоп» Так. Ладно. Прошу высказываться по существу и без сквернословия.

Аррус. Вина не доказана.

Бекил. Вина не доказана.

Шер Шамс ад-Дин. Не доказана.

Газзан. Все высказались. Так. Хорошо. Чтож, хотя я волею народа, с благоволения Хана Всех Огузов Байандур Хана и с благословения Отца Народа Деде Гор Гута и поставлен над вами, мне не остаётся ничего другого, как присоединиться к общему мнению, высказанному вами же. Я ясно выразился?!

Деде Гор Гут делает пассы, фигуры героев растворяются в таинственном мерцании.

Деде. Удостоверилась, женщина? Всемогущий Тенгри сжалился над твоим единственным сыном...

Брюхатая. Слава, слава всемилостивейшему Тенгри!! Слава тебе, предвечный!! Низкий поклон тебе, Деде!

Деде. Ладно, чего уж там...

Брюхатая возбуждённо ходит, вдруг останавливается.

Брюхатая. Скажи, Деде, и что теперь?

Деде. О чем ты?

Брюхатая. Да всё о том... Так и будет мой сын безвинно до самой смерти гнить в яме?

Деде. Что ты мелешь? Твой сын шпион! Слышишь?!

Брюхатая. Слышу, не глухая... *(после паузы)* Вот что, Деде... Раз уж начал дело, не бросай на половине — доведи до конца. В противном случае... всякое может случиться...

Деде *(внимательно вглядывается в Брюхатую).* Ишь ты... Не беспокойся, женщина: милосердию Огузов нет предела. Смотри... *(делает пассы)* И успокойся...

В мерцании лунного света становятся видны Газзан и Шер Шамс ад-Дин, стоящие у ямы для преступников.

Газзан. Шер Шамс ад-Дин... Впереди длинная ночь... ты, бедняга, небось намаялся за день. Шёл бы ты домой. Отдохни, отоспись...

Шер Шамс ад-Дин. Да не в жизнь, хозяин! Разве можно?! За этим... арестантом глаз да глаз нужен. Нет, хозяин, это тебе необходимо отдохнуть, а я человек, в определенном смысле, привычный.

Газзан *(про себя).* Упрямый осёл *(громко)* Погода какая-то странная, сон прогоняет.. *(пауза)* Так. Ладно. *(деланно зевает)* Пойду, попробую заснуть. *(уходит. Тотчас же появляется Аррус)*

Аррус. Шер Шамс ад-Дин, как живёшь-можешь?

Шер Шамс ад-Дин. Благодарствую. Живём потихоньку. *(пауза)* А скажи-ка, достопочтимый Аррус, почему ты вернулся с пол-дороги?!

Аррус. Да сердце что-то прихватило. И, вообще, как говорится: утро вечера мудренее. Не так ли?

Шер Шамс ад-Дин. Так-то оно так, но, прошу прощения, ведёшь ты себя как-то не так...

Аррус. Не понял...

Шер Шамс ад-Дин. В том смысле, что усталый ты какой-то. Иди отдохни.

Аррус. Да и сам ты выглядишь не лучше *(пауза)* Всё равно не уснуть мне... всю ночь буду бродить... вокруг да около... *(пауза)* Ты... не задерживайся здесь. Иди, поспи немного.

Шер Шамс ад-Дин. Нет, нет. Никак нельзя. Как я могу оставить без присмотра узника?! По долгу службы я должен оставаться здесь. Ты... не задерживайся. Иди, поспи немного.

Аррус. Что, так и будешь торчать здесь всю ночь? Пожалей себя – иди домой. Хотел бы я знать, что может случиться с твоим подопечным? Улетит, что ли?

Шер Шамс ад-Дин. Всякое может случиться по нынешним временам. Останусь на всякий случай. А тебе лучше уйти, достославный Аррус...

Аррус. Хорошо. Я уйду, почему бы мне не уйти. Уйду. *(уходит, тотчас же появляется Бекил)*

Бекил. Кто бы это мог быть? Кому не спится в ночь глухую? Это ты, Шер Шамс ад-Дин?

Шер Шамс ад-Дин. Я. Кому же ещё быть? А в чём дело?

Бекил. Да ни в чём... Просто интересуюсь, что ты тут делаешь? Оно, конечно, не моё дело, но у тебя что – дома своего нет, что ли?

Шер Шамс ад-Дин. Почему это нет? Есть. Всё, что надо, спасибо хозяину, у меня есть. Ответь мне пожалуйста: с какой стати ты вернулся с пол-дороги?

Бекил. Как бы тебе сказать... Не знаю... Наверное, не захотел ночью трогаться в путь. Заключённый на месте?

Шер Шамс ад-Дин. На месте, на месте, куда он денется? Ты, вот что, найди себе место... где-нибудь и отдохни перед дальней дорогой. Как сказал Деде Гор Гут: путь путником преодолён бывает.

Бекил. Отлично сказано... А вот ещё: когда нет путников на видимом пути, как нам узнать: тот путь ведёт или уводит? Нравится?

Шер Шамс ад-Дин. Разве могут не нравиться речения Деде Гор Гута? Скажешь тоже...

Бекил. Это не его... Это наш местный сложил. А вот ещё...

Шер Шамс ад-Дин. Послушай, Бекил, поздно уже...

Бекил. И правда – поздновато... Вот уж верно говорят: у ночного гостя совесть спит, наглость бодрствует... Коли так, ты, давай, иди домой, а я вместо тебя покараулю...

Шер Шамс ад-Дин. Да ты что? Разве так можно? Что скажет Газзан хан? Давече он крепко-накрепко наказал мне никуда не отлучаться отсюда. Да и он сам где-то тут... поблизости бодрствует... Неровен час нагрянет. Лучше всего, походи поищи себе место для ночлега. Иди, иди. Не задерживайся. Иди. Я останусь здесь.

Бекил. Чтож, всего хорошего. Я пошел. *(уходит)*.

Шер Шамс ад-Дин *(в яму)*. Сынок... Сынок... Молчит... Сынок, не бойся, я с тобой... *(замечает в отдалении силуэты Газзана, Арруса и Бекила, которые с разных сторон крадутся к яме)* Слышь, сынок, кто-то подбирается к нам... Кто бы это мог быть? Наверное, твои подельники решили убить тебя, в том смысле, чтобы ты не выдал их... Не выйди! *(хватает с земли оглоблю, размахивает ею)* Пошли прочь, псы, поганые! Ату их, ату! Эге-ге-ге-гей! Всех порешу! *(тени исчезают)* Вот так-то лучше!.. *(вбегает запыхавшийся Газзан)*.

Газзан. Что за шум, Шер Шамс ад-Дин?! Кто это был?!

Шер Шамс ад-Дин. Не разобрал, хозяин. Но точно знаю: трусы они паршивые, псы шелудивые, шакалы вонючие...

Газзан. Понял, понял, уймись. Заключённый на месте? *(склоняется над ямой)* Молчит, ни звука...

Шер Шамс ад-Дин. Замолчишь тут... Каково ему, бедняге, быть сиротой при живом-то отце...

Газзан. Что ты сказал? Как это – «сирота при живом отце»? Ты на что намекаешь? Попридержи язык, Шер Шамс ад-Дин!!! Дойдут твои... бредни до ушей Бурла Хатун, такое устроит, мало не покажется... Ты понял, о чём я?

Шер Шамс ад-Дин. Не волнуйся, хозяин, это моя проблема. Будь уверен – я не подведу. Иди спать.

Газзан. Уснешь тут...

Уходит. Шер Шамс ад-Дин, застывает, опершись на оглоблю.

Деде. Такие вот дела, женщина *(делает пассы, фигура Шер Шамс ад-Дина растворяется в темноте)* Осталось сделать последний шаг. Не оступись, женщина!...

Брюхатая. Не оступлюсь, Деде! Два у меня защитника: в небесах всемогущий Тенгри, на Земле ты мудрейший Гор Гут! На вас уповаю! Верую!!

Деде. Твоими устами, да мёд пить... Так вот, слушай: Встанешь с утра пораньше, предстанешь перед Газзаном и вот что скажешь ему. Скажешь, что...

Вой шакалов, уханье совы, лай собак, заглушает голос Деде Гор Гута.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«... а счастье лучше!»

Эпизод №7

Внутренние покои жилища Газзана.

Появляется Бурла Хатун, крадучись, оглядывается.

Бурла Хатун *(шепотом)* Иди сюда. Осторожно, не шуми. Неровен час увидят. Да проходи ты.

Появляется Бей Рек

Бей Рек *(шепотом)*. Со всем почтением моим, благая мать, Бурла Хатун. Иду, иду. *(становится на колени, воздевает левую руку)* О, венценосная Бурла Хатун! О, дочь великого отца и благоверная великого супруга! Горы твои, грозные-высокие...

Бурла Хатун. Потом, потом... Не время сейчас. Молчи. Нет. Отвечай. Сначала выслушай, потом отвечай. Ты за кого? За меня ... или ...?

Бей Рек. ...или?!

Бурла Хатун. ... или за Газзана?

Бей Рек. Что слышу я, Бурла Хатун? Ушам своим не верю! О, пощади, да буду жертвою твоей. Мне ли решать такое? Я всего лишь...

Бурла Хатун. Отвечай, Бей Рек! Прямо отвечай, не играй словами, для этого нет времени. Наступил момент истины. Я хочу знать...

Бей Рек. Я за Деде Гор Гута *(пауза)* За Байандур хана *(пауза)* За тебя я, госпожа, за тебя. Я человек маленький. За тебя.

Бурла Хатун. За меня?!

Бей Рек. Так, именно так!

Бурла Хатун. Вот это другое дело. Так лучше. Ты мужественный человек, Бей Рек. Это хорошо, что ты за меня...

Бей Рек. За кого же мне ещё быть, как не за тебя? Не сомневайся.

Бурла Хатун. В таком случае – слушай, Бей Рек. Наши что-то затевают, а что – никак не пойму. Всё держат в тайне. Идет какая-то... большая игра, а хороводит Газзан. Ох, уж мне этот Газзан! Ну, ничего, ничего, ничего. Я знаю, что мне делать (*замолкает, прислушивается*) Слышишь, кто-то идет?

Бей Рек. Почудилось. Никого нет. Не напрягайся, госпожа...

Бурла Хатун (*переводя дух*). А я и не напрягаюсь, с чего ты взял? (*пауза*)

Бей Рек. Итак... Идёт какая-то игра, я правильно понял?

Бурла Хатун. Так, именно так. Я – вне игры. Ну и пусть! Я знаю, как я поступлю. Я воспользуюсь своим правом наследницы Байандур Хана – я потребую созвать Великий Курултай и обвиню их всех в измене!

Бей Рек (*падает на колени, бьется лбом о землю*). Ужас... Какие страшные дела... Я за тебя! Я за тебя! За тебя! За! За! За! (*внезапно затихает*).

Бурла Хатун. Интересы государства выше семейного счастья (*прислушивается*) Шаги? Нет, опять послышалось... Я спутаю им все карты. Распустились больно. Так и снуют туда-сюда ... туда-сюда Деде Гор Гут уходит – Брюхатая является, Брюхатая отвалила – Аррус припёрся... А этот дядя ... известное дело ... темная личность.

Бей Рек. Так, именно так, госпожа. Аррус однозначно враг всех Огузов, будь уверена. А этот недоумок, я имею в виду сына его, Басата ... Большое дело, победил в единоборстве Циклопа! Что теперь? На руках тебя носить, что ли? Не верю я ему, госпожа, ох, не верю. Недаром говорится: яблоко от яблони... Никого не признает, кроме отца своего Арруса!

Бурла Хатун. Ничего, время придёт – и за себя ответит, и за отца своего!

Бей Рек. Ответит перед лицом Всех Огузов!

Бурла Хатун. Это дело будущего ... А сейчас нам должен быть известен каждый их шаг! Тебе я поручаю проследить за ними – мы должны в точности знать, что они затевают. Подумай сам: искали шпиона – нашли шпиона – и, на тебе, притаились – ничего не происходит. И концы с концами не сходятся, слишком пёстрая компания: Газзан, Брюхатая, Аррус, Бекил, Деде Гор Гут. Что же их объединяет? Надо разнюхать, Бей Рек!

Бей Рек. Извини, госпожа, если невзначай обижу, но ... Ты говоришь «проследить»... «разнюхать»... Иными словами – шпионить, так выходит? Пристало ли войну заниматься таким неблагоприятным делом. Может быть...

Бурла Хатун. Проследишь!

Бей Рек. А не лучше ли...

Бурла Хатун. Разнюхаешь!

Бей Рек. Если я, правильно понял, госпожа поручает мне, недостойному слуге своему, организовать наблюдение за действиями противника, так сказать, вести разведку?!

Бурла Хатун. Называй как хочешь. Я тебе не Деде Гор Гут, чтобы думать о благозвучии слов необычайных. Дело делать надо, а не болтать!

Бей Рек. Так, именно так, венценосная госпожа моя!

Бурла Хатун. Факты таковы. Брюхатая чахла на глазах. А теперь вижу, ожила проститутка старая. На что надеется? На кого опирается? Далее. Арруса на сабантуй не приглашают, смертельную обиду наносят, а на Совет по делу шпиона прибегает, как миленький. Бекил, этот отшельник, годами не можем вызвать его сюда, является по первому зову. Неспроста всё это, неспроста. Как ты думаешь?

Бей Рек. О, венценосная повелительница! Как глубоко ты мыслишь, куда мне до тебя. Я абсолютно согласен с тобой. Приказывай, что мне делать?

Бурла Хатун. Тише, не шуми... Стань тенью Брюхатой.

Бей Рек. Стану!

Бурла Хатун. Стань тенью Деде Гор Гута.

Бей Рек. Стану.

Бурла Хатун. Стань тенью Арруса...

Бей Рек. ... и Басата?

Бурла Хатун. Пока только Арруса.

Бей Рек. Стану.

Бурла Хатун. Узнай: почему? Для чего жив до сих пор этот поганый шпион?

Бей Рек. Непременно узнаю, госпожа моя.

Бурла Хатун. Ступай, мой верный друг Бей Рек! Пусть удача сопутствует тебе. *(целует его в лоб)*

Бей Рек. Как ты прекрасна, госпожа! *(обнимает её)* Когда б не знал, кто предо мной, подумал бы, богиня, что с небес спустилась, чтоб искусить меня! Какая красота, какая сила страсти! Никто не устоит перед тобой *(пытается завалить Бурла Хатун)* Желанная, желанная моя...

Бурла Хатун *(очнувшись, вырывается)*. Что такое? Что ты позволяешь себе, Бей Рек?! Как можно?!

Бей Рек *(падает на колени)*. Прости, венценосная, прости верного раба твоего! Бес попутал!!!

Бурла Хатун. Тише ты, услышат. Встань скорее...

Бей Рек. Не встану, пока не получу прощения!

Бурла Хатун *(торопливо)*. Прощаю. Встань. Не медли, уходи.

Бей Рек *(встает)*. Я уйду, чтоб в точности и без промедленья выполнить приказ *(откланивается)*.

Бурла Хатун. Стой. погоди. Ты давече сказал, что я всё еще... желанная. Ты не соврал?

Бей Рек *(бросается к ней)*. Отсохни мой язык, коли...

Бурла Хатун. Хорошо, хорошо. Иди, иди, иди. *(Бей Рек поклонившись уходит)* О, небо! Что со мной? Скажи, ответь мне, что со мной, Тенгри? Ответь, пожалуйста... *(прислушивается)* Кто-то идет... *(убегает на цыпочках)*

Эпизод №8

Утро, Газзан в полудрёме лежит на подушках. Ворочается, тяжело вздыхает, иногда сквозь сон зло бормочет: «Ох, уж этот Шер Шамс ад-Дин»... «Проклятый Шер Шамс ад-Дин...» и тому подобное. Крадучись появляется Бурла Хатун, прислушивается к бормотанию мужа. Затем берет его за указательный палец.

Бурла Хатун *(ласково)*. Так, что же натворил Шер Шамс ад-Дин?

Газзан. Тупой служака... *(стонет)*

Бурла Хатун *(ласково, но слегка раздраженно)*. Говори, что натворил Шер Шамс ад-Дин?!

Газзан (*вскакивает*). Ничего! Все в порядке. Сон дурной приснился. А он которую ночь спать не ложится. Надо бы заставить его в сегодняшнюю ночь пойти домой.

Бурла Хатун. Как это домой? А службу кто нести будет? Оставить нас без присмотра не очень мудро. А тут еще этот шпион... прошлая ночь была беспокойной. Ты сам несколько раз выбегал наружу. Шум какой-то был...

Газзан. Да, нет, вроде ничего такого не было. Я воздухом подышать выходил.

Бурла Хатун. Воздухом, значит? Понятно. И Аррус?

Газзан. Что Аррус?

Бурла Хатун. Аррус тоже воздухом подышать к нам приезжал? Или похвастаться новыми подвигами сына своего?

Газзан. А у тебя только один Аррус на уме! Свет на нем клином сошелся! Совет я собирал. По поводу этого ... молодого человека, шпиона то есть. На Совете присутствовали Аррус, Бекил, Шер Шамс ад-Дин... (*пауза*)

Бурла Хатун. Кто ещё?

Газзан. Больше никого.

Бурла Хатун. Станный, однако, Совет... И меня не оповестил Что решили-то?!

Газзан. Ты не поверишь, Хатун. Все в один голос заявили, что вина молодого человека, шпиона то есть, недоказана. Я, прямо-таки, обалдел.

Бурла Хатун. Недоказана? Какие им еще доказательства нужны? А как быть с показаниями Бей Река? А куда улетучились откровения Деде Гор Гута?

Газзан. Вот и я им об этом заявил. Что толку – остался в меньшинстве. Недоказана вина и всё тут.

Бурла Хатун. Выходит, и на сей раз обвёл тебя Аррус вокруг мизинца...

Газзан. Мизинца? Почему мизинца?!

Бурла Хатун. Ну, пусть будет вокруг большого пальца!

Газзан. Знаешь что, Хатун? Ты глупости-то не болтай. Совет – дело серьезное, не мальчишки какие-то там собрались на него, а лучшие люди Огузов! Их слово тверже стали, решения гранит! Грядущее...

Бурла Хатун. Это оставь для других. Чем хуже слово Бей Река? Тем не менее на Совет его не позвали... Нет, меня ты не заболтаешь – тут что-то не так. Ты сам сказал, что правду тебе открыл сам Деде Гор Гут. Шпион должен быть наказан. И всё тут!

Газзан. Что я могу поделать?

Бурла Хатун. Должен быть наказан. В противном случае...

Газзан. В противном случае... что?

Бурла Хатун. Пойду к папе!

Газзан. Опять за своё!..

Бурла Хатун. Не веришь? Поверишь! Припаду к стопам его, склоню головушку, скажу: Аррус Могутный оборзел – шпионов покрывает! Скажу: с врагами всех Огузов связан дядя мужа моего!

Газзан. Свет очей моих, душа моя! При чём тут шпион, какие-такие связи! Что с тобой? Под каждым кустом тебе враг мерещится. Хватит, родная, уймись. Дай пожить спокойно.

Бурла Хатун. Нет, муженёк, не мерещится мне. Вижу, ясно вижу. Уж мне-то доподлинно известно, что может сотворить враг! А если ты забыл, позови Деде Гор Гута, пусть он тебе еще раз расскажет-споёт о том, как схватили меня, как пытали, как мясом сына накормить грозили. Те испытания бесследно не прошли, Газзан!

Газзан (*растроганно*). Успокойся, милая. Я всё понимаю.

Бурла Хатун. Всё, да не всё. Ты никак не уразумеешь, что Аррус ничем не лучше наших заклятых врагов.

Газзан. Так. Так. Так, так, так. И ещё раз так.

Бурла Хатун. Аррус враг! Враг! Нутром чую!

Газзан. За что мне жизнь такая! В чём грешен я, народ Огузский?!

Входит Шер Шамс ад-Дин.

Шер Шамс ад-Дин. Хозяин, пришла Брюхатая... Хатун. Хочет видеть тебя. Остальные тоже собрались, все тут. Если позволишь...

Газзан. Так. Ясно. Конечно же, все сговорились известить меня. Ясное дело. Ладно. Ну, что уставился? Зови. Брюхатую зови... Остальные пусть подождут. Нет, погоди. Брюхатая подождет. Остальные пусть войдут. Стой. (*к Бурла Хатун*) Жена моя возлюбленная, а не пойти ли тебе в свои покои? Негоже тебе совать нос не в свои дела, душа моя. (*орёт*) Не выводи меня из себя!!!

Бурла Хатун. Как бы не так. Тут все дела мои, муженёк. И не пугай меня, не старайся попусту, я пуганая! Шер Шамс ад-Дин, найди Бей Река, его тоже позови.

Газзан. Бей Река? Зачем он тебе?

Бурла Хатун. Пусть придет, мне есть о чём спросить у него.

Газзан. Супруга моя благоверная, иди займись своими делами. Доколе ты, душа моя, будешь испытывать мое терпение? (*Бурла Хатун поворачивается к нему спиной*) Так. Ладно. Зови и Бей Река.

Бурла Хатун. Ты слышал, Шер Шамс ад-Дин? Но сначала приведи эту Брюхатую. При мне будешь гово-

рить с ней, о мой хан. Хочу увидеть воочию, как обрушится на неё карающий меч правосудия.

Шер Шамс ад-Дин. Хозяин?

Газзан. Какой я тебе хозяин? Ты разве не видишь, кто здесь хозяин? Повинуйся!

(*Шер Шамс ад-Дин выходит*)

Бурла Хатун. Посмотрим, посмотрим...

Газзан. Может, всё-таки... (*Бурла Хатун поворачивается к нему спиной*) Так. Ладно. Хорошо.

Входит Брюхатая. Степенно ракланивается.

Брюхатая. Мой хан Газзан, к стопам твоим я припадаю. Бурла Хатун? И к твоим стопам... тоже припадаю. О милосердии молю.

Газзан. Видишь ли, женщина...

Бурла Хатун. Видишь ли, женщина, в твоём положении не пристало ходить с поднятой головой. Ты – мать предателя, вина его безмерна, наказание будет ужасным. Горе твоё столь же велико как грех твой. Об этом всё. Ты лучше признайся, что тебе сказал Аррус? Знаю, встречалась ты с ним.

Брюхатая. Ничего не сказал мне Аррус Могутный, клянусь Деде Гор Гутум. Мать моя, сестра моя, моя венценосная, высокородная Бурла Хатун! Мой сын... мой единственный сын невиновен. Не шпион он, не предатель он. Тихий он, безответный он, судьбою обижен, несчастный он. Отпусти его, Газзан, пусть идёт он, куда глаза глядят. Нет у него Родины, отпусти его на чужбину. Не для него веют с горных вершин прохладные ветры, не для него... Мой хан, Газзан, не губи сына... моего. Отпусти. Прошу.

Бурла Хатун. Как можно?! Твой сын совершил величайший грех! Что скажут воины? Что скажут вожди

племён, старейшины? Как на это посмотрит Байандур Хан? Как мы посмотрим в глаза Деде Гор Гуту? Ответствуй, Газзан.

Брюхатая. Ответствуй, Газзан...

Газзан. Значит, так...

Брюхатая. Газзан, ответствуй по совести!

Бурла Хатун. погоди, погоди! Что значит «по совести»? На что ты намекаешь, Брюхатая?! Разве может быть по иному? Или – ты что-то знаешь, Брюхатая?! Говори.

Газзан. Так. Ладно. Слушай, женщина, решение Совета: сын твой единогласно признан невиновным и будет освобождён. Дело закрыто. Вот так. Всё.

Бурла Хатун. Газзан?! Что я слышу?!

Газзан. Бурла Хатун! Ступай в свои покои. И ты иди с миром, женщина. Детали обговорим потом. После... Иди.

Брюхатая. Да пребудет над тобой милость всемогущего Тенгри! Счастья тебе и всех благ земных. Аминь. *(поклонившись, неторопливо уходит).*

Бурла Хатун. Газзан! Между вами снова что-то есть.

Газзан. Между мной и ею?! Иди к себе, госпожа ханша, успокойся. В мужские дела не вмешивайся. Шер Шамс ад-Дин!

Входит Шер Шамс ад-Дин.

Шер Шамс ад-Дин. Позвать остальных?..

Газзан. Нет, скажи им, что я... Что-нибудь скажи...

Бурла Хатун. Скажи, что хан Газзан ополоумел...

Газзан. *(взрывается)* Довольно, женщина! Вот ты где у меня!! Довольно! Пойми, наконец, я ведь тоже человек! Че-ло-век! Не железный я, не каменный! Что ты хочешь от меня?! Папой пугать будешь? Не боюсь – отбоялся! Иди куда хочешь, хоть к папе своему, хоть... понимаешь, о чём я? Так. Так, так, так!!! Вот что значит жениться на дочери вождя! Вот к чему это приводит! Всемогущий Тенгри! В чём я провинился пред тобою?! Почему ты оставил меня? Кому поведаю печаль мою, кого призову к состраданию? Деде! Вот кто поймёт меня! Где ты, Деде? Где? Явись!

Шер Шамс ад-Дин. Шкатулку принести?

Газзан. Какая шкатулка, болван? Разве дело в шкатулке? Один был белый волос, один! И мы использовали его! Где я найду белый волос?! А, а,а! Пропади всё пропадом! *(убегает)*

Бурла Хатун. Будь по-твоему, Газзан. Шер Шамс ад-Дин! За мной! *(уходят).*

Эпизод № 9

Лачуга. Брюхатая лежит в забытии. Деде, завернувшись в лоскутное одеяло, сидит на корточках и перебирает струны гопуза. Одна из струн лопаается. Деде пытается приладить ее.

Деде *(не отрываясь от работы).* Хватит прятаться. Выходи.

Из темного угла, обвешанный тряпьем, выходит Бей Рек. Неловкая пауза.

Бей Рек *(глухо).* Добрый вечер, Деде...*(Деде молчит)*
Горы твои грозные-высокие...*(с мольбой)* Деде!!

Деде. Ну, что? *(после паузы)* Кого выслеживал-то? Меня? Или ее?

Бей Рек. Деде... Я тут ни при чем... Нет на мне греха. Я человек маленький...

Деде. Не маленький, Бей Рек, не маленький. Уже повзрослел. О жизни твоей я песни сложил, ведь ты герой достославный... И смерть у тебя будет красивая, поучительная... И загадочная. Обещаю, потомки головы будут ломать над загадками судьбы Бей Река. И что теперь мне делать? Переписать твою судьбу заново?!

Бей Рек *(еле слышно)*. Воля твоя, Деде...

Деде. Если бы... *(показывает на Брюхатую)* Знаешь ее?!

Бей Рек. Знаю, кто же ее не знает?

Деде. Расскажи мне о ней.

Бей Рек. Что я могу о ней рассказать?

Деде. Расскажи что знаешь...

Бей Рек. Ну, живет она на отшибе, в лачуге... Раньше позади лачуги ее был лужок. Был у нее когда-то волкодав свирепый по кличке Барагчуг...

Деде. Еще что?

Бей Рек. Имя её позабыто...

Деде. Дальше.

Бей Рек. Осталось прозвище – «Брюхатая от сорока любовников блудница...» Помню, как на свадьбе моей дурачилась, пела и плясала, изображала в лицах и меня и невесту мою...

Деде. *(безжалостно)* А помнишь, кто помог тебе сбежать из крепости Байбурд?

Бей Рек. *(глухо)* Разве можно такое забыть?!

Деде. *(так же жестоко)* Что знаешь ты о ней, любовнице своей? Которой клялся ты вернуться?!

Бей Рек. Не знаю... ничего.

Деде. Хотел бы знать?!

Бей Рек. Пощади, не терзай меня.

Деде. Хотел бы знать?!

Бей Рек. Хотел... бы...

Деде. Так знай, герой достославный Бей Рек *(делает пассы над головой Брюхатой)* Знающий знание знает...

Под воздействием движений Деде Брюхатая заторможенно, как сомнамбула, поднимается с места и движется в сторону Бей Река. Деде делает экспрессивный пасс: Брюхатая меняется на глазах – левая рука скрючивается, правая нога прихрамывает, голова трясется.

Брюхатая *(другим голосом)*. Подайте, подайте убогой, во имя милосердия...

Деде. Женщина, кто ты? Отвечай.

Брюхатая. Я бедная... убогая живу на подаяние... Живу из милости сородичей... Подайте...

Деде. Как имя твое?

Брюхатая. Нет имени у мне подобных. Есть прозвище...

Бей Рек *(неожиданно для себя)*. Скажи нам!...

Брюхатая. Грязная Подстилка.

Деде. За что ты получила прозвище свое?

Брюхатая. Мой грех любовь. Я – дочь байбурдского паши Зейнаб. Я полюбила пленника, огуза. Шестнадцать долгих лет делили мы любовь... И на излете дней счастливых я сына родила, но скрыла тайну эту и от отца и от людей... Я помогла сбежать Бей Реку. Мечом своим он клялся, что вернется, землей сырою клялся не забыть... Предательство мое раскрылось быстро... Отец созвал Совет и было решено: ребенка пощадить и воспитать в другой семье... Меня же, по обычаю, лишили имени... Мне вы-

жгли чрево, чтоб не могла рожать...сломали руку, чтоб не могла взывать я к Небесам...Надрезали мне жилы под коленом, чтоб по походке люди узнавали и вслед кричали: Улюлю! Гляди идет Подстилка...Грязная Подстилка!! Огузова Шалава!!!

Бей Рек (*хрипло*). Что с сыном стало нашим?

Брюхатая. О, мой Бей Рек! Слыхала я, что вырос он прекрасным юношей, что воином он стал бесстрашным и не раз в боях с Огузами он славой покрывал себя.

Бей Рек. Имя...Имя назови...

Брюхатая. Не знаю...

Бей Рек. Какой он из себя?!

Брюхатая. Не знаю. С тех пор не видела ни разу...

Деде. А помнишь ли Бей Река?

Брюхатая. Помню, как помнят сон...

Бей Рек. Опомнись, я не сон...(кричит) Не сон я...Все это было наяву!!!

Словно от удара Брюхатая вздрагивает, ее начинают трясти, она падает на пол и дергается в конвульсиях. На губах выступает пена. Деде Гор Гут делает пассы, успокаивает Брюхатую. Поддержавшись немного женщина затихает. Деде утирает ее лицо, вытирает пену. Бей Река мутит...

Деде. Зря ты вмешался...Многое еще могли бы узнать...

Бей Рек (*тяжело дыша*). Что? Что еще сокрыто тайной?

Деде. Что? Ну, например, за что так люто ненавидит Арруса Бурла Хатун? Зачем приспичило ей сделать из тебя шпиона? И почему ты согласился?

Бей Рек. Ничего личного, Деде, ничего личного. Просто, надоело мне прозябать в неизвестности. И видеть, как Аррус проталкивает к власти сына своего Басата...

Деде (*сурово*). Не пристало человеку чести бесчестить жену своего вождя, Бей Рек...

Бей Рек (*в ужасе*). И это знаешь? (*бухается на колени*) Забыл, забыл я, глупый честолюбец, перед кем стою, с кем говорю и с кем имею дело! Все ведомо тебе! Что было, есть, что будет!!! Прости, Отец, молю тебя, как блудный сын...

Брюхатая (*в забытии*) ...Лишь мать ребенка знает – кто зачал его...

Бей Рек. Мне страшно, Деде...

Деде. Хочешь, поговори с ней.

Бей Рек. Нет, нет...Не хочу...(жалостливо) Я домой хочу, Деде...

Деде (*с горькой улыбкой*). Разве я держу тебя, герой? Ступай себе...

Бей Рек (*помявшись*). Могу ли я, недостойный, попросить о чем-то тебя, великий Гор Гут?

Деде (*равнодушно*). Проси.

Бей Рек. Деде...Я знаю, все в твоих руках...Нельзя ли...

Деде (*так же*). Можно. Иди и не беспокойся – никто ничего не узнает. Разве можно об этом слагать предания? Иди, я буду нем.

Бей Рек. Понял. Я все понял. Клянусь, Деде, никогда больше не буду иметь дел с сильными мира сего. Буду жить тихо и спокойно...

Деде. Не зарекайся. Уходи.

Бей Рек. Ухожу, Деде, ухожу. На совсем ухожу. Прощай! (*исчезает*)

Деде. Недолго, однако, жить тебе осталось. Но умрешь достойно. Обещаю (*Брюхатая стонет*) Спокойно, спокойно, горемычная. Никого, кроме нас с тобой здесь нет. Одни мы с тобой остались. Одни-одинешеньки. Одни, одни, одни, одни...

Брюхатая затихает, Деде берется за гонуз...

Эпизод № 10

У ямы для преступников появляется Газзан.

Газзан (*в яму*). Сынок...сынок. Отзовись, никого, кроме нас с тобой здесь нет. Сейчас я выпущу тебя, сынок, потерпи.

Словно из под земли вырастает Шер Шамс ад-Дин.

Шер Шамс ад-Дин. Хозяин, это опять ты? Что-то потерял или... Я имею в виду: нет ли каких приказаний?

Газзан. Да, вроде, нет...Устал я, что-то. А ты...Шер Шамс ад-Дин, как трехжильный, усталости не знаешь. Это хорошо. Так, так, так, еще раз так. Подышу-ка я воздухом. (*вдыхает полной грудью*). Ах, этот сладостный запах полыни!...Какой прекрасный вечер!...

Шер Шамс ад-Дин. Так точно, хозяин, прекрасный. Полнолуние, как-никак...

Газзан. Да-а-а...Ну, как дела? Что слышно?

Шер Шамс ад-Дин. Нормально. Ничего нового. Хотя, если позволишь, хозяин, беспокоит меня...

Газзан. Что?! Что беспокоит тебя?! Говори, не тяни!

Шер Шамс ад-Дин. Да, ни чего страшного... Просто, мне кажется, что над этой ямой тучи сгущаются...

Газзан. Ты о чем? В каком смысле?

Шер Шамс ад-Дин. Все думаю о событиях вчерашней ночи. Кажется мне, кто-то хочет убрать этого... несчастного. Может, думаю, бывшие хозяева его, а? Чтобы не сболтнул лишнего?

Газзан. Ты думаешь? Так. Ладно. В таком случае, его надо оберегать. Ты понимаешь, о чем я? Посягать на жизнь человека, чья вина не доказана... Это само по-себе преступление.

Шер Шамс ад-Дин. С другой стороны... И наши тоже ведут себя подозрительно.

Газзан. Конкретно.

Шер Шамс ад-Дин. Слушаюсь. Бей Рек зачастил к ... к ...

Газзан. К ... к... к кому?

Шер Шамс ад-Дин. Осмелюсь доложить... к венценосной...

Газзан. И что? Встречаются ... наедине?

Шер Шамс ад-Дин. Встречаются, хозяин. Сам видел.

Газзан. Что видел? Что слышал? Обо всем докладывай!

Шер Шамс ад-Дин. Да ты не беспокойся, повелитель, ничего такого... существенного... Как я понял, связывают его (*кивает на яму*) с Аррусом и Басатом.

Газзан. Аррус... Аррус... Аррус... Опять этот Аррус.

Шер Шамс ад-Дин. Сам не свой Аррус. А почему, не пойму... Особенно не понятен его интерес к нему (*кивает на яму*).

Газзан. Я тоже это почувствовал. Чем-то расстроен Аррус. А что Бекил?

Шер Шамс ад-Дин. Этот тоже расстроен. И тоже крутиться вокруг него (*кивает на яму*).

Газзан (*после паузы*). А где сейчас...

Шер Шамс ад-Дин. Уехал к себе. С концами.

Газзан. Так. Ладно (*спохватывается*). Ты о ком?

Шер Шамс ад-Дин. О нем, о Бей Реке...

Газзан. Ишь ты, какой пронцательный. Прямо второй Деде Гор Гут... Кстати, что слышно о нем?

Шер Шамс ад-Дин. О Гор Гуте? Ничего.

Газзан. Эх, был бы у нас еще один белый волос...

Из ниоткуда появляется Деде.

Деде. Нет необходимости, Газзан, я здесь. К тому же, всякий раз, когда кто-то сжигает волосок у меня из глаз искры сыпятся и затылок ломит.

Газзан. Это давление, Деде...

Деде (*усмехнувшись*). Может быть (*после паузы*). Что скажешь теперь? Не говорил ли я тебе, чтобы не поднимал шума вокруг шпиона? Не предупреждал ли, что пожалеешь о своей настойчивости?

Газзан. Уже жалею, Деде, да так, что жить не хочется, если ты понимаешь, о чем я? Прости, прости, я оговорился. Ты, конечно, все понимаешь, и все знаешь. Совет твой мудрый нужен, Деде. Отойди-ка в сторонку, Шер Шамс ад-Дин.

Шер Шамс ад-Дин. Хотя мне это и обидно, повинуюсь, хозяин...

Газзан. Как-то странно он себя ведет в последнее время. Что у него на уме?

Деде. Об этом хотел спросить, Газзан?!

Газзан. Нет, нет, это сопутствующее... Дело в том, Деде, что этот... молодой человек... ну, я имею в виду шпиона, хотя Совет признал его не виновным и, строго говоря, он уже как бы и не шпион, не смотря на... Короче, что с ним делать, Деде? Как поступить? У меня голова опухла, круги перед глазами...

Деде. Это давление, Газзан.

Газзан. Да еще какое, Деде! Со всех сторон давят на меня, а я не знаю... не вижу выхода. С одной стороны, вроде бы... Но с другой...

Деде. Не темни, Газзан.

Газзан. (*потупившись*) Ко мне приходила Брюхатая... У меня от тебя нет тайн, Деде...

Деде. И не было, Газзан. Не терзай себя – в словах сейчас нужды нет. Слушай меня. В полночь этот... молодой человек должен исчезнуть...

Газзан. В каком... смысле, Деде?!

Деде. В том смысле, Газзан, что ты выпустишь его, пусть идет куда глаза глядят. Матери же его строго-настрого накажи, чтобы не пыталась удержать сына. Вот тебе мой совет.

Газзан. А Бурла Хатун? Она убеждена, что все это дело рук Арруса. Грозится пожаловаться отцу, обвинить всех нас в измене. (*потупившись*) С Бей Рекем снюхалась... Если все это достигнет ушей Байандур Хана...

Деде. Делай, как я сказал. Не трусь. Байандур Хана предоставь мне.

Газзан. Уф, спасибо тебе, Деде, гора с плеч... Да, вот еще: тут у нас по ночам тени какие-то бродят. И все норовят к яме этой проклятой прорваться. Своими глазами видел. Ты знаешь, Деде, я не трусливого десятка, но эти тени...они... как бы понятней объяснить... они какие-то по-

тусторонние... Не злые духи ли, случаем, выются над головою ш... этого молодого человека?!

Деде. В полночь, Газзан, в полночь, если ты понимаешь о чем я?...

Газзан. Понимаю, Деде.

Деде. Выпустишь. Никого не будет рядом. Никто не увидит. Отпусти его на волю. Никому он здесь не нужен. А теней не пугайся... Это...это добрые духи, они охраняют парня.

Газзан. Честно говоря, и мне так показалось. *(после паузы)* Ты как всегда прав, Деде: ему *(кивает на яму)* лучше исчезнуть. *(со вздохом)* Кому он здесь нужен? Так. Ладно. Я пойду, Деде? Мне еще с ... венценосной разобраться надо...

Деде. Ступай. Помни – в полночь.

Газзан с поклоном уходит.

Деде. Полнолуние... Все совпадает...

Входит Аррус.

Аррус. Мир тебе, Деде! Славен ты, мощен ты, в твоей чудесной силе сомнений нет. Как живешь-можешь, Деде? Побереги себя, ведь ты – надежда наша и опора!

Деде. Здоров будь и спокоен, Аррус Могутный. Мои благословления Басату, сыну твоему. Опора наша и надежда Тенгри, да сохранит он вас. *(после недолгой паузы)* Сегодня это насущный вопрос...

Аррус. Намек твой понимаю, не ребенок... Ответь мне, просвети: в чем провинился я? И в чем вина всех Тамошних Огузов? Газзан бессовестно клеветает на меня, ты знаешь сам!

Деде. Тенгри не любит непокорных. Уйми гордыню, а дух свой буйный рассудком укроти, Аррус Могутный.

Аррус. В чем моя гордыня? Уж не в том ли, что не могу терпеть обиды, нанесенные Газзаном?!

Деде. Не чужой он тебе: племянник, сын сестры...

Аррус. Вот именно, племянник и значит – одного мы роду-племени. А он, законам крови вопреки, нам предпочел кровь рода Байандуров. Но мы, сыны могучей птицы, Салуры мы, как птицы мы, с могучими и цепкими когтями! *(устало)* Не уважает Газзан меня, не считается со мной... Жены своей боится, подкаблучник. По ее змеинному наущению на праздник не пригласил... При чем здесь гордыня, Деде?

Деде. Нельзя, чтоб стали вы врагами. Конец такой вражды ужасен.

Аррус. А что делать, Деде? Сам рассуди. Байандур стар...очень стар...Газзан метит на его место. Он уже сейчас невлюбил моего сына, ведь именно Басат, ты знаешь, спас народ, а не его сыночек – неженка, воспитанный под женской юбкой. Уже сейчас он всячески третирует меня, а что же будет, когда на трон взойдет? Предвидеть не трудно...

Деде. Предвидеть не трудно, сложнее предотвратить...

Аррус. А тут еще...такое дело...

Деде. О чем ты?

Аррус. Ох, ох, грехи наши тяжкие!

Деде. Да, не скажи... Грешили в молодости мы направо и налево...

Аррус. Как? Как ты сказал?

Деде. Грех молодости прыток; нас догоняет он на склоне лет...

Аррус *(потупившись)*. Ты знаешь обо всем...

Деде. Ну, обо всем, не обо всем, но кое-что известно.
Аррус. Взяли, бросили без суда и следствия в яму... Газзану было достаточно одного слова этого завистника Бей Река...

Деде *(устало)*. Уймись, Аррус. Тебе доподлинно известно, что все совсем не так, как ты сказал...

Аррус. Завидует Бей Рек! Сыну моему завидует...

Деде. Какому?

Аррус *(потупившись)* ...Басату.

Деде. А этому *(кивает на яму)* хотел бы ты помочь?

Аррус. Конечно! Мне жалко мать его... Прикажи, все что скажешь выполню тотчас же!!

Деде. Не спеши, Аррус. Не время. Приходи сюда в полночь. Я буду ждать тебя. А сейчас ступай к себе. Желание твое осуществится в полночь.

Аррус. Ухожу, Деде. Ты сказал – в полночь. Договорились?

Деде. В полночь... в полночь... Договорились.

Аррус с поклоном удаляется. Сразу же появляется Бекил.

Бекил. Отец мой, кровь моя Деде Гор Гут! Слава Тенгри, нашел я тебя! *(становится на колени)* Помогите! Помогите мне, великий Гор Гут!!!

Деде. Встань, Бекил. Я в курсе.

Бекил. Поверь мне и слову моему, Отец! Он *(кивает на яму)* невиновен!

Деде. Знаю, знаю, Бекил! Ступай к себе, не беспокойся. Иди, иди, но в полночь непременно возвращайся. Все будет по-твоему.

Бекил. Деде! Дай выговориться мне, душа моя скорбит и мысли, буйной чередой проносятся в мозгу. Я молод был...

Деде. Я тоже... Иди и не кручинься. В полночь все решится... Мы сыновей так просто не сдаем...

Бекил. Что? Что ты сказал? Я не ослышался, Деде? Повтори. Что ты сказал?!

Деде *(нетерпеливо)*. Что слышал.

Бекил. Известно все тебе!!!

Деде. Конечно же, известно. Ступай и в полночь приходи сюда. Я буду ждать.

Бекил с поклоном удаляется, но тут же возвращается.

Бекил. Деде, позволь, все-таки, мне выговориться, иначе лопнет моя голова!

Деде. *(обречённо)* Говори, Бекил. Только заклинаю, короче...

Бекил. Говорю, Деде! Я много думал: что б стало с нами, когда б Тенгри нам не послал б тебя? Подумать страшно? И что было бы с тобою, когда б Тенгри тебя послал бы не к Огузам, а... куда-нибудь подальше?! Что ты без нас? И кто мы без тебя?! Каким бы оказался этот мир, когда бы, предположим, не было бы нас и не было бы тебя?! *(пауза)*

Деде. Ну?

Бекил. Не знаю. Представить не могу. Все смешалось в голове, как будто во хмелю.

Деде. Иди, пропись. Но в полночь приходи. Что медлишь ты?

Бекил *(задумчиво)*. Что-то же я хотел сказать?... Что-то важное... Судьбоносное...

Деде. Ты все сказал. Я понял все. Ступай и в полночь приходи. Запомнишь? В полночь.

Бекил (*рассеяно*). Да...да... В полночь. Непременно. (*уходит в задумчивости*)

Деде (*в пустоту*). Шер Шамс ад-Дин! Ты здесь, я знаю! Слышал? В полночь приходи. Не делай удивленного лица... Я буду ждать.

Эпизод № 11

Деде. Та-а-ак, значит, так. Можно считать, что и с этим делом покончили. (*словно заучивает наизусть*) «Постепенно мрак окутал все вокруг. И только полная луна тревожно металась высоко в небе. Скоро полночь. Срок настает. Полночный срок». (*после паузы*) Бедовая моя, где ты, отзовись...

Голос Бурла Хатун. Не прячься, я узнала тебя, Брюхатая! Иди сюда!

Деде прячется в траве.

Голос Брюхатой. Я спешу, не задерживай меня, Бурла Хатун...

Появляются Бурла Хатун и Брюхатая.

Бурла Хатун. Не прячь глаза. Не прячь, говорю. Посмотри-ка на меня, Брюхатая!

Брюхатая (*падает в ноги Бурла Хатун*). Мать родная, Бурла Хатун! Сестра моя, Бурла Хатун. Когда б ты знала, что стряслось со мною!..

Бурла Хатун. Встань. Поднимись. (*Брюхатая поднимается, Бурла Хатун оглядывает ее со всех сторон*) Ты ли это, красотка? Во что ты превратилась, эк тебя разнесло! А ведь была тонюсенькой, соплей перешибешь... И что находили в тебе огузы, не пойму. Всем иностранным гостям представляли, многим в постель укладывали. Послушай, а может от того, что вырос в окруженьи чужаков, твой сын и стал шпионом? Испортили мальчонку...

Брюхатая. Пощади, Бурла Хатун, пощади. Молю. Завали свою память огромными камнями, не вспоминай те дни... Намучалась, терпела-натерпелась я, сыта по горло. Пожалей во имя Тенгри!

Бурла Хатун. А поворотись-ка к свету, Брюхатая...

Деде делает пассы, над головой Брюхатой возникает мерцающий нимб.

Бурла Хатун. Что...что это такое? О, Небо! Сердце остановится сейчас! На помощь!..

Брюхатая. Мне лучше уйти. Видать, я плохо на тебя действую.

Бурла Хатун. Нет, нет, не уходи (*нимб гаснет*). Проваливай, и чтоб ноги здесь твоей больше не было!

Брюхатая. Не надо так, высокородная Бурла Хатун...

Бурла Хатун. Ты еще учить меня будешь, девка? Чтобы духу твоего здесь не было! Ты ни сколички не изменилась – шлюхой была, шлюхой и осталось (*нимб возгорается снова*) Постой. Не уходи, останься... Заклинаю именем Тенгри – зла не держи. Верну тебе я сына в целостности...

Брюхатая. Да что это с тобой, Бурла? Ты сама не своя...

Бурла Хатун. Ты заморочила меня, ты ведьма, Брюхатая!!

Брюхатая. Ну, чисто тронулась умом. О чем ты говоришь?! При чем здесь я?

Бурла Хатун. Виденья смутные мелькнули пред глазами... Дни прошлые... И юные года... Чужбина вспомнилась... Привиделось, как я была в плену... и враг... Кыпчак Мелик припомнился... И молодой Газзан... И то, что тщетно позабыть пытаюсь!!! *(пошатнувшись, грузно оседает)* Помоги мне... Подойди ко мне... Дай руку... *(лишается чувств)*.

Брюхатая. Что это с ней? Вставай, очнись, Хатун! Деде... Деде, где ты? *(внезапно осеняет)*. Вот оно что, твоих рук дело! А мне что делать? Бросить и уйти? Жалко, бабу: тайну какую-то носит под сердцем. *(подхватывает ее подмышки, волоком волочит бесчувственную ханшу)* Хотела знать, как чаровала я огузов? Как зажигала кровь и страстью ослепляла? Как разума лишала и дарила наслаждение? И что с того имела я сама? И как сыночка родила? И от кого? Ты это хотела знать, глупая, спесивая гусыня? Ну так, подошла бы и без затей спросила б... *(Бурла Хатун стонет)* Очнулась что ли?

Бурла Хатун. *(с трудом)* Подними... подними меня с земли...

Брюхатая. Ну вот еще! За кого ты меня принимаешь? Нашла богатыря... Так доташу.

Бурла Хатун. Стерва...стерва ты... Тьфу, окаянная *(лишается чувств)*

Брюхатая. Так-то мне сподручней будет. Ну, раз два, взяли! *(тащит ханшу, исчезает во мраке)*.

Эпизод № 12

Между небом и землей колышется фигура Деде Гор Гута.

Гор Гут. И вцепится в руку материнскую и сделает свой первый шаг в небытие несчастный наш шпион. Шагнет в туман и растворится в просторном мире... Все, как прежде.. Все, да не все, многое еще предстоит вам... А пока – ешьте, пейте, веселитесь. А думы о грядущих испытаниях бросьте – они всегда грустны... А ты, шпион, ступай себе, иди по времени, сквозь годы и века, явись во всей своей неприглядности там, далеко-далеко, донеси, если сможешь, привкус и запах Огузов... Доживешь ты, шпион, до тех времен, когда, быть может, позабудут люди предательство... продажность духа и будешь ты для них, наверное, ожившим воспоминанием, которое сквозь тьму веков пройдя, сотрет различия меж правдою и вымыслом... былью-небылицей... сказкой и рассказом очевидца... И станут слушать все тебя, и будут слушать долго, так долго, что вяз развесистый до неба проростет, произойдет Вселенский листопад и шелест желтых листьев собой заменит звуки мира и все услышат в шорохе листвы печальный шёпот: конец, конец – всему делу венец... Эх, таким уж задуман наш мир: из ничего возникши, он в ничто стремится. Куда подевались воспетые мною герои?.. Все впереди – потери... испытания... предательства... разочарования... Но – довольно. Начнем, благословясь. Завершим начатое. В добрый путь, шпион! Иди, иди продажное дитя. Иди, иди, отважное дитя – вся вечность перед тобой. Пусть это горькое преданье закончится на этом месте, закопают в яме память о шпионе: пусть навсегда покроет тайна имя юноши-шпиона, достаточно нам знать кто мать его... Начнем, благословясь. Торопитесь, люди – я устал. Устал... я от всего, все надоело мне *(делает пассы)*.

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭПИЛОГ

...По приказу Деде Гор Гута сверху свисают толстые-претолстые канаты...

...С разных концов появляются Брюхатая ... Газзан ... Бурла Хатун... Бей Рек... Шер Шамс ад-Дин ... Бекил... Аррус ...

...Не видя друг-друга они опускают один конец каната в яму, берутся за другой конец, становятся наизготовку и ждут сигнала...

...По знаку Деде Гор Гута начинают и...
...из ямы, как из материнского чрева, начинает подниматься сын Брюхатой:

...голый, грязный, тощий, скрючённый...
...Словно зачарованные, герои продолжают поднимать шпиона...

...Бей Река мутит, он отбегает в сторону и содрогаясь блюёт...

...Обе женщины корчатся в родовых схватках ...
... Шпион поднят на один уровень с Деде Гор Гутом – опомнившись, герои опускают его вниз...

...Женщины подхватывают тело, укладывают его, Бурла Хатун поливает его водой, Брюхатая оmyвает...

...Герои обступают шпиона, в нос им ударяет вонь, морщась, они отступают и только сейчас видят друг-друга...

...Женщины обтирают юношу, обряжают его в чистые одежды...

...Даже умытый и приодетый шпион не вызывает жалости, но Брюхатая кладет его голову себе на колени, укачивает и светясь радостью неслышно напевает колыбельную...

...Словно хищный зверёк, попавший в силки, злобно озирается шпион...

...Сначала гаснет полная луна...

...Затем Деде Гор Гут растворяется в темноте...

...Потом становятся невидимыми герои...

...И вот: поцеловав сына в лоб, Брюхатая берёт его за руку и волочит упирающегося юношу за собой – в крошечный мрак.

Конец

Баку, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Ибрагимовлу. Сокровенный театр Камала Абдуллы.....</i>	3
<i>Ангел (перевод А. Мустафазаде).....</i>	17
<i>Дух (перевод А. Мустафазаде).....</i>	47
<i>Раз, два – слышу едва ... (перевод Г. Шыхаликызы).....</i>	101
<i>Ночи, полные дождя (перевод А. Мустафазаде).....</i>	127
<i>Ты – плохой мальчик! (перевод А. Мустафазаде).....</i>	157
<i>Кто вам сказал, что птица Симург бывает на самом деле?! (перевод А. Мустафазаде).....</i>	199
<i>Словно бы с опаской... (перевод А. Мустафазаде).....</i>	245
<i>Шах Исмаил, или все, возлюбившие тебя давно уж здесь... (перевод А. Мустафазаде).....</i>	283
<i>Шпион (перевод В.Ибрагимовлу).....</i>	325

Камал Абдулла

«Все мои печали...»
(пьесы)

Баку – Мутарджим – 2009

63

Директор издательства:
Тельман Велиханлы

Редактор издательства:
Алиш Мирзаллы

Технический редактор и оформление обложки:
Метанет Гараханлы

ISBN 9952 28 021 0

9 789952 280210

Подписано к печати 01.04.2009.
Формат: 84x108 1/32. Гарнитура: Times.
Объем: 21,75 п.л. Офсетная печать. Бумага офсетная.
Тираж 500. Заказ № 24.
Цена договорная

Издательско-полиграфический центр «Мутарджим»

Баку, ул. Расула Рзы, 125
тел./факс: (99412) 596 21 44
e-mail: mutarjim@mail.ru

03097790

Ж
11407

КАМАЛ АБДУЛЛА ПЬЕСЫ

Ангел

Дух

Раз, два - слышу едва...

Ночи, полные дождя

Ты - плохой мальчик!

Кто вам сказал,
что птица Сымург
бывает на самом деле?!

Словно бы с опаской

Шах Исмаил, или
все, возлюбившие тебя
давно уж здесь

Шпион

ISBN 9952 28 021 0

9 789952 280210